

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР САПЕГИН
СТОЛКНОВЕНИЕ

Столкновение

Александр Сапегин

Столкновение

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Сапегин А. П.

Столкновение / А. П. Сапегин — «АЛЬФА-КНИГА»,
2014 — (Столкновение)

Эпоха великих географических открытий в прошлом. На планете не осталось места, куда не ступила бы нога человека, даже на Луне сапог астронавта оставил свой след. Исследовать больше нечего. Terra incognita всего лишь легенда. Шамбалы и Атлантиды не существует. Но если это не так? Что, если есть неизвестные страны и миры? Вдруг окажется, что мироздание расположило их намного ближе, чем в соседнем рукаве Галактики, и людям не нужно преодолевать сотни и тысячи парсеков космического пространства, чтобы открыть новый мир? Десятки, сотни, тысячи миров! Они совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки и за стеной времени, разделившей их. Открытие российских ученых дало старт новой эпохе великих географических открытий и принесло новые беды эпических масштабов. Во многих мирах есть хозяева, которые совсем не рады гостям – они сами не прочь захватить мир визитеров...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Россия. Дальний Восток, пос. Таежный	9
Россия. Н-ск. Секретный научный центр	23
Россия. Н-ск	28
Россия. Таежный	37
Иланта. Великий Лес	56
Иланта. Южные Скалистые горы – Земля. Россия	62
Россия. Благовещенск, коттеджный поселок, с. Владимировка	72
Россия. Хабаровск	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Сапегин

Столкновение

Пролог

– Дайм! Уходи по левому логу! Дайм!

– Не спеши, Нарси, у меня для наших псоглавых друзей есть пара приятных сюрпризов. Не могу я их оставить без подарка! – Дайм скинул с плеч дорожную суму, одним движением развязал тесемки. – Сейчас-сейчас... будет вам пыль горь-травы в глотку...

– Дайм, не время! Уходим, нам надо сбить их со следа Грона! – Рядом с роющим в суме мужчиной остановилась высокая белокурая девушка. Ночное светило яркими серебристыми блестками играло в ее волосах.

– Надень капюшон! – рыкнул Дайм. – Не отсвечивай.

– Дайм!

– Помолчи!

Наконец он извлек из горловины заплечной сумы искомое. Объект судорожных поисков представлял из себя небольшой глиняный горшок с два кулака размером. Отойдя в сторонку, Дайм, с маниакальной улыбкой на устах, глядя на которую, любой здравомыслящий человек предпочтет держаться от улыбающегося подальше, а лучше – за линией горизонта, прикопал горшок в землю.

– Та-ак, теперь фитиль... Нарси, дай табачный порошок.

– Зачем?

– Надо! – Забрав у напарницы горсть толченого в пыль табака, Дайм щедрой рукой раскидал его на тропе чуть ниже установленной в кустах бомбы. – Бежим, фитиль тлеет шесть-семь минут...

– Что ты...

– Шевели ногами, Нарси! Ветер дует на нас: если мы не уберемся как можно дальше, то нас накроет облако яда, и богиня Салли распахнет нам врата чертогов, – задыхаясь от быстрого бега и морщась от бьющих по лицу веток, проговорил Дайм.

Добежав до крутого косогора, пара беглецов на мгновение остановилась. Мужчина сбросил капюшон, прислушиваясь к многочисленным переляам, доносившимся со стороны скрывающейся внизу тропы. Псаны взяли след, и теперь их альфы погнали загонщиков вверх, за людьми.

– Шевелись! – Дайм подсадил девушку. Та, хватаясь руками за толстые корни, торчащие из земли, скоро полезла наверх. Подпрыгнув, Дайм, ухватил свисающий конец брошенной ему веревки и моментально оказался рядом с Нарси. – На перевал! К южному проходу! Бегом!

Ба-бах!

– Попались! Гурговы выродки! – радостно крикнул мужчина. Истошный вой умирающих псанов живительным бальзамом изливался на душу минера. Через минуту завывания стихли, вместо них до людских ушей донесся рык разъяренных преследователей. – Теперь они пойдут только за нами. Грон может не беспокоиться. Считай, что семена и кровь-трава доставлены князю.

– Что было в горшке?

– Огненное зелье, перетертый корень лердана и порошок из ягод вороньего глаза. Только не говори, что за эту отраву без суда отрубают голову и тебе жалко псоглавых. Я бы их всех, своими руками... Всех, до последнего щенка! – сорвался на крик Дайм.

Нарси повернулась к напарнику и отшатнулась от горящих ненавистью глаз. Попади под этот взор кто-нибудь из псанов, он бы сгорел на месте. Настолько всепоглощающим было чувство, испытываемое мужчиной.

– Я тебя понимаю и не собираюсь осуждать, – сказала девушка, – я бы сама... – Ее пальцы судорожно сжались в маленькие кулачки. – Я убила десяток этих тварей и жалею, что мне не суждено убить еще десять.

– Ничего, сребровласка, мы добыли траву и семена. Знахари князя приготовят отвар и покончат с мором. Мы умрем не зря. – Дайм остановился. Зоркий взгляд мужчины успел заметить, как в предрассветном сумраке несколько блеклых теней с большими заплечными сумами перемахнули гребень перевала за спинами псанов, что гнались за отвлекающей группой. Дело сделано, Грон и его люди оторвались от преследования, теперь их не заполняют. Половина дневного перехода – и начнутся земли людей, где экспедицию ожидают княжеские сотни, которые смогут дать отпор обнаглевшим псоглавым вырождакам. – Осторожно. Дальше начинаются осыпи. Не хотелось бы зазря ноги переломать.

– Дайм, ложись!

Над головами парочки, плюясь искрами, пролетел огненный шар. Псаны задействовали тяжелую артиллерию – шаманов. Шар взорвался на осыпи, породив обвал, который отрезал беглецов от южного прохода через перевал. Преследователи купились на устроенное представление и решили, что главная группа людей играет роль отвлечения, а шустрая пара и есть переносчики семян кровь-травы – лекарства от смертельного мора, постигшего людские княжества.

– Гурговы твари! – в сердцах выругалась Нарси. – Они уже на тропе.

– Лезем вверх, на уступ, – ответил Дайм, разглядывая десятки согбренных фигур, выполняющих на горную тропу из-за кромки косогора. – Рассвет... Как некстати.

Псаны внизу радостно завывали и залаляли, разглядев в первых лучах дневного светила две человеческие фигурки, упорно карабкающиеся вверх по крутому горному склону. Шаманы, встав в два круга, затянули рыкающие речитативы. В центре рыкающих хороводов родились сгустки пламени, с каждой секундой рукотворный огонь становился ярче и насыщенней, земля под ним почернела.

«Вот и все, – подумал Дайм, – живыми нас не выпустят...»

«Тра-та-та-та!» – раздалось с уступа. Мгновение спустя к звонкому металлическому тархтению присоединились гулкие хлопки. На тропе разверзся ад... Ошарашенным беглецам показалось, будто гигантские воины с силой втыкают и выдергивают из земли исполинские копья. Псанов разрывало в клочья. Огненный шторм за секунду смел десятки преследователей, тропа перестала существовать. Оставшиеся в живых псоглавые воины, воя от страха, громадными скачками неслись вниз. Многие не удерживались на крутизне, спотыкались, и к подножию гребня скатывались уже мешки с костями. Спрятавшимся в лесу повезло немногим больше – они прожили чуть дольше, чем их собратья на горной тропе. Окружающее пространство наполнил противный резкий свист, и невидимые исполинские копья перепахали рощи под горой.

Дайм и Нарси, чтобы не сорваться вниз от возникшей тряски и не угодить под сыплющиеся сверху камни, всеми клеточками прижимались к холодному граниту. Через несколько минут свист утих, а к беглецам опустились веревочные лестницы. Напарники недоуменно посмотрели друг на друга, выбирать не приходилось. Кто бы ни помог им, он обладал невиданным могуществом. Кем надо быть, чтобы сотворить такую магию? В голову мужчине и женщине пришли одинаковые мысли: враг врага может оказаться другом; по крайней мере, они очень надеялись на подобный расклад.

Подъем с помощью лестниц был несравненно легче, чем медленное карабкание по острым камням. Беглецы одновременно достигли края уступа. Нарси подняла голову вверх и столкнулась взглядом с широкоплечим седовласым человеком в странной одежде зеленого листовидного цвета с черно-коричневыми пятнами и полосками. Серо-голубые глаза нежданного спасителя пробежались по фигуре девушки, отмечая и мужского покроя одежду, и лук за спиной, и походную заплечную сумку, и общий изможденный вид беглянки. Сильные руки

с мозолистыми ладонями помогли ей перемахнуть через край. Второй человек в странной одежде помог Дайму. От увиденной картины беглецы застыли в шоке. Весь уступ был заставлен странными домами на колесах и урчащими железными чудовищами, от которых противно пахло сгоревшим земляным маслом. Между домами и железными агрегатами сновали десятки людей, многие из них таскали непонятного назначения заскорузлые деревянно-металлические дубины с торчащими вбок рукоятками. Но самое странное было не в домах и чудовищах, а в том, что на скале за уступом распахнулось громадное окно, за которым угадывался бескрайний лес...

Часть первая Росток

Россия. Дальний Восток, пос. Таежный Вадим

Достав из короба последний груздь, Вадим очистил его от налипшей листвы и мелких щепочек, придирчиво осмотрел и уложил в чан. Маловато будет. Если так пойдет и дальше, то придется расстаться с планами по засолке пяти бочек грибов. Мало того что год не блещет урожаем, еще и нога подводит в самый неподходящий момент. Парень сунул в чан шланг, заливая дары природы колодезной водой, и приготовил гнет. Хорошо, что два года назад он настоял на своем и установил в колодце глубинный насос. Дед для порядка побухтел пару дней, потом смирился и одобрил инициативу внука. Как тут не одобрить, когда недоросль убивался половиной лета: выкопал глубокую траншею, уложил трубы и провел воду в дом. Тут хочешь не хочешь – одобришь. Не переть же супротив Полины, она баба боевая: упрет руки в боки, встанет на своем, и танком ее не сдвинешь. С другой стороны, ежели затеяли ремонт по полной программе, то, стал быть, надо его до конца доводить.

Залив грибы и придавив их крышкой с уложенным на нее громадным булыжником, Вадим проковылял к щитку и отключил насос. Нет больше ни бабы Поли, ни деда Миши. Жили они долго и счастливо и умерли в один день, точнее – в одну ночь. Пять лет назад, когда он с дедом ездил на каникулы к матери в Хабаровск, тот, мечтательно прикрыв глаза, обмолвился, что хочет умереть с газеткой в руках, сидя на унитазах. Чтобы тихо, спокойно, не страдая от старческих болячек и не мучая родных...

Вадим тогда жестоко обиделся на старика и на мать. На деда – за то, что тот собрался умирать, на мать – что слушала его разглагольствования и не одернула. Он потом два дня с ними не разговаривал. Нет, Вадим знал о том, что люди умирают. Старики в поселке что-то больно часто повадились отходить в мир иной. Но дед! Умирать он собрался... А внуку что делать? Куда топать? Матери и сводному младшему брату он даром не нужен. Отчиму – тем более. Тот и слыхом не слыхивал, что у жены есть ребенок не от него, пока дед однажды не заявился погостить на пару дней к дочке. Скандал был знатный...

Вадим до восьми лет искренне считал стариков своими родителями, мать-кукушка до этого времени ни разу не отметилась в жизни сына. Хотя один раз отметилась – родила. Баба Поля часто сокрушалась, что слишком баловала непутевую дочь в детстве, прощала, когда следовало наддать ремнем, вот и выросло из Натальи не пойми что. Так всегда бывает, если в голове гуляет ветер – из пятой точки мозги в нее не вложишь. Воспитывать следует, когда ребенок помещается поперек кровати, а не тогда, когда он и вдоль не влазит. Упустила она дочь, упустила. Троих сыновей вырастила, а дочь не смогла. Не вложила разум в непутевую голову. Уехав в город, поступать в институт, Наталья пустилась во все тяжкие, нагуляв на втором курсе ребенка. Предполагаемый папашка, узнав о беременности подруги, моментально исчез за горизонтом, бросив ее наедине с растущим животом. Наталья недолго горевала, решив вопрос кардинально. Зачем самой мучиться, менять пеленки, ночей не спать, если есть родители? Ей надо личную жизнь устраивать...

На пятом курсе она удачно выскочила замуж за сына какого-то нового русского. Молодожены получили в виде свадебного подарка тур по Европам, японский джип и магазин. Магазин принес проблемы с «крышей», но свекор помог и тут, разрулил острые вопросы. Наталья быстро освоилась в роли хозяйки, держа в ежовых рукавицах и мужа, и бизнес. Рожать она

не думала, но уступила просьбе свекра, мечтавшего о внуке. Антон был долгожданным ребенком, став баловнем и любимцем семьи. А Вадим? А что Вадим – так, с боку припека, ошибка молодости. Денег и есть не просит, на шее не сидит, старики с ним справляются – и ладно. Одним словом – отрезанный ломоть. В свидетельстве о рождении, в графе «отец» у него зиял жирный прочерк, отчество он получил в честь деда, ставшего ему и отцом и дедом в одном лице. Вадим Михайлович Белов – звучит гордо!

Так получилось, что, кроме стариков, никому он был не нужен. Детство и юность Вадим провел в тайге. Сначала дед водил его по грибным и ягодным местам, а когда ему исполнилось десять лет, стал ходить за грибами сам. Михаил Пантелеевич не устал повторять, что в тайге с голоду умрет только ленивый. Лес прокормит, обует, оденет, надо только знать, что и где взять. В советские времена в Таежном были мощный лесхоз и пчелосовхоз. Люди зарабатывали приличные деньги, лес и дикоросы шли на экспорт, никого в поселке не удивляла импортная бытовая техника. Мед на пасеках уходил моментально, заготконторы выстраивались в очередь. Куда что делось в девяностых?.. Первым развалился пчелосовхоз, «полосатые мухи» оказались никому не нужны, пасеки в мановение ока стали нерентабельны, заготовители забыли дорогу в поселок. Имуущество совхоза тихой сапой растащили по домам. Под эту марку дед приобрел пару медогонок, деревообрабатывающий станок и установку для стяжки бочек. Оплатой послужила четвертьведерная бутылка чистейшего первача. Лесхоз агонизировал дольше. Но и его постигла печальная участь. Из всех производственных мощностей уцелела лесопилка, перекочевавшая в собственность бывшего директора лесхоза. Люди, оставшись без работы, подались в города, многие спились. Из крепкого поселка Таежный превратился в вымирающую деревню. В девяносто восьмом закрыли больницу, реформировав ее в фельдшерский пункт. Благо школу отстояли, но дамоклов меч постоянно висел и над ней. Отдел образования, обеспокоенный наполнением классов и возрастом преподавателей, грозился закрыть школу, а учеников перенаправить в Благодатное, но отсутствие автотранспорта и мест в интернате заставляли чиновников повременить с закрытием.

Дед осуждающе смотрел на спившихся сельчан, приговаривая, что так опуститься могут только слабые духом и ни к чему не годные люди. Лес набит деньгами – приложи усилие, и они перекочат в твой карман. Зверь, грибы, орехи, голубица, жимолость, калина, лимонник, брусника, женьшень, березовые веники, на худой конец. На рынке килограмм соленых груздей стоит от пятисот до шестисот рублей; особо не напрягаясь, те же грибы можно продать торгашам за триста целковых кило, причем они сами приедут в поселок, погрузят товар и спасибо скажут, никаких тебе транспортных расходов. Те же груздь и волнушку влет разбирают хозяева расплодившихся ресторанов. Отдельной статьёй проходят мед и кедровый орех – чем не источник дохода? Если с орехом сложнее, урожай у него раз в четыре года, то «мухи» каждый год жужжат. Липы и бархата в округе полно, надо руки, растущие из правильного места, и терпение иметь, да товар подать красиво. Чтобы последнее утверждение стало былью, а не мифом, Михаил Пантелеевич сам мастерил деревянные бочонки на три, пять и десять литров – зима длинная, есть чем заняться. Мед заливался в бочонки, приобретая тот самый товарный вид, после чего сплавлялся в город. Хозяева одной торговой точки, с которыми скентовался шепутной старик, клюнули на оригинальную тару и недорогую закупочную стоимость товара. Да, бывало, они задерживали выплаты на пару-тройку месяцев, медок и грибы раскупали не сразу, но свою маржу дед Михаил имел всегда. С ягодой, кроме брусники, было хуже. Пока принесешь ее из тайги, да довезешь по буеракам и колдобинам до городского рынка, она превращается в кашу и ни на что, кроме киселя, становится не годна. Здесь требовался творческий подход. Варенье и джем неплохо котируются и поныне, хотя в магазинах полно свежих ягод и фруктов. Вари да закатывай в банки – вот баба Поля варила и закатывала. Дед и Вадим ходили в тайгу, таская до дому короба дикоросов. Сельчане втихую завидовали, но не пако-стили. Михаил Пантелеевич, разменяв седьмой десяток, был крепче столетнего дуба, а размер

его кулаков по-прежнему соперничал с погаными ведрами. Да внук у него вымахал на домашних харчах, как бык на комбикорме – на хромой козе не объедешь. Посему Беловых старались не задирать, себе дороже.

Задевать не задевали, но многие кумушки, стоило Вадиму подрасти и войти в возраст, принялись строить относительно него матримониальные планы и настропалять подрастающее поколение невест. А что: парень крепкий, видный, мужской красотой не обделен, чем не жених? Зарабатывает – не дом будет, а полная чаша. На далеко идущие планы мамаш несостоявшийся жених клал с прибором, строя из себя тупого пня и делая вид, что намеков он не понимает. Благо баба Поля и дед, своими словами, видя алчный блеск в глазах некоторых особ, подробно просветили внука в вопросах взаимоотношения полов и того, что из этих взаимоотношений вытекает. Еще в пять лет, когда мальчик разглядел в бане разницу между «пистолетиками» и начал задавать наводящие вопросы, дед рассказал ему, откуда дети берутся. Старик не был ханжой и считал, что младенцев в капусте находят только идиоты... Сам Вадим ночную границу между мальчиками и девочками переступил в девятом классе с одной одиннадцатиклассницей. У Валентины относительно него не было никаких планов, кроме как хорошо и весело провести время. Кто-то мог сказать, что девица польстилась на малолетку, если бы малолетка не был крупнее и выше большинства одноклассников обольстительницы. Встречались они до самого лета, потом у Валентины были ЕГЭ, выпускной и старый «москвич», отвезший девушку в город. Больше они не виделись. Вадиму сильно не хватало веселой и страстной в постели подружки, он не мог сказать, что это – любовь или что-то близкое к ней. Скорее привычка, но девушка успела стать частью его жизни, и тут ее вырвали с корнем. До окончания школы у него было несколько свиданий с другими девушками, раза три – секс. Но ни с кем он не встречался больше двух раз. Подруги хотели продолжения отношений – он не хотел...

Время пролетело быстро, под крылом стариков он дожил до выпускного. Окончив одиннадцатый класс и получив результаты единого государственного, провожаемый строгими наказаниями и добрыми напутственными словами, снедаемый радужными перспективами, парень поехал в Хабаровск. Планов было море: как бы ни хаяли деревню и отсталость местечковых педагогов, многие забывают, что в старых школах преподают учителя советской закалки, которые могут и умеют преподносить, а если непонятно, то вдабливать знания в головы учеников. Результаты ЕГЭ позволяли надеяться на бюджетное место в политехе или «железке». Сам Вадим окончательно не определился в выборе профессии. Можно было пойти в медицинский университет, но там требовалось знание химии, которого в Таежном, к сожалению, почти не дали. Сказались-таки отсталость деревенских общеобразовательных учреждений и нехватка преподавательского состава.

До краевого центра Белов-младший не доехал. ДТП, в которое угодил коммерческий микроавтобус в тридцати километрах от города, перечеркнуло мечты будущего студента. Через два месяца, проведенных в больнице, он, прихрамывая, вернулся домой.

Дед сдал. Вадим тогда до самой глубины души поразился произошедшим с родным стариком изменениям. Из крепкого столетнего дуба за какие-то два месяца Михаил Пантелеевич превратился в тухлявую, поеденную короедами развалину. Старик близко к сердцу принял беду внука, глубокие морщины проложили настоящие противотанковые рвы на его лице, кожа пожелтела, став похожей на древний пергамент. Вадим стоял у порога и судорожно сглатывал комок в горле, глядя в белесые, слезящиеся глаза деда. Баба Поля на фоне мужа выглядела огурчиком, но и ее беда не обошла стороной. Бабушка постоянно бросала на мужа полные боли и переживаний взгляды, она еще больше ссутулилась, выступающие вены на ее ногах стали синее, связавшись многочисленными узелками, пальцы натруженных рук обзавелись шишками на суставах.

– Приехал. Живой, слава богу! – проскрипел дед. – Проходи за стол, неча дверь-то подпи-
рать, чай, не отвалится. Садись, Вадимка, поснедаем, чем бог послал, отметим выздоровление.

Вадим, перекрестившись на красный угол, прошел к столу, на который баба Поля наме-
тала нехитрый обед, выставила салат из огурчиков и помидоров, подкрепив его нарезанной
колбаской и запотевшей чекушкой водки. Обедали молча, дед не признавал разговоров за сто-
лом, свято блюдя принцип глухоты и немоты во время еды. Одолев с помощью внука и жены
«беленькую», Михаил Пантелеевич дождался, пока они завершат трапезу, вытер руки рушни-
ком и вперил взгляд ставших подслеповатыми глаз в младшего члена семейства:

– Гуторь.

– О чем, деда?

– Ить, совсем нема слов? Куды таперь, в армию? Институты нонеча промуханы, да не
твоя вина в том. Жди повестки.

Вадим покачал головой:

– Нет, не годен я к строевой – хромые армии без надобности. Был я в комиссариате, через
месячишку за военником поеду.

– От оно как. Какие планы?

– Какие могут быть планы, дед? Планы отложены на следующий год, пока дома буду.
Денег подзаработаю. Сено косил? Чувствую, что нет. Дед, ты извини, но работник из тебя
сейчас никакой.

– Цыть! – Старческий кулак так стукнул по столу, что посуда, жалобно звякнув, подпрыг-
нула на месте. – Не твое собачье дело решать, работник я или нет!

– Не гоношись, пень старый, побереги себя. – Баба Поля сурово посмотрела на мужа, дед
моментально сдуся. Спорить с Полиной в такие моменты было себе дороже. – Не слушай его,
сын. Хорошо, что тебя выписали. Я уже и не знала, за что хвататься...

Сено пришлось покупать, благо у Вадима оставалось больше половины взятых с собою
средств, да старики не растрясли кубышку. Рулоны под навес пришлось перекачивать в одни
руки. Как бы дед не ерничал и не хорохорился, уставал он быстро, к тому же у него появился
нехороший кашель. Сено, комбикорм для скотины, картошка, все хозяйские дела, требующие
силы, полностью легли на плечи внука. Вадим убрал и перетаскал в сарай созревший урожай,
перекопал огород. Навоз – куда без него с коровой, бычком и двумя пороссями, – также пере-
кочевал на Вадимовы вилы. Стайки приходилось чистить каждый день, и как старики справ-
лялись без его помощи?

После приезда внука дед вроде потихоньку пошел на поправку. Освобожденный Вадимом от тяжелой работы, он занялся пчелами и садом. Особое внимание старика привлекало
деревце, выросшее рядом с облепихой. Михаил Пантелеевич лелеял мечту сделать весной
несколько отводков, проверить, пустят ли они корни, уж больно ему понравилось неизвестное
растение.

Если быть точным, тонкий серебристый росток, проклюнувшийся посреди кучи прелой
травы и листьев, которые специально складывали под колючие кусты, Вадим заметил еще в
начале июня. Поначалу он хотел вырвать сорняк, но, приняв хавшись к медовому аромату, иду-
щему от нежных зеленых листиков ростка, решил повременить с кардинальным решением.
Интересно, может, это и не сорняк вовсе? Дед, которому было указано на серебристого ново-
села, согласился с мнением внука. Если что, топор всегда под рукой, срубить никогда не поздно.
Тем паче старый экспериментатор хотел посмотреть, как на медовый аромат будут реагировать
пчелы, для чего съездил на пасеку и привез тройку ульев. «Мухи» к инициативе пчеловода
отнеслись благосклонно. Им явно пришелся по вкусу нектар, выделяемый по утрам и вечерам
листочками деревца с бархатной, серебристой корой, которое к середине июля вымахало до трех
метров в высоту, выстрелив во все стороны множеством тонких веток и обзаведясь красивой
зеленой шапкой.

Так, в домашних заботах и хлопотах, пролетели остаток августа и почти половина сентября. Победив огород, Вадим отправился в тайгу. Он не оставил планов на высшее образование, по-прежнему мечтая поступить, теперь он определился точно, в медуниверситет. А для поступления требовались деньги на репетитора. Зима впереди долгая, есть все условия, чтобы подтянуть знания по химии. Брать деньги у стариков не позволяла совесть, от матери помощи ждать бесполезно, значит, необходимо крутиться самому. А как крутятся таежники? Правильно – грибы, орехи, ягоды и дичь.

Тайга, как на горе, совсем не радовала в этом году груздями: приходилось часами ходить по грибным местам, чтобы нарезать пятиведерный короб. Лимонник тоже не уродился. Оставалась надежда на орехи – шишки на кедре было море¹, поэтому Вадим заранее сговорился с ватагой поселковых мужиков, приготовил молотилку с моторным приводом и сита. Молотилка была его персональной гордостью, как и привод, цепляемый к переделанному заднему колесу «Минска». Раньше шишковать он ходил и ездил с дедом. Но в связи с новыми обстоятельствами стоило скооперироваться с парой-тройкой надежных мужиков. Чревато соваться в лес и лазать по кедром одному, были случаи, когда одиночек находили между ветками через два, а то и три года после пропажи. Зачастую муравьи успевали объесть незадачливых шишкарей до блестящих косточек. Да много ли возьмешь в одного? Гораздо легче разбить стан и работать группой. Чем шишку в одну харю палкой сбивать, лучше на толпу кедрину аккуратно, чтобы не сбить кору, обстучать колотом².

Планы-планы... сколько бы ты ни планировал, не стоит забывать, что на твои предположения всегда могут лечь чужие расположения. Бегаю за груздями, Вадим не чурался резать жарешники. Белые, подберезовики, подосиновики и маслята неплохо дополняли ежедневный рацион. Хотя большая их часть попадала в банки – зима длинная, а маринованные грибочки в морозный день у теплой печи расходились влет. Иногда грибник заходил к соседке – бабке Ширшихе. На самом деле Пелагея Матвеевна носила фамилию Ширшова, но, как водится, за глаза ее звали именно так, иногда добавляя Ширшиха-ведьма. Вадим искренне не понимал такого отношения сельчан к одинокой бабусе. Она никому не отказывала в помощи и никогда ни с кого не брала денег. Стоило только медицине дать на ком-нибудь сбой, а врачам – беспомощно развести в стороны руками, как люди вспоминали о старой деревенской знахарке и шли на поклон к нелюбимой и нелюдимой односельчанке.

Никто не знал, сколько Пелагее Матвеевне лет, на памяти Вадима она всегда была сморщенной бабушкой невысокого росточка. Дед иногда говорил, что в молодости та была огонь-бабой и многие мужики старались добиться внимания красивой молодки. Но то было, когда он сам босиком носился по лужам, а в памяти сей факт отложился потому, что мать часто кричала на отца, чтобы тот не зарился на бесстыжую соседку. С тех пор утекло немало воды, Пелагея схоронила мужа и двоих детей, четверо младших сыновей и внуки уехали из поселка лет тридцать назад, после отъезда ни разу не навестив мать, правда, иногда отмечаясь редким письмом. Где и как они живут, никто не знал, а Ширшиха не говорила. Со знахаркой Вадим познакомился в семь лет. Случилось это после того, как он навернулся с груши и вывихнул правое плечо. Баба Поля не раздумывая повела хнычущего внука к соседке, справедливо рассудив, что в фельдшерском пункте, в котором два года как отсутствовал хирург, особой помощи не дождешься. Ширшиха осторожно пощупала тонкими пальцами отекавшее плечо мальчика, что-то пошептала, велев бабе Поле налить в таз теплой воды и подать ей мыло. Намылив руки, она несколько минут водила ладонями по плечу Вадима, который с интересом следил за угрюмой соседкой, тут в ее руке будто сам собою возник киндер-сюрприз.

¹ Шишки на кедре было море (диалект.) – имеется в виду богатый урожай, большое количество шишек на кедрах. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² Колот напоминает большую дубину, считается браконьерским приспособлением, так как при сильных ударах по стволу кедра повреждается кора дерева.

– Держи, – сказала знахарка. Вадим потянулся за лакомством левой рукой. – Нет-нет, другой ручкой, давай. – Она улыбнулась доброй открытой улыбкой, обнажив на изумление белые и крепкие зубы, что было удивительно для древней старухи. Не понимая, что делает, забыв о боли, он потянулся правой. В плече щелкнуло, резко стрельнуло болью, и тут же все прекратилось.

– Молодец, – сказала Ширшиха, потрепав «пациента» по голове, глядя, как тот снимает с шоколадного яйца обертку, вовсю пользуясь правой рукой. – Не болит ручка? Вот и ладненько, не падай больше.

С тех пор мальчишка стал захаживать к бабке: то грибов ей принесет, то ягод, иногда помогал по хозяйству – дров наколоть или забор поправить. Сплетницы судачили, мол, приворожила старая карга беловского внука. Дед и баба, слушая досужие пересуды, поплевывали в сторону. Ходить к знахарке они не запрещали.

В тот день парень, набрав ведро молоденьких подберезовиков и маслят, решил провести соседку, а то что-то долго она не показывалась на улице и в огороде. Не заболела ли, случаем?

Ширшиха, сжавшись в позу эмбриона, лежала на старом, продавленном диване, в доме было не топлено, в воздухе витал тяжелый дух ожидания смерти. Увидев Вадима, она с трудом разомкнула губы и протянула ему руку.

– Возьми, – прошептала она. В глазах старухи плескались невероятная горечь, боль и тщательно скрываемая надежда. Вадим отступил на пару шагов назад. – Возьми, возьми, ВОЗЬМИ! – запричитала знахарка. – ВОЗЬМИ! Ты можешь, возьми!

Уже понимая, что еще не одну сотню раз пожалеет о необдуманном поступке, он шагнул вперед, протянул руку и коснулся маленькой старческой ладошки. Пальцы пронзило электрическим разрядом, лицо Ширшихи расслабилось, казалось, она помолодела на четверть века.

– Благословляю. Не греши, – тихо сказала знахарка, – деньги в верхней полке... Иду, Сема...

Бабка, лицо которой стало необыкновенно умиротворенным, повернулась на спину, сложила руки на груди и закрыла глаза. Грудь ее несколько раз поднялась, на пятом или шестом вдохе остановившись окончательно. Пелагея Матвеевна умерла...

– Матвеевна умерла, – огорошил Вадим деда, переступив порог дома.

– Царствие небесное, – набожно перекрестилась баба Поля.

– Я ей грибов хотел... а она...

Знахарку похоронили в дальнем, старом конце кладбища рядом с заброшенной, заросшей бурьяном могилкой, на медной табличке креста которой, поднапрягшись, еще можно было прочитать: «...Семен Аристархович Ширшов род. 07V...95...», дата смерти идентификации не поддавалась, как и эпитафия под ней. На новом деревянном кресте была приделана табличка с фамилией усопшей и датой смерти; когда Пелагея Матвеевна родилась, так и осталось тайной, ни паспорта, ни каких-либо метрик в доме не нашли. Документы как сквозь землю провалились. Вадим подозревал, что она ненамного моложе покойного мужа и давно перешагнула вековой юбилей. На почте он отбил несколько телеграмм на адреса, указанные на конвертах, обнаруженных в верхней полке комода рядом с похоронными деньгами. На похороны приехал младший сын с внуком. На вид сыну было далеко за шестьдесят, да и внучок разменял четвертый десяток – здоровенный мордатый детина за рулем крутого японского джипа.

Внук знахарки развил бурную деятельность: никто в поселке и моргнуть не успел, как старый, но крепкий дом покойной и обширный земельный участок с протекающим через него ручьем и подступающим сосновым бором перекочевали в собственность ушедшего потомка. Дед осуждающе проскрипел, что некоторые алчные выродки умеют маскироваться под людей, но смерть предков расставляет все по своим местам: денег куры не клюют, а на достойный памятник копейку зажал. Дрянь человеке...

В конце сентября случилось то, чего Вадим боялся больше всего на свете...

Не было ни предчувствия, ни пресловутых болей в сердце и душе, ничто не говорило, что должно что-то случиться. По привычке он проснулся в половине седьмого. В это время баба Поля обычно успевала подоить корову и похлопотать на кухне, но сегодня в доме было необычайно тихо. Прислушиваясь к натужному мычанию Зорьки, Вадим вышел на порог. Странно, свет в стайке не горел. Так-так... он прошел в летнюю кухню и наткнулся на полные бадьи запаренного с вечера комбикорма. Скотину никто не кормил. Похолодев, парень рванул в дом.

Дед и баба, обнявшись, лежали на кровати. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они больше никогда не проснутся. Вадим тихо съехал на пол, уперевшись лбом в колени. Сбылась мечта старика, пусть он и умер не с газеткой в руках, сидючи на унитазе. Смерть пришла к нему во сне, забрав с собой и его и любимую супругу. Безноса поступила в высшей степени гуманно, взмахнув косой один раз на двоих, не мучая их старческими болячками и не вгоняя в маразм.

Вадим сидел в дверном проеме, безучастно смотря перед собой. Дед и баба ушли, а как же он? Что ему делать? Как бы его ни воспитывали, ни приучали к мысли о смертности родных и близких, ни напоминали, что Смерть может прийти в любой момент, она явилась, как всегда, неожиданно. Да, ее ждали, но не в этот день и не в этот момент. Он не дожидался, привыкнув, что за спиной есть кто-то, кто направит и посоветует, тот, на кого можно положиться и кому можно пожаловаться на превратности судьбы и несправедливость жизни. Они ушли... он остался, теперь ему одному противостоять проблемам и превратностям судьбы, не надеясь на помощь и доброе слово от родного человека. Теперь он один...

Вадим тяжело поднялся и, еле переставляя ноги, поплелся к соседке. В груди было непривычно пусто. Тетка Лариса моментально заподозрила неладное, услышав новость, ахнула, прикрыв рот ладошкой. Благодаря ее помощи он как-то пережил первый, самый трудный день. Дальше не было легче – нет, просто на парня свалились все хлопоты по хозяйству, не дав горю захватить его полностью. Перемежая дойку и кормление, он носился «по инстанциям», прося, требуя, оформляя и оплачивая, отправляя телеграммы родственникам и пытаясь дозвониться матери. Вечером второго дня порог дома переступил представительный мужчина в осеннем плаще и костюме-тройке. Гость оказался нотариусом; оказывается, старики в августе месяце, за неделю до выписки внука из больницы, составили завещание, коим оставляли все Вадиму, признав его единственным наследником. В собственность парня переходили дом, земельный участок, коллекция серебряной, еще царских времен, утвари и старинные Библии, стоимость которых он даже не брался предположить – ясно, что много, и сто пятьдесят тысяч рублей, заблаговременно снятых с книжек.

«...Не то черви, сынок, что мы едим, а то черви, что нас едят... Предай нас огню... Прах к праху, лучше удобрить пеплом медовое дерево у облепихи, чем накрывать стол червям, обойдутся без меня, вот и Полина о том же глаголет... Перед Богом все равны...» Вадим читал последние строки эксцентричного дедовского наказа и не видел слов, слезы застилали глаза. Мужчины не плачут... – плачут и еще как, только тихо, в кулак, в глубь стораемой юности...

На похороны не смог приехать только средний сын деда – дядька Валера. Валерий Михайлович жил в Питере, он обещался прилететь на девять дней, меж тем оформив денежный перевод на двадцать тысяч рублей. Виктор и Сергей Михайловичи приехали с женами, вечером третьего дня нарисовалась и мать. Одна. Ее благоверный никогда не пылал любовью к старшему Белову, ни при жизни, ни после смерти. Мать напомнила Вадиму мордатого внука Ширихи, когда попыталась заикнуться о продаже дома и наложить лапу на столовое серебро, но ее корысть была жестоко обломана сыном. Из дедовского наследства он передал дядьям и матери по одной Библии и на этом закрыл тему. Мать манерно обиделась, на что Сергей Михайлович указал, что на обиженных воду возят; на этой ноте она прекратила всяческие поползновения отхватить куш. Строго следуя завещанию, Вадим пригласил священника и сложил в дальнем конце огорода громадный погребальный костер, на который ушло три машины дров.

Жаркое пламя облитых соляркой поленьев скрыло гробы. Красные языки проводили души на небеса. Сельские сударушки не преминули почесать языки про последние похороны – Беловы и живыми были не совсем от мира сего, стараясь выделиться из общей массы, и после смерти отличились. Все у них не как у людей: надо же устроить представление, показать, какие они особенные... Вадиму было плевать на кривотолки – потреплются и перестанут. Пепел погребального костра удобрил землю у медового дерева с серебристой корой, там же появились два аккуратных мраморных надгробия, извещавших – «родился... умер...», а сударушки пусть треплются...

Все проходит. Постепенно парень втянулся в суровые будни деревенского бобыля. Ему было не привыкать справляться по хозяйству, за пару скорбных дней он незаметно для всех превратился из недоросля в самостоятельного взрослого мужчину, которому по плечу преодолеть житейское море. После похорон пришлось корректировать планы на осень и зиму. Вычеркнутым оказался пункт, согласно которому намечался калым на кедровых орехах. Выезд в тайгу предполагал занять пару недель, но корова, свиньи и пчелы никак не вписывались в сие расписание, поэтому от орехов пришлось отказаться. Покупателей на пчел тоже не нашлось – кому охота выкладывать деньги за семьи, не зная, как они перенесут зиму? Мало ли хозяин говорит, что протравливал и обрабатывал – клещ и обработанных пчел уничтожал за милую душу. Наступит весна, там ясно будет. Вадим прикидывал и так и эдак, по всему выходило, что от коровы к лету придется избавляться, никто не будет ухаживать за чужой животиной, пока хозяин постигает азы науки. Только что делать с домом? С посудой и Библиями проще, их можно сдать в какой-нибудь банк на хранение, а дом ни в одну ячейку не влезет, продавать он его не собирался. Сдать бы кому-нибудь внаем, но кому? Сплошные вопросы, и никаких ответов или подсказок на оные. Не надумав ничего конкретного, он решил сначала дожить до весны, а там вернуться к назревающей проблеме.

Пока суд да дело, потихоньку пополнялись бочки с груздями, осень выдалась теплая, и парень старался урвать причитающееся. На соседнем участке появились строители. Внучок Ширшихи подозрительно долго крутился у дома бывшего директора лесхоза: к бабке не ходи – мордатый владелец японского внедорожника стал обладателем лесопилки, иначе зачем ему понадобилось строительство нового дома? Приезжие оказались иркутянами. Фирма с берегов Байкала специализировалась на строительстве домов из оцилиндрованного бревна. Местные пророчицы в кои-то веки оказались правы – лесопилка и деляна под вырубку сменили хозяина. Мордатый быстро перетасовал кадры, поменяв таежнинских мужиков на китайских гастарбайтеров, готовых работать за сущие копейки в самых нечеловеческих условиях. В поселке и так было туго с работой, а тут последний законный заработок уплыл на сторону. Мордату намекали не злить лихо: в каждом первом дворе имеется ствол, а то и несколько, да через один – нарезные, но тот чужих советов не слушал и не обращал внимания на затаивших злобу безработных лесорубов. Китайцы моментом напоставили на пятнадцать километров вокруг деляны капканов и петель, хищнически уничтожая дичь. Охотники из местных пару месяцев терпели, но в конце концов навестили южных соседей. Под блеск вороненого металла они потребовали унять аппетиты, в противном случае никто не гарантирует пришедшим браконьерам, что пуля дура не спутает их с каким-нибудь редким зверем. А там – тайга большая, поди разберись, кто стрелял... Петли и капканы исчезли через три дня, русский язык, как оказалось, понимают все без исключения, если он подкреплён соответствующими доводами, а то, что китайцы рубят лес, так это их хозяин на лесоповал загнал, а кушать каждый хочет, китаец он или русский Ваня, тут к трудолюбивым работникам нельзя придраться.

Поселковые и мировые новости проплывали мимо сознания Вадима, разум которого был занят другими вещами. Без внимания остались статьи в газетах и телепередачи, освещающие строительство таинственных порталов в Индии и соседнем Китае. Сельчан не трогали победные религии, посвященные открытию новых заводов на Урале и западе России, ветер пропа-

гандируемых перемен дул как-то мимо дальневосточной глубинки и никак не отражался на благосостоянии простых россиян. Ну, строят что-то там в Комсомольске-на-Амуре, так до того строительства полтыщи верст раком по буеракам. Парень активно зубрил школьный курс органической и неорганической химии. Нанятая им старая школьная учительница, лет десять как ушедшая на заслуженный отдых, поражалась упорству Белова-младшего, от всего сердца желая нанимателю успешно поступить в намеченное учебное заведение.

В январе в Таежный приехали дедовы знакомцы из Хабаровска. Узнав, что Михаил Пантелеевич почил в бозе, они сперва опечалились, как же – коммерсанты надеялись отовариться лесными разносолами, но внук почившего успокоил покупателей. Есть, мол, партия товару в количестве пяти столитровых бочонков. Парни тут же обрадовались, озвучив закупочную цену, оказавшуюся несколько ниже той, по которой они работали с дедом. Чего греха таить, на сто рублей за килограмм ниже. Видно, рассчитывали, что молоденький хозяин берлоги в дремучем углу польстится на общую, довольно приличную сумму. Но молодой медведь оказался совсем не тем косолапым увальнем, которого в нем увидели. Вадим покивал, улыбнулся и вытурил незваных гостей за калитку. Езжайте, гости дорогие, туда, откуда приехали; за те смешные деньги, которые вы предлагаете, он сам свезет грузди в город и продаст по четыре сотни за кило. Или вы рассчитываетесь по заранее оговоренной с дедом таксе, причем сразу, а не после продажи товара, или уматывайте. Купцы удивились озвученным условиям: почему сразу? За наглость. Да будет им известно – хрустящие дары леса третий год собираются исключительно им, и дед не делал для внука никаких коммерческих тайн. Победила молодость. Несколько расстроенные любители соленого сначала не хотели слушать про мед, но были сражены наповал запахом и вкусом сладкого товара из «особливых» туесков. Дед успел откатать по бидону из трех ульев, ради эксперимента выставленных в огороде рядом с «медовым» деревом. К тому времени Вадим продал большую часть меда, взятого с семей на пасеке, по бросовым ценам скупщикам из районного центра, придержав главный товар. Чуть белесый, карамельного цвета медок до одури пах летом, бархатом и солнцем, плавно тянулся за ложкой, переливаясь золотистыми искрами. Золото, а не мед... Опять победила молодость. Купцы выставили мировую, переночевали у молодого и не по годам ухватливого продавца и по зорьке двинулись обратно. Почему-то Вадим не сомневался, что «особливые» туески вряд ли будут выставлены на витрину – разойдутся по друзьям и знакомым в виде дорогих подарков. Себе он оставил один молочный бидон.

Долго ли, коротко ли, просвистел ветрами февраль, Зорька отелилась голенастым телом, на завалинках потемнел и осел снег. Строители с берегов Байкала закончили возводить хоромину мордотому внуку и теперь подводили верхние венцы баньки, вставшей в пятнадцати метрах от дома у излучины ручья. Соседями они оказались хорошими и не пакостливыми. Бригада иркутян работала давно и была на диво сплоченной – мужики стояли друг за друга горой. К слову, сдать объект они рассчитывали к концу января, успев до морозов залить фундаменты дома и бани, но форс-мажоры со снегопадами и общая удаленность Таежного от железной дороги существенно сдвинули сроки окончания стройки. Пришлось мужикам задержаться. Сказать, что у них не было конфликтов с местными задиристыми петухами – значит соврать: были и гулянки и мордобои. Как всегда, делили не водку – баб. Вадиму причины были не интересны. Он, к собственному удивлению, разбирался с последствиями...

Первый раз ЭТО случилось второго января. Поселок гулял. Кто из россиян не любит Новый год? Сложный вопрос; народный праздник требует народных гуляний, но не выносит излишних возлияний. В любом случае найдутся те, кто нажирается больше, чем может выпить, но меньше, чем хотел. Таким господам окрестные моря становятся ниже щиколотки, а душа требует простора. Один из таких «распростертых» топал на автопилоте мимо дома Ширшихи, совсем некстати вспомнив учиненные пришлыми строителями обиды. В роли яблока раздора в этот раз выступала эфемерная то ли Елена Прекрасная, то ли Манька Грудастая с Заречной

улицы. Вспомнить-то он обиды вспомнил, но доказать их и наказать виновного в личных горестях не смог. Иркутяне ласково проводили незваного гостя. Как ласково? Синяк под глазом у того был почти не виден. Носитель блеклой подсветки, как мультипликационный Карлсон, обещал вернуться. Через час у калитки будущего особняка ошивался пяток «привидений с моторчиком», в смысле таких же синих и прозрачных, стеклых как трезвышко охотников до молодецкой забавы – кулачного боя. На всю улицу сыпались угрозы, иркутянам предлагалось ответить за базар. Слово за слово и пару пузырей подогрева – завязалась потасовка между самими правдолюбцами. Драчунов вынесло к дому Вадима, где они расставили точки над «и», проверили целостность физиономий, перетерли по понятиям и решили выпить по мировой. Где брать мировую? Да вот же дом, попросим хозяина, он нальет... но хозяин наливать отказался... Ах ты ж, сука, своих не уважаешь? Вадим «приласкал» троих, не сходя с места. Может, он и охромел после аварии на одну ногу, но кулаки у него меньше не стали, и стать беловская никуда не делась. Один из стукнутых свалился на землю, зайдясь в припадке. Назревающая драка затихла сама собой. Тут на Вадима накатило: он, придавив коленом припадного (им оказался Кирилл Нежданов, старший брат одноклассника Вадима, был он лет на пять старше самого хозяина дома), положил ладони ему на голову и подержал с десятков секунд. Парень перестал дергаться, чуть-чуть полежал на снегу и открыл совершенно трезвые глаза.

Кто первым сказал «колдун» – неизвестно, но шепоток быстро разнесся по замершей толпе. Драчуны растеряли пыл и предпочли ретироваться. Кто знает, на что способен беловский выродок – найдет порчу, доказывая потом, что не верблюд. У короткой драки, оказывающейся, был еще один свидетель...

На следующее утро Вадим, покормив Зорьку, выходя из стайки, столкнулся с бригадиром иркутян...

– Доброе утро, – первым поздоровался Вадим, чувствуя нутром, что Геннадий Михайлович Фомин, бригадир строителей и тезка по отчеству, пришел не просто так. Строители, пока Зорька не ушла в запуск, покупали у парня молоко, в связи с чем он быстро со всеми перезнакомился. Пожилой, тертый жизнью калач, Фомин несколько заискивающе и робко смотрел на парня.

– Доброе, Вадим Михайлович, – проявил вежливость гость.

Хм, что-то новенькое, точно к ночи снег пойдет; гордый, знающий себе цену командир пришлых варягов снизошел до величания молодого пацана по отчеству...

– Проходите в дом, там скажете, что вас привело ко мне ни свет ни заря.

– Спасибо.

Войдя в дом, гость стрельнул глазами по сторонам, перекрестился на красный угол, который Вадим оставил нетронутым после смерти деда и бабушки, и в некой нерешительности остановился у шкафчика для верхней одежды.

– Не стойте у порога. Чай, кофе или, может, что покрепче?

– Спасибо, от кофе не откажусь. Э-э, две ложечки сахара, забеливать молоком не надо.

– А коньяком?

– Не стоит, – улыбнулся бригадир на легкую подначку.

Вадим на секунду замер у кухонного гарнитура. До него только что дошло, что гость предстал перед ним с чудным цветным переливающимся ореолом вокруг тела, а сам он откуда-то понимает значения цветов. Удивляться сил не было, эмоции кончились вчера. Бессонной ночью он долго думал и сопоставлял эпизоды вечерней драки и накотившей на него потребности помочь болезному односельчанину. Все логические выводы так или иначе приводили к бабке Ширшихе, когда он не хотел брать НЕЧТО, предлагаемое умирающей соседкой, зная, что не простой дар она отдает. Тряхнув головой, словно отгоняя мошкарку, парень плеснул в кружки кипятка, после чего наметал на стол пару вазочек с различным печеньем и поставил

розетки с медом и земляничным вареньем. Бригадир сидел за столом с каменным лицом, молча наблюдая за манипуляциями хозяина.

– Прошу, не побрезгуйте угощением, – вспомнив одну из любимых дедовых присказок, сказал Вадим.

– Благодарствую. – Иркутянин был предельно серьезен. Отдав должное великолепному меду и душистому, с запахом лета, варенью, мужчина перешел к сути визита: – Вадим Михайлович, вы колдун?

– Вы верите в колдовство?

– Тогда по-другому: вы экстрасенс? И в колдовство не верю, я существо приземленное. Верю в вещи материальные, которые могу пощупать руками или увидеть глазами.

– Тогда вы не по адресу, – ответил Вадим, которого начал утомлять только что начавшийся разговор, – материальных свидетельств колдовства представить не могу.

Гость, видя резкую перемену настроения хозяина, пошел на попятную:

– Я видел, хм, ночной инцидент...

– Вот оно что! Чего же вы хотите от меня?

– Посмотри Сергея. – От волнения бригадир перешел на «ты».

– А что с ним не так?

История Сергея, парня двадцати трех лет от роду, оказалась проста, как мир. Не послушав наказа старших товарищей, тот поперся на дискотеку. Чужих девчонок он не цеплял и вроде уже успел познакомиться с несколькими поселковыми парнями, чтобы их считать пусть не друзьями, а почти корешами. Но разгоряченным алкоголем задирам это оказалось далеко до фени, как и заступничество земляков. Парня вызвали в темную подворотню. Драки не было. Сергея сбили с ног и несколько раз пнули. Один из ударов пришелся по позвоночнику. Парень на первый взгляд легко отделался, на теле у него не осталось даже синяков, так как пинавшие его сами были насиняченными до поросычьего визга. Но это на первый взгляд... Через месяц у него начали болеть руки, стала пропадать сила, пальцы разжимались сами собой...

– Приводите. – Вадим одним словом завершил разговор, поняв, что не может бросить человека один на один с подобной бедой. Оставался вопрос к строителям, почему они не обратились в фельдшерский пункт или не отвезли парня в город, техника-то у них есть... Ждали у моря погоды? Фомин поблагодарил за кофе, раскланялся и пошел к бригаде.

Прошло пятнадцать минут, лай Снежка возвестил о новом визитере или визитерах. А где ты был, сторож хвостатый, когда приходил бригадир? В конуре сидел, прохиндей? Почему не лаял?

Фомин пришел в компании троих подчиненных.

– У них тоже руки ослабли? – спросил Вадим. – Нет? Тогда я вас не держу. Сергей, останься. Калитку не забудьте закрыть.

Цветной ореол вокруг парня был блеклым, сильно проигрывая в яркости соцветию бригадира, на грудном отделе позвоночника больного поселилась серая клякса, в самом центре которой пряталась небольшая черная точка. Нашлась причина бед молодого человека... что с тобой делать-то, клякса с ножками?

Вадим тщательно вымыл руки с мылом.

– Разденься до пояса, – приказал он Сергею. – Верх сымай, штаны можешь оставить и ложись на диван лицом вниз.

Сергей, на которого неожиданно сильно действовали хриплые, гипнотические интонации в голосе молодого экстрасенса, впал в протрацию, на полном автомате скинул с себя свитер и футболку. Словно сомнамбула, на ногах-ходулях, он подошел к указанному дивану, плашмя плюхнувшись на него. Действуя по наитию, Вадим кончиками пальцев, едва касаясь кожи, покрывшейся мурашками, провел вдоль позвоночного столба парня. Подушечки едва

ощутимо покалывало. В районе черной точки по рукам прошелся странный разряд, невольному доктору показалось, будто у него засветились ладони; Сергей болезненно вскрикнул.

– Лежи, не дергайся... – прошипел Вадим. – Терпи, казак... хм, на этом пока все. Одевайся. Придешь вечером. Возьми сменное белье.

Пациента не надо было упрашивать. Моментально облачившись, он чуть ли не бегом сбежал от страшного соседа, хлопнув входной дверью. Через пару секунд скрипнула калитка.

– Ну, Пелагея Матвеевна, ну, удружила. Век тебя помнить буду, – смахнув со лба крупные капли пота, сказал новоявленный знахарь. – И что мне теперь со всем этим делать, а? Я и так в чудиках хожу, только славы злобного колдуна мне для полного счастья не хватало... – Он посмотрел в окно, выходившее на бывший дом Ширихи, сейчас там половина бригады обступила кругом его пациента, – по-видимому пытаясь подробности. – Не сиделось вам на берегу Ангары, ловили бы себе омуля; нет, приперлись...

День прошел тихо и буднично (зубрежка химии и биологии, повторение русского и английского языков), за исключением того, что Вадим растопил баньку. Интуиция подсказывала ему – следующий этап лечения должен быть именно там. Сергей появился в половине восьмого вечера, провожали его будто на убой. Несчастный, сейчас его злобный колдун разберет на ингредиенты для зелий! Но ожидания подопечного со товарищи не оправдались. Вместо алхимической лаборатории его отвели в жарко натопленную баню, где хорошенько отхлестали веником, после чего, распаренного до одури, положили на пороге между парной и мойкой. На красную как у рака спину покладали свежий березовый веник, ручку которого обстучали обушком небольшого топорика...

Вадим с чувством выполненного долга смотрел на свою работу. Черная точка исчезла, будто ее не бывало, серый цвет кляксы сменился на молодую зелень, да и сами границы бывшей мутной области расплылись и потеряли очертания, сливаясь со здоровым ореолом. Влив в Сергея сто пятьдесят грамм водки, он отправил его восвояси, наказав на неделю воздержаться от работы, в противном случае знахарь ни за что не ручается. Опыневший от водки и от счастья парень, не чувствуя ставших привычными болей, рассыпался в благодарностях, сулил деньги, говорил, что он теперь должник до гробовой доски. Увидев протянутые ему мятые тысячные купюры, Вадим озверел, выхватил деньги, запихав их бывшему пациенту за пазуху, и на пинках выпроводил того из бани. Придурок, какой придурок...

– Ты прости его, – сказал утром Фомин, – не держи зла на Серого. Молодой он, глупый: не знает, что таким, как ты, взять деньги – грех. Мы лучше тебе беседку у ручья поставим, материала у нас навалом, хорошо?

– Как пожелаете, ты только не нагружай его с недельку, да вместо матраса пусть на досках поспит. – Почему на досках и почему неделю – Вадим и сам не мог сказать, но так было надо, так было правильно.

Через месяц, в последних числах февраля, Снежок остановил у калитки еще одного посетителя, прибывшего с берегов седого Байкала – Степана Загоруйко. Здоровенный детина, родители которого, коренные харьковчане, по комсомольской путевке приехали строить БАМ, да так и вросли корнями в сибирскую землю, работал у Фомина и крановщиком, и кровельщиком, и плиточником, и мастером на все руки. Степа серьезно сошелся с Тоней Павловой, сельской почтальоншей, миловидной тихоней среднего росточка. Кроме симпатичного личика и спокойного характера у Антонины были два несомненных преимущества – красивая грудь и богатая коса, спускавшаяся ниже пояса. Несмотря на милый характер, холостячка Антонина который год давала всем потенциальным женихам от ворот поворот. Бабы уже начали говорить про нее нехорошее, но тут неприступная крепость почти сдалась... Под таким напором любая бы выбросила белый флаг. Ухаживал Степан красиво: дарил цветы, которые привозил после рейсов в город, встречал и провожал с работы и на работу (как ему Фомин спускал с рук прогулы?), на почте отремонтировал двери и перегородку, сколотил новый стенд. Мест-

ные мужики, наученные горьким опытом, делали ставки, когда Тонька запульнет ухажера куда подальше, но та не спешила радовать общественность. Эксперты сарафанного радио поголовно сходились во мнении, что начальнице почтамта надо срочно подыскивать новую работницу, ибо нонешняя не сегодня завтра помашет Таежному голубым платочком. Весна приближалась, любовная лихорадка набирала обороты. Уж кого-кого, а Степу встретить у порога Вадим ожидал меньше всего.

– Привет, Степан.

– Привет... – Загоруйко уперся взглядом в подтаявший сугроб у завалинки, покраснев, как маковый цвет. Как все запущено-то...

– Я это... – промямлил Степан.

– Степа, ты рожай быстрее, не тяни резину.

– Ну, это... лучше в доме...

– Понял, не дурак. Был бы дурак, не понял. – Вадим пригласил краснеющего мужика в дом, на всякий случай оценивая состояние его ауры и цветовую гамму органов. На первый взгляд все было в порядке, гость просто светился богатырским здоровьем. – Слушаю, Степан Борисович.

Загоруйко сорвал с головы шапку, принявшись переминать ее в громадных кулачищах, как застоявшееся тесто:

– Я это... – завелась волынка по второму кругу, – Вадим Михайлович, с девками... бабами у меня... того.

– Только не говорите мне, что ни разу еще не «того», – усмехнулся Вадим.

– Да нет, того, но у меня не того... не стоит, вот...

– Интересные пироги... а как же вы с Антониной?

– Ну-у, мы еще... она такая... ну-у... – Лицо Степана стало настолько пунцовым, что переспелые помидоры скисли бы от зависти.

– Ладно. – Вадим еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться в голос. Похоже, у Степы был сдвиг в мозгах, и проблемы прятались в психологическом буреломе, в остальном здоровья у него было хоть отбавляй. – Помогу я вашему горю или счастью, тут как посмотреть. Железные деньги есть с собой?

– Есть. – Степан пошарил в кармане штанов, выудив оттуда три металлических десятирублевки. – Вот, больше нету; я сбегаю принесу еще, если надо.

– Стой. Куда собрался? Трех десятков хватит.

Вадим забрал у него монеты и демонстративно пошептал над каждой, после чего протянул их хозяину:

– Держи, я тут заговор сделал на мужскую силу, сошьешь в трусах кармашки, в них будешь вкладывать монеты. Трех дней хватит за глаза, чтобы все наладилось. Одна десятирублевка на один день; смотри, не переборщи, Казанова.

– Спасибо. – Загоруйко смотрел на блестящие дензнаки, как на величайшее сокровище. Да-а-а, припекло мужика: ни отпечь, ни пережарить. – До свидания.

Прошла неделя. Вадим пошел за хлебом в продуктовый магазин, возле которого встретил буквально светящихся счастьем влюбленных голубков. Судя по довольному виду Антонины, в постели у них было больше чем отлично, что подтвердилось через несколько секунд. Загоруйко незаметно подмигнул благодетелю и показал ему большой палец. Самовнушение – вот великое чудо! «Благодетель» улыбнулся в ответ и встал как вкопанный. Доигрались голубки – в животе Антонины горела яркая искорка...

– Степан Борисович, Антонина Сергеевна, можно вас на минутку?

– Что-то случилось? – Тень беспокойства набежала на лицо Степана.

– Можно и так сказать. Извините, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь, но какие у вас планы?

Степан расплылся в улыбке:

– Мы заявление в загс подали, если ты про это!

– Хорошо. – Тут Вадим позволил себе расслабиться и улыбнуться в ответ. – Антонина Сергеевна, вы, – шепнул он будущей мадам Загоруйко, указав взглядом на плоский, скрытый шубкой животик, та мило покраснела и неверяще стрельнула глазами. Вадим подтвердил новость тихим голосом: – Поздравляю. И с тем и с другим.

О том, что ему не поверят, он не думал. Новость, что в поселке появилась вторая Ширшиха, точнее – Ширших, а еще точнее – что Белов оказался знахарем, давно разлетелась по дворам и была достаточно обсосана на кухонных посиделках. Бабы доказывали друг другу, что они знали: по-другому просто быть не могло. Кто, скажите, в здравом уме будет жечь покойников? Вадим чуть не выпал в аут, когда узнал, что еще его дед летал на шабаш... Какие сказки тысячи и одной ночи? Вы по российским деревням пошукайте, вам та-ако-ое порасскажут...

– О чем вы шепчетесь? – вновь проявил беспокойство Степан.

– Да так, о своем, о женском... – отмахнулся Вадим, направляясь в магазин. – Тоня как-нибудь расскажет. Еще раз поздравляю.

– А? Ну, ладно, спасибо.

– Спасибо! – крикнула Антонина, обрадованная доброй вестью.

Россия. Н-ск. Секретный научный центр

– Черт... – Несколько минут напряженной тишины, и хриплый голос вновь поминает нечистого: – ЧЕРТ!

Обладатель хриплых обертонов вскочил с удобного кожаного кресла на колесиках (от резкого движения со стола слетело несколько листков, но человек не обратил на них никакого внимания, все его мысли были заняты другим), прошелся перед своим рабочим столом, постукивая костяшками пальцев по рабочей поверхности предмета интереса.

– Черт! – в третий раз разнеслось в кабинете. Говоривший, прищурился, посмотрел на интерком. Со стороны могло показаться, что аппарат офисной связи неким образом загипнотизировал человека.

Закончив бурлить интерком взглядом, человек протянул к нему руку, придавив толстым пальцем одну из кнопок.

– Слушаю вас, Илья Евгеньевич! – Из динамика громкоговорителя донесся приятный женский голос.

– Настя, вызови ко мне Савушкина.

– Его нет...

– Как нет? – удивился Илья Евгеньевич.

– Вы же сами разрешили ему выезд в город... – Секретарша выдала не меньше удивленных тонов, поражаясь забывчивости шефа, за которым ранее ни разу не замечалось склероза.

– Да-да, припоминаю. Как не вовремя... Кто-нибудь живой из его заместителей есть?

– Иону.

– Угум, Василий с физической фамилией...

– Пригласить?

– Будь добра... и, Настюш, сооруди мне кофейку.

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Закончив разговор и собрав с полу рассыпавшиеся бумаги, Керимов застыл посреди кабинета, провалившись в тяжелые думы.

– Что это: ошибка или?.. – спросил он у самого себя, оборвав мысль на полуслове. – Если... нет, невозможно...

Тут в дверь осторожно постучали.

– Разрешите? – В кабинет опасливо заглянул Василий Иону, успевший навести справки у секретарши шефа, колдовавшей у кофеварки, что тот несколько не в настроении.

– Входите, – разрешающе махнул рукой Керимов, усаживаясь в кресло. – Присаживайтесь, Василий Николаевич, поверьте мне – в ногах правды нет. Разговор у нас будет недолгий, но тяжелый. Что вы можете сказать относительно этого?

Керимов придвинул к подчиненному папку с подборкой документов, с которыми знакомился несколько минут назад.

– Материалы готовил я, – ответил Иону, стрельнув по бумагам глазами.

– Замечательно. Это позволит нам избежать некоторых ненужных вопросов. Перейду к сути. Больше всего меня беспокоят результаты полевых измерений, изложенные во втором приложении. Вы показываете существенный рост напряженности магнитного поля в аномалиях. Средняя разница между показаниями, снятыми прошлой экспедицией, и последними данными составляет около пяти процентов. Здесь не может быть ошибки?

– Нет, – качнул головой Иону, – я потому и акцентировал пояснительную записку на результатах полеви́ков, что установленные в указанных точках стационарные приборы фиксируют устойчивый рост.

– Какой?

– Две сотых процента. В день.

– В день?

– Да.

– Та-ак, почему я узнаю об этом последним? – Казалось, в кабинете резко упал столбик термометра и выморозился воздух от нешуточной угрозы, прозвучавшей в ледяном голосе Керимова. Василий невольно втянул голову в плечи, стараясь не смотреть в полыхавшие яростным огнем гнева глаза нависшего над ним начальства. Во взгляде Ильи Евгеньевича читалось обещание тысячи и одной ночи адских мук. – Почему, я вас спрашиваю!?

– Мы хотели дождаться результатов средиземноморской экспедиции: так сказать, сравнить параллели.

Керимов, плюхнувшись в кресло, прошелся пятерней по короткому ежику волос на голове и постарался успокоиться. В принципе ребята Савушкина не совершили никакого преступления, и Иону следовало похвалить за своевременный доклад, а не срывать на него. Василий Николаевич правильно поступил – собрал разрозненную информацию, нашел общее зерно, подверг его всестороннему анализу и только когда убедился, что ошибки быть не может, уведомил руководящие верхи.

Прервав начальственный разнос, в кабинет вплыла Анастасия. Поцокав каблучками по дубовому паркету, девушка поставила на стол для совещаний поднос с двумя чашечками ароматного кофе, рядом с которыми примостились кувшинчик сливок и ваза с рассыпчатым сахарным печеньем.

– Спасибо, Настя, – поблагодарил девушку Илья Евгеньевич.

– Пожалуйста, – кокетливо стрельнув глазками, ответила та. Стоило шефу отвернуться в сторону, как она, приподняв в немом вопросе бровки, посмотрела на Иону. Василий молча провел ребром ладони по горлу.

Настя ободряюще улыбнулась носителю «физической» фамилии, мол, где наша и ваша не пропадала и, покачивая бедрами, вышла из кабинета.

– Везет вам, Василий, мне девушки давно так не улыбаются, – грустно сказал Керимов, от которого не укрылась пантомима подчиненных. – Старее, наверное. Угощайтесь.

– Спасибо. – Иону понял, что начальство остыло и «моральный секс» откладывается до следующего удобного случая.

– «Спасибом» вы от меня не отделаетесь. С сегодняшнего дня жду от вас ежедневный мониторинг, а к пятнице мне нужен развернутый анализ. В средствах наблюдения можете не стесняться. Если необходимо, то вам помогут военные и орбитальная группировка. Второе. В ваше прямое подчинение переходят все полевики, геофизики и группа матанализа, приказ будет подписан сегодня. Непрофильные работы прекратить. Все ресурсы отдела должны быть направлены на ЭТО! – Мощная лапища Керимова хлопнула по провокационной папке.

– Но до пятницы осталось три дня!

– Я рад, что вы это понимаете. Мне хотелось бы знать, понимаете ли вы, что нам угрожает в скором времени, если ваши выводы подтвердятся? – Керимов вперил свой взгляд в переносицу собеседника.

– В общих чертах...

– Надо же, как вы точно выразились, объемно! В общих чертах нам угрожает такая большая ж... что мне становится дурно только от одной мысли о ее размерах. Три дня – и ни секундой больше! Понятно?

– Понятней некуда, – тяжело вздохнул Иону. Начальственное угощение придется отрабатывать на триста процентов, кофе нынче дорог.

Когда кофе был допит и Керимов остался один, он несколько минут сидел, откинувшись на спинку кресла, размышляя о том, что мир изменился окончательно и бесповоротно. Его

открытия, несмотря на то, что из семьи рядом с ним осталась только супруга, дали человечеству шанс. Реальный шанс не только выжить и не угробить себя в какой-нибудь ядерной междоусобице, но и достойно встретить надвигающиеся глобальные изменения, которые на первый взгляд не связывались с его работами.

Может, сбежать к сыну? Лена вторую неделю канючит, просит отправить ее дней на десять к Ирине и внучке... А что он там будет делать? Кому он нужен? Дети выросли и разлетелись по собственным гнездам, причем младшие обзавелись всамделишными крыльями, и людьми их можно назвать с большой натяжкой. Но кем бы они ни стали – они его дети. Илья Евгеньевич любовно огладил пальцами рамки нескольких фотографий, установленных на компьютерном столике. Андрей, Ольга, Ирина с мужем, вот старшая дочка держит на руках сверток, перетянутый розовой лентой. Два месяца назад по земному времени Керимовы-старшие стали дважды дедушкой и бабушкой. Лияна – Солнышко, была похожа на деда – короля Тантры. Материнскими, соответственно керимовскими, в девочке были только глаза. Говорят, что у детей оттенок радужки меняется по мере взросления, но Илья Евгеньевич надеялся, что насыщенная небесная синь, поселившаяся в глазках Лияны, не изменится. Керимов взял в руки самую большую рамку, на которой были запечатлены четыре дракона: Андрей, Аня, Ольга и маленький Ильюшка. Сын звал к себе, но Илья чувствовал, что его место тут...

Научный центр за прошедшие девять месяцев разросся невероятно. К бесконечным подземным уровням добавилось несколько наземных корпусов, выстроенных за какие-то два квартала. Штат центра рос как на дрожжах. На сегодняшний день в штатном расписании числилось три с половиной тысячи сотрудников. Если к ним прибавить внештатных работников силовых ведомств, обеспечивающих безопасность и сохранность государственных секретов, а также сотрудников технических служб, поддерживающих нормальное функционирование городского хозяйства, то общее количество людей, крутящихся вокруг тайны межмировых и пространственных перемещений, переваливало за десять тысяч человек. Мог ли он два года назад подумать о том, что из начальника полусотни человек превратится в руководителя многотысячного коллектива? Даже в самых смелых его мечтах такого не было. Он добился всего сам, воплотил мечты, хотя для этого потребовалось два десятка лет. Можно сказать, что Керимов находился в зените карьеры и научной славы. Под его руководством пущены в работу порталы в Индии и Китае, строится портал в Японии, идут переговоры с Германией, Францией, Британией и Турцией, выражают определенные интересы Мексика, Соединенные Штаты и еще три десятка стран. Инвестиционный золотой дождь, пролившийся на центр, породил полноводные денежные реки.

Не жизнь, а малина. Но острые колючки не дают забывать о многочисленных «заклятых друзьях». Вместе с деньгами на центр и его сотрудников посыпались предложения о раскрытии малюсеньких тайн. Город наводнили агенты иностранных спецслужб. Н-ск превратился в закрытую зону, многие ученые и сотрудники центра попали в перечень невыездных лиц. С другой стороны, теперь в Н-ске можно было ночью выйти на улицу с пачкой денег в руках и, не опасаясь грабителей, пройти до магазина и обратно. Правоохранительные органы вымели преступность подчистую.

Даже не будь инвестиций, центр мог бы спокойно перейти на самокупаемость. Для этого были все предпосылки, но кто отпустит в свободное плавание гусыню, несущую золотые яйца?

Граждане государства российского частенько обсуждают великолепное состояние звезд кино и эстрады, в последнее время многие обратили внимание на пышущих здоровьем олигархов и политических деятелей. Звезды и иже с ними в интервью ссылаются на некие супердиеты и спортивные центры, но их заблокированная память надежно хранит воспоминания об эльфийских дугах и створках древесных раковин, в которых им пришлось провести от трех дней до двух недель. Говорят, что здоровье не купишь, но в последнее время в народе ходят упорные слухи, что это отнюдь не так. Некие темные личности за определенную мзду берутся доказать

слова на деле. Процедура не из дешевых, тем паче что часть денег приходится переводить в золото, уходящее на оплату услуг магов из другого мира, но здоровье дороже. Специалисты генерал-лейтенанта Санина поставили дело на поток. Прибавьте к этому чешую драконов, значение которой для современной фармакологии просто невозможно переоценить, и настойку на крови тех же самых драконов, десять миллилитров которой на организованном российскими спецслужбами черном рынке стоят около пяти миллионов долларов, причем магический товар улетал быстрее, чем горячие пирожки в базарный день. Рыцари плаща и кинжала честно делились с драконами половиной выручки, переводя ее в камни, золото или продукцию техногенного мира. Обманывать зубастых компаньонов было себе дороже, крылатые твари жестко отслеживали каждую пробирку и не гнушались копаться в головах земных посредников. До Керимова доходили слухи, что иномировую торговлю контролирует кронпринц, сын императрицы драконов, и он же настоял на жесточайшем контроле. Илья Евгеньевич не то чтобы не верил слухам, но с трудом представлял Андрея в роли теневого воротилы, пока Санин не открыл ему глаза на отпрыска, назвав того серым кардиналом Иланты. Генерал не стал пояснять свои слова, посчитав, что отец кардинала сам доберется до истины. Сам куратор научного центра несколько раз акцентировал внимание торговых посредников и российских дипломатов, расквартированных в Ортене и Кионе, чтобы они со всей ответственностью отнеслись к требованиям крылатых хозяев мира и не злили последних. Получить проблемы с существами, открывающими межмировые порталы усилием воли, было бы нежелательно, тем более на территории Иланты появляется все больше и больше точек, недоступных для наблюдения. Местные маги неким образом экранируют громадные области, а в районе Мраморного кряжа наблюдение вообще невозможно – «окна» земных наблюдателей либо отбрасывает прочь, либо происходит резкий сброс нагрузки и схлопывание. По собранным в столице Тантры сведениям, драконы и прибывшие с ними эльфы и люди строят новую столицу империи. Но мощнейшие экраны сводят на нет все попытки земных спецслужб узнать местоположение оной. Землянам оставили несколько свободных точек доступа, рекомендовав все контакты проводить через них. Никто не сомневался, что драконы, установив правила игры, смогут их контролировать. Земные наблюдатели не могли сказать, исследуют ли крылатые монстры соседние миры или нет, но и обратных доказательств не было. Вселенная породила мириады миров, вполне вероятно, что интересы жителей Иланты и Земли не пересекутся, но что-то с трудом в это верилось. Первые не раз заявляли, что их экспедиции неоднократно посещали земной континуум и что легенды о драконах имеют под собой реальные обоснования. Сказать, что такое положение нервировало власть предержащую – значит ничего не сказать...

Драконы и магия были одним аспектом, на другой чаше весов лежали высокотехнологичные миры, наблюдение за которыми приносило не меньше дивидендов. Благодаря сворованным у соседей технологиям Россия постепенно вылезает из разряда стран третьего мира. На китайские и японские деньги строятся заводы, на которых решено апробировать новейшие решения в микроэлектронике и машиностроении. Особой строкой проходят нанотехнологии и военные разработки... Разум членов правительства и президентской администрации рисует радужные перспективы и воздушные замки. Илья Евгеньевич хмыкнул – недолго им осталось почивать на лаврах...

Керимов аккуратно поставил на стол рамку с фотографией драконов, открыл папку, содержащую последние данные по мониторингу электромагнитной и гравитационной обстановки в аномальных точках, на которых предположительно располагались древние проходы из мира в мир. Еще раз перечитал выводы Иону, привычным жестом прошелся рукой по волосам.

– Хорош предаваться меланхолии! – Ученый подтянул к себе телефон, набрав короткий внутренний номер. – День добрый, Александр Владимирович! Керимов беспокоит... Чего я такой беспокойный? О-о, я вам сейчас такое расскажу – и беспокойным станете вы... Какие

шутки в моем возрасте?.. Серьезней некуда, дело не терпит отлагательств... Хорошо, через пятнадцать минут – у вас в кабинете...

Россия. Н-ск

Секретный научный центр, пятница

Длинный подземный переход из административного корпуса на второй подземный уровень, соревнуясь с больничными операционными, сверкал идеальной чистотой. Белая керамическая плитка, устилающая пол и стены, отражала гулкие шаги двух человек. В зеркальных поверхностях потолочных светильников проплывали искривленные, вычурные отражения директора научного центра и куратора от силовых ведомств. Обе личности спешили в конференц-зал, где первому предстояло довести неоднозначную, шокирующую информацию до ушей и разума приехавших в Н-ск высоких правительственных чиновников.

– Илья, прошу тебя: без профессорской зауми, пожалуйста. Это не та аудитория, – наставлял Керимова на путь истинный генерал-лейтенант Санин. За полгода ученый и силовик не только плотно сработались и нашли общий язык: их отношения стали по-настоящему дружескими. Между собой оба облеченных властью человека были на короткой ноге, но ни один, ни другой не позволяли дружбе влиять на работу. Служебные отношения блюлись свято.

– Товарищ генерал...

– Вот именно что генерал, а мечтаю о маршальском жезле!

– Не похожи вы, Александр Владимирович, на гасконца.

– Д'Артаньян просто не знал, что у маршалов пенсия больше!

– Мечтаете о покое, кресле-качалке и бутылочке вина по вечерам?

– Вашими молитвами покой мне только снится. Сдохну на работе – никто и не вспомнит.

– Полноте вам, Александр Владимирович. – Керимов по-дружески хлопнул генерала по плечу, у того от такого похлопывания чуть не подогнулись ноги. – Вы такая изрядная сволочь, что всех нас переживете.

– От спасибо вам, господин ученый, на добром слове – теперь я просто обязан пережить всех злопыхателей. И за «сволочь» – отдельный поклон.

– Обращайтесь, – натянуто улыбнулся Керимов. – Шутки в сторону: кого принесла нелегкая?

– Министра обороны ты знаешь, некоторых силовиков тоже, из новеньких – советник президента и заместитель министра иностранных дел.

– По глазам вижу, что не всех назвал. Кого спрятал за пазуху?

– Да, Илья, тебя на хромой козе не объехать. В роли сладкой вишенки на нашем торте сегодня сам премьер, – ответил Санин.

– Сурьезные люди, – осклабился Керимов.

– Администрация и правительство придадут огромное значение твоему вопросу. Я хочу, чтобы они тебя не только слушали, но и УСЛЫШАЛИ!

– Это не проблема, стать понятым и услышанным легко. Трудно, Владимирович, применить возникшее понимание на практике. Вопрос несколько шире той плоскости, на котором его размещают. Боюсь, что время секретов закончилось, и как бы нам ни хотелось этого избежать, но придется налаживать отношения и прямые контакты с Западом и Востоком.

– О политике потом рассуждать будем. Для этого есть другие ведомства и люди, разбирающиеся во внешнеполитических вопросах лучше нас, грешников. Ты лучше думай о делах праведных.

– Они у меня из головы не идут. Как-то уснуть не мог; лежу, ворочаюсь, жена смотрит на меня и зубами скрипит – злится, что я сам не сплю и ей не даю. Думаю, посчитаю ради такого случая баранов, так семьсот семидесятый вдруг начал блять о природных порталах и принялся копытцем на земле вычерчивать формулы и уравнения...

– Тяжелый случай... соберись, Илья...

– Ты кого успокаиваешь? Иди-ка сам хлебни валерьянки.

– Ладно, не гоношись. Пришли, – сказал Санин, остановившись у бронированной двери, перекрывающей проход.

– Прошу предъявить пропуска, – выступил вперед старший охранник из дежурившей у двери вооруженной троицы.

Керимов пристально посмотрел на генерала, тот пожал плечами, как бы говоря, что люди на посту нынче не из его епархии, а прибыли с московскими гостями и ему не подчиняются. Охрана придирчиво проверила документы, куратор и директор приложили ладони к сканеру, сличающему отпечатки пальцев. Закончив проверку, охранники козырнули.

Генерал достал из нагрудного кармана пластиковую карточку, провел ею по считывателю:

– Прошу.

– Рубикон пройден, – тихо прошептал Керимов, входя в конференц-зал.

Людей в зале было гораздо больше, чем озвучил Санин. По-видимому, кроме высших государственных чинов были приглашены различного рода эксперты и консультанты; впрочем, Керимова новые действующие лица никоим образом не волновали. Раз уж всеисильные органы госбезопасности позволили присутствовать этим людям, то с допуском к секретной информации у них все в порядке. От обратившихся к нему многочисленных заинтересованных взглядов Илья Евгеньевич мигом позабыл приготовленную речь и ощутил мелкий мандраж нижних конечностей. Чувствуя себя студентом-первокурсником, на негнущихся ногах Керимов прошествовал к кафедре, установленной возле опущенного экрана. Доклад ученого предполагал показ некоторых слайдов и видеороликов.

Прокашлявшись, Илья справился с волнением и поднял взор на аудиторию, встретившись взглядом с премьером, сидевшим в первом ряду, как раз напротив докладчика. Номинально второе лицо государства оценивающе смотрело на борцовскую фигуру ученого: встретишь такого в темной подворотне – невольно подумаешь о том, что деньги и ценности лучше отдать сразу. Широкоплечий, могутный мужик с физиономией грубо отесанного кирпича никак не вязался с образом одного из лучших ученых России. Глядя на него, сложно было предположить, что этот «гопник» свободно изъясняется на нескольких иностранных языках и при этом имеет ученую степень, являясь директором самого закрытого научно-исследовательского центра страны. Премьер казался безучастным, но в его глазах пряталась нешуточная обеспокоенность складывающимся положением. Ясно как божий день – на стол высокого гостя успела лечь папка с описаниями последних открытий керимовской команды, но не это было в ней главным, а неутешительные выводы, приведенные в конце. Похоже, Санин не преуменьшал, говоря о серьезном отношении, которое придают в правительстве и президентской администрации информации из научного центра. Визит премьера – самое наглядное тому доказательство. Керимов искал взглядом генерала. Куратор устроился на «камчатке», вольготно вытянув вперед натруженные за день ноги. Генерал ободряюще улыбнулся, чуть кивнув головой, как бы говоря: начинай, мол, не тяни резину.

Илья Евгеньевич, достав из кармана лазерную указку, сурово посмотрел на ассистента, тот правильно интерпретировал немой приказ шефа. Повинуясь легким щелчкам клавиатуры, померк свет, подвешенный к потолку проектор исторг из себя яркий пучок – и на виниловом экране появилось изображение сфинкса на фоне пирамиды Хеопса.

– Прежде чем перейти к основному докладу, ради которого вы бросили сотни неотложных дел и собрались сегодня в этом зале... – начал Керимов. Санин же воздел очи горе и закрыл лицо руками... Горбатого могила исправит: вроде уже сто раз согласовали, что и как говорить, но неугомонный директор центра опять все переиначил. Неймется ему. Илья Евгеньевич меж тем продолжил: – Хочу задать вам два вопроса. – Небольшая театральная пауза. – Первый: что вы знаете о древнейшей истории?

Аудитория, ошарашенная такой постановкой вопроса, замерла, ожидая развязки, коя не заставила себя ждать.

– Если вы что и знаете, то выкиньте эти знания на помойку, – припечатал Керимов. – Пока вы обдумываете мои слова, хочу задать второй вопрос: что вы знаете о прецессионном и нутационном движении земной оси? По выражению лиц некоторых слушателей вижу, что озвученные термины им знакомы. Для тех, кто теряется в догадках, позвольте объяснить, что я имею в виду. Земля совершает оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа, а земная ось вращается относительно оси, перпендикулярной к эклиптике, описывая конус. Таким образом, вращение Земли похоже на вращение волчка: имеет место прецессия. По отношению к продолжительности человеческой жизни период этого прецессионного движения очень велик – полный оборот земная ось делает за двадцать пять тысяч семьсот семьдесят шесть лет. Попрошу не отвлекаться. И я не сошел с ума. Астрономия имеет прямое отношение к тому, что будет поведано вам далее. – Керимов обвел зал ледяным взглядом. Государевы люди, попав под обмораживающий прицел льдисто-холодных глаз, в которых не было и доли шутки, невольно втягивали головы в плечи, превращаясь в само внимание. Премьер чуть заметно ухмыльнулся. – Продолжим. Прецессия оказала огромное влияние на длительный период развития астрономии, когда наблюдения велись невооруженным глазом. Во-первых, астрономический север определяется продолжением земной оси в небесную сферу. Поэтому направление астрономического севера – возможно, это звезда, то есть Полярная звезда, – со временем изменяется. Через несколько столетий современная Полярная звезда перестанет указывать на север, и на протяжении прецессионного цикла «полярными» могут стать все остальные звезды, расположенные вблизи круга, который описывает земная ось. На самом деле это не идеальный круг вследствие пертурбаций. Так, например, в эпоху палеолита Северный полюс пересекал Млечный Путь, и за пятнадцать тысяч лет до новой эры «полярной» звездой была дельта Лебеда. Северное небо в те времена существенно отличалось от нашего. Теперь возникает вопрос: когда же в действительности была открыта прецессия? Общепринятая научная точка зрения заключается в следующем: первое – прецессия была открыта в сто семнадцатом году до нашей эры Гиппархом Родосским. Второе – прецессия была неизвестна доколумбовым культурам. Другими словами, коренные жители Америки не знали о прецессии до открытия Америки Колумбом. Так ли это на самом деле? Думаю, не ошибусь, если начну утверждать, что древние египтяне, астрономы месопотамских культур и доколумбовой Америки знали о прецессии. Об этом говорят расположение египетских пирамид, ориентированных по звездам, многочисленные вавилонские глиняные таблички, на которых сохранились результаты астрономических наблюдений, а также города индейцев. Я имею в виду место, которое сами ацтеки называли городом богов – Теотиуакан. Теотиуакан находится недалеко от современного Мехико, и даже сегодня он выглядит огромным городом, где в период наивысшего расцвета проживали более ста двадцати тысяч человек. Главные храмы-пирамиды города ориентированы по солнцу и звездам. Большинство из вас задастся вопросом: какого ляда я полез в дебри и копаюсь в древней астрономии? Просто мне стало интересно: а кто подвиг предков вести наблюдение за небом, затрачивая на них сотни лет, каким образом они делали расчеты, которым поражаются их современные коллеги, почему древние разбивали календари на своеобразные эпохи, каким образом возник зодиакальный цикл? Почему эти эпохи и циклы включают в себя двадцать пять тысяч лет? Зачем древним египтянам было строить пирамиды и возводить Большого Сфинкса, возраст которых, по моему убеждению, переваливает за пару десятков тысяч лет до нашей эры, о чем свидетельствуют следы эрозии на скульптуре. Позвольте заметить – дожди в Сахаре прекратились с окончанием ледникового периода, с того момента прошло порядка десяти тысяч лет. Не буду водить вас вокруг да около. Скажу лишь, что ученые возглавляемого мною коллектива считают памятники древности созданиями иных культур, пришедших на Землю из других миров. Именно пришельцы принесли древним цивилизациям знания астрономии и кален-

дарь, они же являются прародителями древних цивилизаций, появившихся в Месопотамии. Пришельцы из других миров приложили руки к строительству городов-обсерваторий ариев на Южном Урале. Вы можете сказать, что мои слова не более чем чушь собачья, но позвольте предостеречь вас от поспешных и опрометчивых выводов. Как вы все знаете, работа научно-исследовательского центра продвинулась далеко за декларируемые официальными органами рамки и ушла гораздо дальше, чем предполагали до недавнего времени многие из присутствующих здесь. Опираясь на полученные из одного соседнего мира научные данные, некоторые из моих коллег, извините, имен называть не буду, выдвинули теорию о существовании в прошлом природных или искусственных порталов в иные миры. Всем вам известно, что теория о множественности миров нашла подтверждение, и строительство в Индии, Китае и Японии точек перехода в незаселенные миры, санкционированное президентом и правительством, не прошло мимо вашего внимания. Взвесив «за» и «против», руководство центра направило несколько экспедиций в так называемые центры древних цивилизаций. Для чистоты эксперимента нами также были обследованы несколько аномальных зон типа Пермского и Бермудского треугольников. Результаты инструментальных замеров, выполненных по адаптированным технологиям иных миров, показали однозначный ответ.

– Какой? – раздался из зала нетерпеливый возглас.

– Во всех обследованных центрах древних цивилизаций некогда существовали проходы в другие миры. К сожалению, за истечением лет мы не смогли просчитать треки и выявить временные координаты миров, чтобы выполнить привязку к ним с помощью наших установок. Компьютерный анализ показал, что последние «окна» закрылись около двух тысяч лет назад. Исходя из этого, можно считать правдивыми легенды и мифы о псоглавых людях, кентаврах и прочей мифологической нечисти. Наши предки могли контактировать с иномирянами, обладавшими экзотической внешностью.

– Что с аномальными зонами? – Керимов и премьер синхронно поморщились.

– С аномальными зонами несколько сложнее. Для ясности картины хочу добавить, что все аномальные зоны и обнаруженные нами следы порталов имеют привязки либо к месторождениям металлов, либо к естественным разломам земной коры. Если обобщить данные – к местам повышенной геомагнитной активности. Возвратимся к аномалиям. Пока сложно утверждать достоверно, но творящуюся в них чертовщину мы склонны относить к остаточному влиянию магических вселенных.

– Извините, – словно школьник, поднял руку один из приглашенных, сидевший в третьем ряду.

– Да. Представьтесь, пожалуйста, – обратил на него внимание Керимов.

«Школьник», оказавшийся ученым-физиком, сотрудником какой-то там лаборатории (место работы докладчик не расслышал, занятый в это время наполнением стакана минералкой из стеклянного графина), отодвинув стул, проехавший ножками по паркету с противным скрипом, встал, представился и задал мучивший его вопрос:

– Вы хотите сказать, что магия существует? По-моему, это абсурд, попирающий фундаментальные законы мироздания.

Илья Евгеньевич повернул голову к премьеру, как бы спрашивая у того взглядом: можно ли представить доказательства? Для Керимова не являлось открытием, что некоторые скептики, а может быть – большая часть аудитории, согласна с Фомой неверующим. Прагматики, они считают, что магия – это сказки для детей, но раз их пригласили сюда, значит, на высшем уровне решено приподнять завесу тайны. Премьер смежил веки – добро получено.

– Я понял вас, – ответил Керимов. – Не знаю, обрадуетесь вы или разочаруетесь, но магия существует. Мы вышли на несколько магических миров. Те технологии определения треков, о которых я говорил выше, взяты нами как раз из магического мира. Я говорил о кентаврах и прочих тварях, думаю, что многие волшебные сказки зиждутся на реальных фундаментах.

– Вы считаете, что... – физик покрутил в воздухе пальцами правой руки, – магия возможна и в нашем мире?

– Считаю, тем более – есть тому доказательства. Из-за грифа секретности я не могу вам их предоставить, вместо этого вы можете бегло ознакомиться с результатами наблюдения за одним из магических миров, – ответил Илья Евгеньевич, кивнув ассистенту.

Тот пощелкал мышкой, и на экране пошли кадры осады какого-то средневекового города. Неожиданно в сторону лагеря осаждающих из города вылетел громадный огненный шар. Мгновение – и зрителям пришлось прищуриться, так как на экране, за рябью помех, полыхнула вспышка, как при атомном взрыве, над землей вырос грязно-коричневый гриб, от толстой ножки которого во все стороны покатил всепожирающий огненный вал. Достигнув стен, пламя опало, так и не перевалив искусственный рубеж. Картинка тут же сменилась, зрители стали свидетелями нескольких практических занятий группы молодых людей на площадке, напоминающей полигон. Молодежь весело перебрасывалась валунами – с виду по тонне весом, тройка парней оживляла каменного голема. Смена кадра – и на камеру накатывает волна мертвецов-зомби...

– Невольно поверишь, когда сам являешься свидетелем невероятных событий. Все же предлагаю на время оставить в стороне вопросы магии и вернуться к нашим баранам. Не возражаете? Прекрасно; так на чем я остановился? На аномалиях... Несколько месяцев назад мы решили установить постоянный мониторинг аномальных зон и мест, где в древности существовали проходы. Каково же было удивление наблюдателей, когда они обнаружили устойчивый рост контрольных параметров! Благодаря нашим математикам, составившим метаматематические модели работы порталных установок, мы выявили, что электромагнитные параметры в зонах напоминают второй этап работы установки, когда происходит накопление и концентрация потенциала в центральной точке. Геофизики уверены, что все регистрируемые параметры в аномалиях связаны с движением магнитных полюсов Земли. Мы до сих пор не знаем всех тайн нашей планеты. Земля – это величайший магнит и генератор с неисчерпаемыми возможностями и запасом энергии. Одни грозные разряды чего стоят! Специалисты центра и мои коллеги предполагают – а другого нам не остается – что-то происходит в мантии и ядре. Как я сказал, в результате движения полюсов начались изменения в электромагнитной и геомагнитной обстановке; как следствие, в древних порталах, подвергаемых мониторингу, выявлено образование или начальная стадия так называемого «тоннельного эффекта». Есть, конечно, еще одна точка зрения или гипотеза, что активность в порталах связана с эксплуатацией установок, расшатавшей природные крепи и защиту планеты, ее мы тоже стремимся отработать, но главное не в этом. Если подтвердятся первый вариант и зависимость аномалий от геомагнитной обстановки и полюсов, а пока все указывает именно на это, то через полтора-два года можно будет встречать делегации из других миров, которые могут быть как из отсталых, так и из тех, где цивилизации опередили нас на многие годы и столетия. Опасность в том, что мы не можем рассчитать, обнаружить и перекрыть защитными полями все возможные места образования природных точек соприкосновения и взаимопроникновения параллельных миров. Катаклизм затронет планету целиком. И еще, я – скептик, не верящий в миролюбивый высший разум. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

– Илья Евгеньевич, как вы считаете, какие у нас шансы? – первым делом спросил премьер, когда Керимов, Санин, министр обороны и еще пара человек, облеченных немалой властью, переместились в кабинет куратора научного центра. – Только честно – лизоблюдов, приукрашивающих действительность, мне и за воротами центра хватает.

Генерал расстарался, распорядившись украсить тяжелый дубовый стол легкими закусками и коньяком. Любители легких напитков могли оценить дорогое марочное вино с французских виноградников, а те, кто совсем не переносил алкоголя, рвали ноздри, втягивая бесподобный аромат свежесваренного кофе.

– Честно? – переспросил Керимов, побарабанив пальцами по крышке стола и провалившись в тяжелые думы. Высокие гости терпеливо ждали ответа ученого. Черный кофе в чашечке руководителя центра исходил паром, отдавая тепло и аромат окружающему пространству.

– Честно... – выдохнул Илья Евгеньевич через плотно сжатые зубы, – хреновые у нас шансы, если честно. Простите за русский народный. Хм, знаете, мы элементарно не готовы к встрече с иными мирами. Знание того, что они существуют, не добавляет нам знания, как и чем они существуют. Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю, я уловил суть аналогии; продолжайте, пожалуйста, – ответил премьер.

– Не так давно в центре был создан целый отдел. В нем мы постарались собрать специалистов, которые проводят всестороннее исследование древних мифов и легенд. Кропотливый труд: легенды необходимо уложить на кальку современных знаний и топографию порталов. Знаете, – Керимов тяжелым взглядом обвел присутствующих, – у нас под носом было столько различных подсказок и фактов существования других миров, что оставалось только диву даваться, как и почему мы не видели этого раньше. Яркий пример – Атлантида. Платон описал высокоразвитую цивилизацию, но археологи так и не смогли подтвердить или опровергнуть слова греческого мыслителя. Было множество экспедиций и различных инсинуаций на данную тему. Но, как мне кажется, Атлантида не затонула, а находится по ту сторону закрывшегося портала. В Средиземноморье нами обнаружена обширная аномальная зона: судя по остаточным колебаниям, доступ в нее закрылся около десяти тысяч лет назад. Были и другие свидетельства, как прямые, так и косвенные. Если мы возьмем некоторые древнегреческие карты, то количество островов, изображенных на них, неизмеримо больше, чем мы видим сейчас. Неужели мореплаватели ошибались? Не верю. Три тысячи лет назад мореходство в Средиземноморье было развито не меньше, если не больше, чем сейчас. Я думаю, что моряки действительно видели эти острова и бывали на них. Только они не осознавали, что ходят не в тех морях. Косвенным свидетельством можно считать некоторые факты, взятые из гомеровской поэмы про Одиссея. Где он, родимый, бродил тридцать лет; как смог заблудиться в море, которое исхожено вдоль и поперек? А древнеиндийские трактаты? Индусы живенько так описывают применение ядерного оружия и последствия атомных взрывов! Говорить можно нудно и долго, но в итоге я пришел к выводу, что мы ничего не знаем о своей истории двух-, трех- и более тысячелетней давности. Европейские сказки описывают драконов, которых считали выдумкой и суевериями, и тут выясняется, что те неоднократно посещали землю, найдя аборигенов настоящими варварами. Варвары нападали на членов экспедиций, соответственно драконы-ученые не ждали, когда в них наделают дырок, предпочитая плюнуть в мелких вражин огнем. Вопросов больше, чем ответов.

– Илья Евгеньевич, давайте проблемы испанского народа оставим испанскому народу. Одиссей бродил в Средиземноморье, пусть там и остается – я бы попросил что-нибудь рассказать, если можно так выразиться, о своей, родной рубашке. Российские действительность и история мне ближе к телу.

– Да, к слову, что вы знаете о гипербореях? – тут же отреагировал Керимов.

Премьер пожал плечами, предпочитая услышать ответ от рассказчика. Ученый грустно улыбнулся и продолжил:

– Могучее племя, обитавшее далеко на Севере. Счастливые люди... Не буду морочить ваши головы дальше. Но гипербореи, как и атланты, остались только в мифах. В тех же мифах и сказаниях говорится, что они воевали между собой, то есть северяне чистили морды жителям Средиземноморья, а те, естественно, не оставались в долгу. Меня волнует один вопрос: вы заметили, где обитали одни и где другие – ничего, что они шастали в гости друг к другу через всю Европу? Ладно, не буду о грустном, перейду к прозе. Прошу обратить пристальное внимание на Каспий. Я не буду вести полемику о том, что он из себя представляет: величайшее озеро или внутреннее море. Я попытаюсь объяснить загадку колебаний уровня Каспия.

Его воды то отступали от берега, то без видимых причин затопляли целые города. В школе мы все изучали принцип сообщающихся сосудов. Исходя из моей теории, Каспийское море сообщается с морем в другом мире, где-то в его глубинах скрывается портал, открытие которого приводит к колебаниям уровня воды...

– Илья Евгеньевич, мне кажется, вы несколько уклонились от темы и увели разговор в сторону, – прервал ученого министр обороны. – Я вижу, что вы оцениваете положение как ученый-исследователь, вопрос же затрагивал другую плоскость.

– А в какой плоскости ни посмотри – ничего хорошего нам не светит. Если порталы откроются в техногенный мир типа Игрума – это оттуда мы сперли некоторые нанотехнологии и высокотехнологичные разработки, которые можно поставить на поток в условиях нашего станочного парка, – то с нами даже разговоров вести не будут. Быстренько накомылят по зубам, наложат свои лапы на все наши месторождения и заставят как проклятых пахать на них. На Игруме, кстати, название мира – местное, без транскрипций, демократические ценности как-то не прижились, там ценность человеческой жизни не возведена в ранг культа, первое место занимает социум. Если ради выживания социума требуется пожертвовать десятком жизней, то ими жертвуют. Жертвы сами с радостью пойдут на смерть ради выживания народа. Другой менталитет... И танки у них другие, и воздушный флот летает на генераторах высокочастотных колебаний. Пресловутые летающие тарелки – как будто с игрумовских списаны. Принцип Игрума – тотальный контроль. Другой крайностью может стать проход в развитый магический мир...

– Почему? – спросил советник президента.

– Потому что противостоять ему мы можем только на макроуровне, долбая издалека ядрен-батонами, устраивая авиабомбардировки и массированные артналеты, но на уровне индивидуального противостояния неизменно проиграем. Приведу пример: маг-элементалист, владеющий стихией воды, – и взвод автоматчиков, застигнутый врасплох. Кто кого? Как быстро автоматчики будут высушены до состояния египетских мумий? Не забывайте, что мы на восемьдесят процентов состоим из воды. С другой стороны, того же мага отправит в иной мир обычный Ваня со снайперской винтовкой, если пальнет по дурню из укрытия, расположенного метров за пятьсот от окаянного вражины.

– Хорошо, мы поняли вас, – сказал премьер, – что лично вы можете предложить для того, чтобы сгладить, скажем так, углы?

– Что я могу предложить? – опять переспросил Керимов. – Таки да, есть у меня паратройка советов...

– Однако! – натужно улыбнувшись, сказал премьер, провожая взглядом массивную фигуру ученого.

Широкая спина директора научного центра целиком закрыла дверной проем. На мгновение мелькнул пост охраны с внешне невозмутимыми и лениво-скупающими лицами охранников. Керимов плавно развернулся, прощально кивнул и аккуратно захлопнул за собой дверь.

– Оригинально, – нарушил тишину советник президента, – у наших ученых, оказывается, есть чувство юмора.

– Что вас рассмешило? – повернулся к советнику Санин.

– Да так, ничего. Если отмахнуться от того, что нам предложили вспомнить Сталина, засунуть в... гм-гм... забыть о демократии и поставить экономику раком, переведя производственные мощности на военные рельсы, наплевав на ВТО и международные обязательства, то я совсем не против остальных советов вашего протеже и программы действий, разработанной господами из Федеральной службы безопасности и Министерства обороны.

– А в чем уважаемый Илья Евгеньевич не прав? – подпустил шпильку Санин.

Советник первого лица государства задохнулся от праведного негодования:

Вы одобряете тиранию?

Генерал-лейтенант посмотрел в глаза премьера и министра обороны, задав мысленный вопрос о происхождении этого идиота. Генерал-полковник Савичев, не так давно сменивший на ответственном посту министра-завхоза с мебельной фабрики, поднял очи горе и на мгновение соорудил страдальческую физиономию, будто у него произошел прострел от большого зуба. Лицо премьера осталось непроницаемым, но в его ответном взгляде сквозила молчаливая поддержка действий генерал-лейтенанта. Главный чекист страны, до этого успешно маскирующийся под бессловесный предмет, тихо хмыкнул в кулак.

– Как нас учит история, – перешел на лекторский тон Санин, – в критических и чрезвычайных ситуациях именно концентрация всей полноты власти в одних руках и оперативное управление экономическими рычагами является оптимальным вариантом. Нам предложили сделать именно это. Воспользоваться опытом ГКО.

– Не вижу никого, кто смог бы заменить Сталина, – не сдавался советник, – но это полбеды; откуда вы планируете брать финансирование? Хотите развалить бюджет и стабфонд? Нам никто не позволит забрать под контроль добывающую и тяжелую промышленность, легкой как таковой уже и не осталось. Америка нас спонсировать не будет.

– Это хорошо, что вы говорите «нас» – значит, вы отождествляете себя с теми людьми, которые собрались в этом кабинете, – осторожно сказал Санин.

– Не такой я идиот. – Глаза советника моментально превратились в холодные льдинки, за колючими гранями которых прятались недюжинный ум, изворотливость и готовность идти по головам конкурентов. Глянув на него и оцарапавшись о колючий взгляд оппонента, Санин понял, что человек, сидящий на противоположном краю стола, не с бухты-барахты попал в президентский пул и крепко там окопался; а тот продолжил: – Я предпочитаю быть на стороне победителя и понимаю, для чего и зачем мы здесь собрались. – Особо было выделено «мы». – Через пару лет об Америке и зеленых бумажках можно будет забыть. Выживет тот, кто готов грызть глотку и не боится измазаться ручками и харей в реальной крови; и это, простите меня, не Америка. Мне было интересно, как скоро и как далеко вы намеревались зайти, – советник улыбнулся, – вижу, что коалиция сформирована и намерения у нее самые серьезные.

– Добро пожаловать в нашу команду, – сказал премьер. – Рад, что не ошибся в вашей оценке. – Быстрый взгляд на директора ФСБ. Сомкнутые на миг веки в ответ.

Простая фраза – и тяжелая грозовая туча, повисшая в кабинете, превратилась в перистое облачко, люди несколько расслабились. Теперь они все повязаны круговой порукой. Премьер, министр обороны, директор ФСБ, первый заместитель министра финансов, советник президента и, казалось бы, далекий от власти, но в одночасье ставший одной из ключевых фигур генерал-лейтенант Санин, словно Святая Троица с иконы Рублева искоса поглядывали друг на друга и думали о том, как делить и что делать с жертвой под названием ВЛАСТЬ, враз потерявшей манящую привлекательность. Грядущие перемены сразу навешали на претендентов тяжелые вериги ответственности, лишив их права на ошибку и возможности пойти на второй срок, но даже такая, ложащаяся тяжеленным бременем, она манила к себе.

– Дальнейшие шаги предлагаю рассмотреть чуть позже, а пока давайте обсудим это... – Премьер на правах старшего взял слово на себя, выложив из папки на стол несколько листов, на которых размашистым почерком были законспектированы некоторые пункты программы действий, предложенной аналитиками ФСБ и Министерства обороны. – Предлагаю снять с обсуждения первые три пункта из бесплатных советов Ильи Евгеньевича, – присутствующие сдержанно улыбнулись, – а вот предложение поставить изучение магии на широкую научную основу и поискать в стране одаренных людей считаю актуальным. Думаю, Керимов прав: нам стоит обратиться за помощью к драконам. В наши дразги они не полезут, но смогут надавить на Тантру в части организации обучения земных магов в учебных центрах и, Александр Владимирович, нам до зарезу нужна информация по миурам... меня волнует их последний заказ. Зачем средневековым мастерам столько марганца, коксующегося угля и чугуна?

– Сергей Александрович, – премьер обратился к финансисту, – надеюсь, что с вашей стороны не будет проволочек с финансированием строительства порталов в крупнейших городах и выделением средств на нужды центра. Александр Владимирович, что хотите делайте, узлом завяжите ученых, ужом вывернитесь, но через шесть месяцев у нас должна быть отработанная технология постановки защитных экранов и закрытия порталов. Вам, господа, – министр обороны и директор ФСБ подтянулись, – необходимо в трехсуточный срок разработать программу действий силовых органов. Ваши специалисты предлагают сформировать бригады быстрого реагирования. Пусть они обкатают этот вопрос со всех сторон: численность, вооружение, оснащение. Не мне вас учить. Особые бригады должны быть сформированы не позднее чем через пять месяцев, чтобы успеть взять на вооружение порталные технологии. И, – премьер с отвращением отодвинул от себя чашку с остывшим кофе, кивнув на нее Санину. – Александр Владимирович, распорядитесь, пожалуйста...

Россия. Таежный Вадим

Вадим с силой захлопнул ноутбук – подарок деда на окончание одиннадцатого класса и успешно сданный ЕГЭ. Встал из-за стола, раздраженно пнув ни в чем не повинное офисное кресло. Скрипнув сочленениями, обиженное несправедливым обращением кресло кувыркнулось на бок, ударилось об диван и согнало с подушки полосатого кота, наввернув того спинкой по голове. Васька, послеобеденный сон которого был прерван таким варварским способом, подскочил на месте и с перепугу свалился на пол, как всегда приземлившись на все четыре лапы. После чего громко мявкнул, решив искать покой и справедливость на улице, правда, немного оригинальным способом. Лорд Подполья и Гроза Мышей остервенело заработал конечностями, с пробуксовкой сорвавшись с места, в два прыжка взлетел на окно, сиганул в форточку и... повторно полетел на пол. Хвостатый дератизатор не учел противомоскитной сетки, которая закрывала проход к вожаемой свободе и покою. Чего уж там показалось или привиделось коту – неизвестно, но Василий заорал благим матом, выгнулся дугой и повторил попытку штурма окна, забыв о более привычном и надежном ходе через подпол и отдушину. В этот раз животное вышла победителем в столкновении с хлипкой преградой, которую хозяин то ли от лени, то ли по забывчивости не снял на зиму – кот просто-напросто сорвал ее с креплений, заодно сбросив с подоконника пару горшков с фиалками. Продолжая на весь двор сыпать кошачьим матом и жаловаться на судьбу-кручинушку, он скрылся за курятником, перепугав по дороге кур, выбравшихся поклевать камешки на оттаявшей от снега завалинке.

– Васька! Паршивец, – беззлобно выругался Вадим, подняв перевернутое кресло и с тоской глядя на разбитые цветочные горшки. – Пусть так... все равно пересаживать надо.

Фиалками увлекалась баба Поля, она была настоящей фанаткой неприхотливых растений. В доме все подоконники были уставлены глиняными горшочками всяческих форм и размеров, вместо крышек у которых были пышные шапки цветущих растений различных окрасок. После смерти бабушки эстафету флориста принял на себя Вадим. У парня, как говорят в народе, была легкая рука, хоть он и не любил фиалки, но в память о бабушке не дал цветастому великолепию зачахнуть. Зеленые жители горшков с благодарностью приняли заботу осиротевшего хозяина, став еще пышней и ярче.

Вадим аккуратно смел веником рассыпавшуюся землю, собрал осколки и занялся пересадкой пострадавших цветов. Для этого дела он еще в феврале купил в сельмаге несколько новых горшков и заказал иркутянам, ездившим в город, прикупить в магазине специальной земли, которую он перемешал с огородным черноземом. Ведро с получившейся смесью хранилось в подполе, постоянно пополняясь заваркой из использованных чайных пакетиков и чайными листьями, кои шли на подкормку дождевых червей, обитавших в том же ведре. Последнее на таком вроде бы неприхотливом корме плодились и размножались, отдавая частичную дань своими соплеменниками, шедшими на заклятие и погибавшими на рыболовном крючке. Хозяин и кормилец порой хаживал на рыбалку, благо своенравная речка Дикая, вбравшая в свое искристое тело ручей, пересекавший огородные участки Беловых и внучка почившей знахарки, протекала в трехстах метрах, если считать от порога дома. Спрятавшись под ледяным панцирем, Дикая хранила глубокие ямы с плескавшимися в них ленками и таймешатами; надо только знать, где эти ямки...

Вадим пересадил цветы, вымыл руки, протер пол и надолго застыл у окна с цветочным горшком в руках, бездумно, пустым взглядом глядя на двор и думая о том, что мечтам стать дипломированным специалистом не суждено сбыться. Все впустую, все эти занятия, репетитор, химия, биология, анатомия, английский – все это сизифов труд, камень, которой он никогда не закатит на вершину. Раскатал губу... закатай обратно и пристегни пуговичкой. На него

иногда накатывали приступы черной меланхолии, захлестывающие с головой и вышибающие почву из-под ног. В такие моменты Вадим сам себе казался невольным отшельником, брошенным на маленьком острове, со всех сторон окруженном бескрайним океаном. Что бы ты ни делал, какие бы плоты ни сколачивал в попытках выбраться с осточертевшего клочка суши – коварные океанские течения возвращали плоты обратно и разбивали их об острые рифы жизни. Сейчас был один из именно таких моментов...

Парень не хотел, но сам не заметил, как стараниями односельчан постепенно превратился в нелюдимого отшельника. Люди злы. Зло зачастую кроется не в людской природе, а в человеческом отношении к непонятным явлениям, к тому, что нельзя понять разумом простого обывателя. В таких случаях они отгораживаются, строят стены, предпочитая не видеть, не трогать и не замечать... К тому, что в поселке появился знахарь-колдун, сельчане привыкли быстро, языкастые кумушки быстро наградили молодого парня кучей неснимаемых ярлыков, запустив по поселку несколько сплетен, где он чуть ли не младенцев в котлах варит. Сначала он смеялся над нелепицами, потом заметил, что люди чураются и побаиваются его. Да-да, Белов никому зла не делал и не делает, но кто знает, на что он способен? Такого задирать будет себе дороже, еще наградит чем-нибудь. Вона вылечил одного эпилептика, приступов у того за два с половиной месяца ни одного не было, но мозги у бедолаги точно набок повернулись – пить-курить бросил, от запаха водки его тошнит, дома усидеть не смог, подался в город – на заработки и... пропал, ни писем, ни звонков – ничего. Постепенно из страха выросла невидимая стена отчуждения, которую старались не пересекатьшний раз. Совсем как с бабкой Ширшихой, к которой ходили, когда болячка припекала так, хоть на стену вешайся. Так и с Вадимом. К нему приходили сами, приводили детей, благодарили, но он видел настороженность, мелькавшую в глубине глаз посетителей. Лишь пара соседей, да бригада иркутян не замечали невидимой преграды, относясь к нему как раньше, видя в нем молодого парня, взвалившего на свои плечи дом и хозяйство, и не давая ему окончательно стать изгоем.

Вадим с радостью плюнул бы на все и уехал. Деньги он заработает, но как быть с домом? Корову с телком и пчел он продаст тому же деду Бондарю или тетке Ларисе, кур или продаст или забьет. Но как быть с домом? Как быть с могилами деда и бабушки? Дом он продать не сможет, нет в поселке покупателей, а просто так бросить родной угол, Снежка, Васку... Он думал, что не будет ничего делать, но, наоборот, прирос хозяйством. Иркутяне построили у ручья беседку в восточном стиле, совсем как у Кузьмича из «Особенностей национальной охоты». Будущий молодожен – Степан, вырезал новые наличники на окна и красивого конька на крышу. За зиму и половину марта двор и тропа в баню обзавелись новым навесом из металлочерепицы, рядом с беседкой ждала своего часа куча мелкого белого отсева, чтобы стать красивой дорожкой, как растает снег. Дом. Как оставить его, бросить, когда он сам прирастает с каждым днем? Дилемма... а может, бросить... Если бы люди знали, как он устал от одиночества! Целыми днями один. Так и свихнуться недолго...

Вадим вынырнул из тяжелых дум; что толку париться? Он посмотрел на ноутбук, зацепился взглядом за полку с учебниками и толстыми тетрадями, исписанными мелким, чуть ли не каллиграфическим почерком, и упрямо поджал губы. Нет, он не сдастся: до лета есть время, он что-нибудь придумает. Нельзя бросать учебу, если он будет учиться в «меде», то сможет лечить людей, имея за спиной академический багаж знаний, а не непонятно откуда выскивающие познания и интуитивные навыки.

Оторвав хозяина от разглядывания полок, поднял лай Снежок. Вадим выглянул в окно: пес бросился на ворота, у которых остановился «лендкрузер» с амурскими номерами...

«Кого это нелегкая принесла?» – раздраженно подумал Вадим. Он еще не отошел от приступа черной меланхолии. Мысленному пожеланию, чтобы тонированная иномарка разворачивалась в обратную сторону, не суждено было сбыться.

Из джипа со стороны водителя вышел здоровенный парень в строгом костюме-двойке, про которого сто лет назад сказали бы, что у него косая сажень в плечах. Россиянин конца двадцатого века высказался бы, что водила – качок. А судя по физиономии и жуткому шраму, пересекавшему лицо водителя от внешнего угла правого глаза до подбородка, для шрамоносца даже попадание семи пуль в голову не будет смертельным ранением. Водитель огляделся вокруг, цепким взглядом оценивая обстановку и хоромину по соседству с домом Вадима, подошел к калитке, сквозь зубы цыкнув на злобствующего кобеля по ту сторону забора, и нажал кнопку звонка, выведенного на правую воротину.

Вадим никого не хотел ни видеть, ни принимать. Настроение не то. Не стой он у окна, можно было бы качка проигнорировать, сделать вид, что никого нет дома, а так он засветился по полной программе, придется проявить толику уважения и выйти на порог.

– Эй, пацан! Где тут экстрасенс живет? – крикнул качок, стоило Вадиму выйти на крыльцо.

Давно его так не кликали – «пацан», да еще через губу, с пренебрежением, приправленным хорошей порцией высокомерия, отвык он от подобного. Поселковые и иркутские обращались к молодому знахарю по имени-отчеству или просто по имени, за глаза односельчане звали Вадима колдуном или просто Беловым, однофамильцев у него не было.

– Эй, пацан, я спрашиваю, где бабку найти?

Богата и могуча родная речь, да только у некоторых язык на «базар» заточен. Ни здрасте тебе, ни до свидания, нормально так – с ходу в лоб потребовали выдать информацию. Знахарку ему подавай... Нет знахарки – отошла она, совсем отошла. Определился бы уже, кого потерял, бабку или экстрасенса? Ясно, кто вам нужен, но задачу никто облегчать не собирается, тем более когда незваные гости после двух слов вызывают резкую неприязнь и антипатию. Судя по раскачиванию машины, качок приехал не один, сквозь тонированные стекла в салоне просматривались два нечетких человеческих силуэта.

Качок нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, когда «тормоз» на крыльце разродится ответом. Вадиму никогда не нравились подобные «хозяева жизни», смотрящие на всех свысока, как на быдло, меряющие окружающих по толщине кошелька. Было в водителе нечто, неуловимо делающее его духовным родственником внучка Ширшихи. Возможно, Вадим был не прав в оценке гостя и судил предвзято, разглядев лишь наносную штучку, но встречают по одежке, а копать до ума и ранимой души желания отчего-то не возникало.

– Пелагея Матвеевна умерла, найти ее можно на кладбище, – ответил он через плечо, разворачиваясь на каблуках и скрываясь в доме. Толика уважения оказана, пора гостям и честь знать, могилку найдут сами. А то, что он валенком прикинулся и дурочку включил, так качок, кроме валенка, на пороге никого и не видел. Прежде чем перетянуться к черту на кулички, мог бы для приличия людей поспрошать...

Получив ответ, здоровяк ненадолго «завис», переваривая слова хозяина: видимо, что-то не сходилось у него с источниками информации, утверждавшими, что живет в Таежном сильный экстрасенс. Водитель немного потоптался у ворот, прикидывая так и эдак, через пару минут мыслительный механизм в его черепушке пришел к какому-то решению и выдал команду. Гость запрыгнул в салон. Человеческие контуры качнулись к переднему сиденью, между людьми завязалась короткая дискуссия. Руками никто не размахивал, в истерике не бился. Через минуту глухо рыкнул дизель, глушитель выплюнул сизое облачко солярного выхлопа, и джип резво покатился в сторону центра поселка.

Вадим подошел к окну и проводил взглядом внедорожник. Не сказать, что он шибко тяготился унаследованным от Пелагеи Матвеевны даром, но ни к чему ему излишняя известность. Джип из Амурской области был первой ласточкой, принесшей в клювике доказательство древнего постулата, гласившего, что сарафанное радио распространяет информацию быстрее скоростного интернета. Таежный не совсем оторван от мира. С появлением в поселке операторов

сотовой связи и провайдеров всемирной сети в разы увеличился обмен информацией между лесными аборигенами и городскими родственниками. В городах, ес-сно, тоже есть уши, которые любят, когда в них вдувают необычные сказки, особенно если те имеют волнующий мистический окрас, соревнуясь с телевизионными «Битвами экстрасенсов». По телевизору можно показать что угодно, придумать и смонтировать на компьютере, а тут Манька-свояченица сама, своими глазами видела...

Правильно в свое время пела Алла Пугачева про цыганку и людей, желающих знать предначертанную судьбу. Знают же, что карты врут, старая гадалка правды не скажет. Но нет, идут к ней на поклон, звеня монетами и надеясь на удачный расклад. «Меня обманывать не надо, я сам обманываться рад». Гадалка тасует колоду, раскладывает дам и королей, зная, что клиент пришел за надеждой и удачей в делах, и она дает ему искомое, а что удачи нет, то карты так легли, ведь всегда есть два пути, милосердие или милая; не на тот ты свернула – твой валет был по другую сторону от развилки.

Дар Вадима – из другой области, но кое-что в нем сродни гаданию цыганки, рассчитанному на психологический аспект, взять того же Степана. Потерпел когда-то мужик фиаско на любовном фронте и вбил себе в голову, что его «инструмент» повис на полшестого; пока ему не перепали заговоренные монетки, психологический клин не вышибался. Правда, до этого мнимый импотент стал свидетелем исцеления настоящего больного и был психологически готов к чуду, приняв его за чистую монету. Последнее как раз и роднило знахаря с шарлатанкой – вера людей в чудо. Одни мечтают обмануть судьбу, вторые хватаются за соломинку, надеясь избавиться от недуга, в борьбе с которым медицина расписалась в полном бессилии. Вадим подозревал, что широкоплечий парнишка и пассажиры джипа были из когорты гонимых за чудом...

Вскоре машина скрылась из виду. Вспомнив о пустующей со вчерашнего вечера хлебнице, Вадим решил прогуляться до магазина. Кроме хлеба не помешало бы чая и печенья прикупить, да и гречка вот-вот закончится... Сунув в карман пакет и проверив, на месте ли портмоне, он спустил с цепи Снежка и отправился за покупками.

«Час от часу не легче!» – про себя выругался Вадим, возвращаясь от торговой точки и узрев у родных ворот знакомое средство передвижения, вокруг которого наматывал круги здоровяк со шрамом. На другой стороне улицы стояла соседка. Тетка Лариса, активно жестикулируя, что-то поясняла хозяину иномарки. Тут она обернулась, увидела прихрамывающего Белова, махнула в его сторону рукой и поспешила скрыться за надежными воротами родного дома. Скрылась, как же! Наверняка старая «партизанка» заняла замаскированный НП, открыла форточки, настроила окуляры и слуховые аппараты, приготовившись зреть и внимать. В деревне не так много развлечений, новые люди в глухом медвежьем углу сами по себе канают за развлекательную передачу. А тут такое событие – к Белову аж из Благовещенска приехали! Кто же пропустит бесплатную развлекуху? Вадим с трудом подавил родившееся в груди глухое раздражение.

Качок, ожидавший запропастившегося хозяина дома, состроил зверскую рожу, шагнул ему навстречу:

– Пацан, это ты, что ли, экстрасенсом будешь? Че, мля, сказать не мог?

– Здравствуй! Откуда я знаю, кто вам нужен, – дипломатично ответил Вадим. Опять никто не хочет с ним здороваться и представляться – такое впечатление, что об этикетке и нормах поведения в городе не имеют понятия. – Вы бы сразу определились: к бабке вам или к кому другому, в поселке из медицинских учреждений еще есть фельдшерский пункт.

– Ты че, баклан, самый умный? – Глаза качка налились дурной кровью, казалось, он сейчас сорвется и бросится на Вадима с кулаками. Пассажиры в машине сидели тише воды ниже травы, хотя они не могли слышать разговора из-за музыки (как ни странно – классической), доносившейся из салона. – Решил поприкалываться?

Вадим спокойно смотрел на накручивающего себя мужчину, размышляя о том, что помощь психолога и невропатолога тому не помешает. Слишком возбудимый, ему стоит подлечить нервишки. Почему некоторые до сих пор живут по принципам и понятиям девятых годов прошлого столетия? Базар-вокзал. Скупщики таежных разносолов из Хабаровска рассказывали, что современный рэкет обзавелся манерами, галстуками, костюмами-тройками, юридической поддержкой и дань собирает с улыбками на лицах. Соответственно клиентам не так больно расставаться с честно заработанными деньгами. Пожав плечами в ответ на последнее заявление, Вадим молча повернулся к калитке. В спор и словесную перепалку влезать он не хотел, да и никогда не был особо силен в искусстве «базара», обычно довольствуясь кулаками. В школе его не задирали даже самые отъявленные двоечники, не боялся он и качка. Был тот ненамного больше его самого.

- Стоять! – На плечо легла тяжелая рука.
- Руку уберите! – сказал Вадим.
- Мы не закончили разговор.
- Закончили!
- Не понял...
- Тут понимать нечего. Мне не о чем с вами разговаривать. Руку уберите!
- А то что?

Вадим скинул с плеча чужую руку, развернувшись к водителю джипа: когда и как он успел перейти на второе зрение – он не помнил, для него было важным, что его противник светился яркими цветами здоровья. Он выпустил силу, мысленно прокачивая энергию через каналы на руках, действуя точно так же, как при лечении людей. Энергия сконцентрировалась на ладони и выстрелила в крепыща. Светящиеся жгутики на горле качка оказались передавленными белым лассо, вытянувшимся из руки Вадима. Мужчина натужно задышал, потом скривился, хватаясь руками за горло, и рухнул на колени, пытаясь вдохнуть воздух.

- Отпусти его! Дарт Вейдер недоделанный! – раздался звонкий девичий голос.
- Проваливай! – сказал Вадим мужчине, освободив того от энергетического захвата.

Освобожденный перестал скрести руками по невидимой удавке, сделал глубокий вдох, порозовев лицом.

- С-с-сука... – прохрипел он, – падла, ты что творишь...
- Мало? Могу добавить! – Вторая волна гнева чуть не захлестнула парня.
- Только попробуй! – донеслось со стороны машины. – Папа за Вадима тебя заживо похоронит!

– Проваливайте, – повторил «деревенский» Вадим городскому тезке и его звонкоголосой заступнице, демонстративно отвернувшись от четырехколесного «коня». Он специально не обращал внимания на девчонку и не смотрел в ее сторону, чтобы не увидеть ауру и темные болезненные метки в разноцветье человеческого тела. Стоит только глянуть на говорунью, разглядеть наличие недуга, и он не сможет отказать в помощи. Понтовая девчонка въедет во двор на одной жалости, чего Вадим совсем не хотел, потому предпочел игнорировать больных гостей. Пелагея Матвеевна наказывала не грешить. Будет ли грехом обычное игнорирование? Трудно сказать... От того, что страус, спасаясь от проблем, прячет голову в песок, напасти не делаются невидимыми. Спрятаться от них можно, можно их игнорировать, но от этого сами они никуда не денутся, настигнув убегающего от их внимания в самый неподходящий момент, навернув бедолагу вдоль и поперек хребтины.

Он понимал, что маленький конфликт у ворот может иметь большие последствия. Наблюдатели за соседскими заборами раздуют муху в слона, добавят пикантных деталей, и пересказ, обрастая надуманными подробностями, пойдет гулять по поселку. Поселковые слухи и бредни воспаленного сознания некоторых кумушек не так страшны, как возможная реакция

городского пижона. Красный петух любит сухое дерево... Свои побоятся связываться с кочетом, а городским падалыщикам бояться нечего, так что последствия могут быть самые разные.

Вадим опять не к месту вспомнил Ширшиху – она никогда никому не отказывала в помощи. Но старуха была куда как опытней и сильнее молодого, необученного преемника – знахарка издали чувствовала неприятных для нее людей, умело избегая встречи с ними. Хитрая бабулька знала, как и когда применять отвод глаз. Наследник дара этим хитрым искусством еще не овладел, посему не был застрахован от форс-мажоров в общении с «татарами незваными», типа отползающего от него тетки.

Щелкнув засовом на калитке, Вадим отделил себя от внешнего мира и его забот. Старый, добрый аутотренинг порой творит чудеса. Не оглядываясь, он скрылся в доме.

Джип некоторое время давил неподвижными колесами подтаявшую землю у ворот, неясные людские контуры, скрытые тонировкой, наклонялись друг к другу, по всей видимости решая, как поступить. Минут через десять с резкой перегазовкой «японец» сорвался с места, разбрызгивая весеннюю грязь и серый рыхлый снег, и быстро скрылся за поворотом.

Тетка Лариса долго наблюдала за темным неподвижным силуэтом, застывшим в окне беловского дома, что выходило аккуратно на ворота и хорошо просматривалось из ее кухни. Замершего в ступоре парня со спины подсвечивало солнечными лучами, которые били в угловое окно. Иногда соседке казалось, что Вадим качается из стороны в сторону, но вскоре она разобралась, что это шевелится тюль, складками которого играет прорывающийся через открытую форточку сквозняк.

Любопытная соседка пыталась разобраться в том, свидетелем чего она стала не так давно. Лариса всегда была наблюдательной, зачастую подмечая то, что упустили другие. Она умела анализировать и давать оценку различным мелким и незаметным фактам. Пусть ее способность замечать скрытое и неочевидное была чисто бытовой, но она помогала женщине всегда быть в курсе всех курсирующих по Таежному слухов и сплетен, и, что немаловажно, выделять из сплетен реальные факты, составляя реальную картину того или иного события.

Лариса видела, что Ширшиха с малолетства привечает беловского внука, подолгу чем-то занимается с ним в доме или что-то рассказывает мальчишке, сидя на сколоченной им же для древней знахарки лавке. Такое отношение нелюдистой бабки к кому-либо само по себе могло родить не одну сплетню, но Ларисе хватало ума и такта не лезть туда, куда ее не просят. Ширшиха могла запросто сглазить или наслать порчу. Старухе было далеко за сто лет, но сил от этого у нее меньше не становилось. Характерным показателем было поведение заезжих цыган, десятой дорогой обходивших дом деревенской знахарки. Чувствовали ромалэ силу, предпочитая не связываться с ее источником.

Лариса знала, что подобные Ширшихе просто так не умирают. Ведьмы и колдуны не могут покинуть бранный мир, не передав дар. Не поэтому ли старая карга – Пелагея, привечала мальчика? Ведьма растила наследника, а Белов-старший никак ей не препятствовал. Или заколдовала его знахарка, или хитрый дед сам подтолкнул внука к ведьме. Старики вспоминали, что дед старого хитрована слыл сильным колдуном, не только заговаривая в тайге зверя, но и насылая дождь в засухливые годы. Потом сила у Беловых уснула, проснувшись через четыре колена. Сколько лет прошло? Значит, правду люди говорят, что силу наследуют через четыре поколения. Ай да Белов, ай да старый хрыч! Всех перехитрил. Женщина нервным жестом поправила выбившиеся из-под платка волосы, вспоминая канувший в лету сентябрь, смерть Ширшихи. Ведьма передала дар – и Вадим принял. Сам принял, добровольно. Сила передается только с согласия принимающего. Досталась ноша парню... и ведь выдержал, вынес на плечах и смерть стариков, и овладение даром, не сломался. У Беловых всегда был стальной стержень. Почти всегда... Непутевая дочь не в счет, зато сын у нее копией деда получился, обломал мать с наследством, как нашкодившую девчонку, прогнал прочь. Пусть радуется, дура, что вовсе

от порога отчего не отрекли. Такой может... Лариса посмотрела на заплывшие грязью следы джипа на дороге и плотнее закуталась в шаль...

Приезжий ей сразу не понравился – наглый слишком. Стоило увидеть возвращающегося из сельмага Вадима, как она быстро закруглила вынужденную беседу, поспешив занять место у окна и подспудно гадая: пустит Белов приезжих в дом или откажет в гостеприимстве? Отказал... Женщина вздрогнула и поежилась от волны холодных мурашек, пробежавших по спине. Для себя она решила, что накажет родственникам и соседям никогда не задирать молодого знахаря. Не дай бог столкнуться лицом к лицу с испивающим саму душу холодом, льющимся из глаз парня, в один миг ставшего похожим на ту, что взмахом косы отбирает жизнь. В тот миг Лариса подумала, что Вадим убьет городского здоровяка. Тот уже и хрипеть перестал, завалившись на бок, но Белов сумел обуздать ярость и отпустил приезжего дурака. Женщина машинально перекрестилась: вот, Вадимка, и вторая сторона монеты...

Мир менялся, рушился на глазах; то, что раньше казалось незбылемым, оплывало подобно восковой свече. Яркий, трепещущий огонек на конце фитиля дарил не только свет – он открывал глаза на скрытое в тенях, пляшущее под фривольные изгибы пламени...

В голове было на удивление пусто. Мысли, которые роились в черепушке, попрятались в укромных уголках. Сам хозяин пустой головы бездумно пялился на почерневший снег за окном, не замечая ни сквозняка, ни стылого весеннего холодка, облизывающего углы комнаты и оседавшего легкой сыростью на отпотевающих гладких и стеклянных поверхностях. Пробравшись стылыми пальцами под тонкую ткань одежд, холод привел человека в чувство.

Зябко пожившись, Вадим отошел от окна. Уже вечер? Это сколько же он изображал из себя статую? Хорошо, в доме голубей нет, а то уляпали бы голову пометом, он бы и не заметил. Старые ходики с грузиками-шишечками, натужно скрипнув, отбили семь часов вечера. Сильно его припекло, однако... Вадим посмотрел в окно. Вечереет, тетка Лариса что-то кричит мужу и гневно тычет рукой в бадью с картофельными очистками и запаренным комбикормом... Парень спохватился – на соседку смотрит, а у самого скотина не кормлена! Быстро переодевшись, он развел с утра запаренный комбикорм теплой водой из бойлера, разделив смесь по ведрам. Большое – Зорьке, маленькое – Темчику, которого он потихоньку прикармливал, отучая от молока, но телок нет-нет да и пробирался к мамке, выдудонивая ее досуха. Стоило войти в стайку, сразу стало понятно, что парного молока на ужин не будет. Темчик умудрился вновь пролезть к мамке и сделать свое черное дело, оставив нерадивого хозяина без пайки. Нечего, родимый, ушами хлопать и изображать из себя статую. Беззлобно выругавшись и загнав наглого бычка на место, Вадим вычистил навоз и подсыпал на пол свежей соломы. После чего накормил мычащих и кудахтающих, разжившись в летках четырьмя свежими яйцами. За неимением лучших вариантов, на ужин будет глазунья с помидором и зеленым луком. Последний, как и укроп с петрушкой, парень второй год выращивал в подполье в специальных ящиках с сырыми опилками. В роли солнышка выступали лампочки. Места ящики занимали немного, зато в любой сезон в доме была зелень.

Глядя через открытую заслонку на пляшущие языки пламени, весело пожиравшие трещащие полешки, Вадим погрузился в себя, вспоминая не столь далекие события, выбившие его из наезженной за зиму колеи.

...Это было неожиданно приятно – держать чужую жизнь в кулаке. Теплая истома, как сладостная нега после секса, растекалась в тот момент по телу. Это была ВЛАСТЬ над жизнью и смертью, манящая и притягательная. Она дарила силу, а не отбирала ее, как при лечении, и ложилась на язык сладким привкусом, а не приторной горечью человеческой боли. Он едва сдержался, еле-еле устоял на грани, чуть было с головой не нырнув в темный омут. Молодой знахарь звериным чутьем смекнул, что омут может не выпустить его обратно. Выпивая чужую жизнь, он был похож на наркомана, испытывающего кайф-приход. Так и подсесть недолго...

Осознав это, он ужаснулся и разжал руку, выпустив энергетический поводок, который сжимал шею городского тезки. Звонкий окрик девчонки, обозвавшей его Дартом Вейдером, послужил своеобразным толчком. В голове зароились воспоминания, и слова Пелагеи Матвеевны, сказанные перед смертью. «Не греши», – проронила она. Без сомнения, Ширшиха намекала на вторую сторону дара, доставшегося парню. Первая – лечит, вторая – калечит. Спровадив непрощенных гостей, он впервые серьезно задумался над тем, что ему досталось, и был ли это только дар почившей в бозе знахарки. Только ли? Сколько бы он ни бился, не искал ответы, ясно было одно: теперь ему предстоит всю оставшуюся жизнь балансировать между аверсом и реверсом доставшейся в наследство монеты, которую нельзя было причислить ни к золотому дублону, ни к медному грошу, ибо обе стороны требовали в первую очередь ответственности. Да-а, с его даром можно было озолотиться или сгинуть ни за грош, либо отвернуться от мира, живя затворником, как сделала Пелагея Ширшова...

Вадим поставил на печь любимую бабушкину чугунную сковородку, которую, если честно, не променял бы ни на какой самый модный тефлоновый «Тефаль». Никакое разрекламированное чудо не могло сравниться с чугунным раритетом производства тридцатых годов прошлого века. Сковорода была волшебной. На ней не подгорали блины, картошка будто сама собой прожаривалась до золотистой корочки, и все, что на ней готовилось, было произведением кулинарного искусства. Даже простая глазунья превращалась в царский ужин, а не становилась завтраком вечно голодного студента.

Перекусив приготовленной на скорую руку глазуньей, он уселся в старое кресло, в котором любил читать книги, переняв привычку от деда. В этом старом, продавленном кресле, наделенном особой аурой, думалось по-особому легко. Все важные решения принимались парнем после часа-другого кресельных раздумий.

«Будем исходить из того, – думал Вадим, – что дед знал или подозревал о наличии у меня экстрасенсорных возможностей. Значит, для этого были какие-то предпосылки или зацепки, смог же он сделать соответствующие выводы, как и Ширшиха. Почему Пелагея Матвеевна предложила дар мне, на каком основании? Думай, Дарт Вейдер, думай. Как дед, живя в тайге, мог увидеть в тебе знахаря?»

Тут у Вадима что-то щелкнуло в голове. Мысленный поток зацепился за слово «тайга». Да, лес для него был вторым домом, он никогда не блудил, не боялся зверя, всегда находил грибные и ягодные места, даже в самый неурожай не возвращался домой пустым. Любой овощ, посаженный им на огороде, всходил и созревал на неделю раньше, чем у соседей, картошка практически никогда не «болела», скотина и животные всегда тянулись к нему. Вадим вспомнил реакцию пасечника – деда Бондаря, когда он, семилетний пацан, уселся на спину Бугру – громадному кобелю, охранявшему таежную пасеку от поползновения косолапых любителей меда. Бугор был из породы то ли недельных, то ли недельных³, весил под восемьдесят килограммов и не боялся никого. За то и был отправлен в лес, ибо кобель мог выйти победителем в противостоянии один на один с косолапым. Пес слушался и подпускал к себе только хозяина, и каково же было удивление последнего, когда малолетний шкет вдруг взнуздывает грозного стража, и тот безропотно катает его по поляне на манер ласкового пони. Старший Белов тогда только посмеялся в усы, хлопнул Бондаря по плечу и о чем-то ненадолго задумался. О чем думал дед?

Вадим по-стариковски побряхтел, разминая онемевшие от долгого сидения ноги. Встав, он походил по комнате, подкинул дров в печку, после чего вернулся на насиженное место. Мысли потекли по накатанной колее, возвращаясь в минувшее детство. Дед ни слова не сказал

³ Правильно: меделян. Это довольно крупная молосоидная собака с силой и мощью бульдога, стойкостью, выдержкой и благородством мастифа, обладающая превосходной шерстью с подпухом, что защищает ее от длительных зимних морозов. Прекрасный семейный страж и компаньон, особенно для загородной жизни. Свое название получила в честь древней, безвозвратно утерянной, истинно русской породы – меделянской собаки, которая и стала прототипом современного меделяна.

против походов внука к соседке. Белов-старший всегда почтительно обращался со сморщенной бабушкой, она отвечала ему той же монетой. Странно, почему Вадим не замечал или не вспоминал об этом раньше? Ширшиха никого не пускала в личное пространство, но почему-то сделала исключение для него и деда. С бабушкой знахарка держалась тоже ровно, конечно, без того пиетета, с которым она относилась к нему. Парень чувствовал, что ответ кроется где-то рядом, стоит только потянуться рукой в нужном направлении... но отгадка постоянно ускользала, словно он что-то позабыл, и этот маленький нюанс не дает мозаике сложиться в цельную, законченную картину. Несомненно, дед знал о его предрасположенности. Ширшиха тоже знала и, возможно, учила его, но почему он ничего этого не помнит? Почему?

Вадим тонул. Сил не осталось даже на то, чтобы просто барахтаться, но он продолжал упорно бить руками по темной морской глади. Ноги с каждой секундой становились тяжелее, теряя чувствительность в холодной воде. Скоро и тело станет таким же, как оледеневшие ступни, и тогда – прощай, небо; здравствуйте, раки! Берег... ему бы суметь догresti до берега, темная полоска которого не становилась ближе из-за течения, уносящего жертву в бескрайний океан. Вадима сковало холодом, одеревеневшие руки повисли безвольными плетями, вынырнувший из глубин водоворот ухватил его за голени и потянул вниз, темная вода сомкнулась над головой, грудь сдавило от нехватки воздуха. Морская бездна раскрыла пасть. Проводив взглядом последние пузырьки, выпущенные из сжатых давлением легких, он открыл в немом крике рот и проснулся...

Сердце с бешеными переборами стучало о грудную клетку, казалось, что оно вот-вот проломит хлипкую преграду и выпрыгнет наружу. Мышцы между ребрами болезненно стянуло. Как говорят в народе – ни вздохнуть ни п...ть.

– Приснится же... – прошептали посиневшие губы. Вадим, смахнув со лба обильную испарину, дернулся встать с кресла и тут же скривился от сонма мурашек, побежавших по затекшим от долгого сидения в неудобной позе конечностям.

Старые ходики, дернув шишечками с облетевшей позолотой, отстучали четыре часа.

– Вот это я даванул...

Поджимая озябшие пальцы ног, кресельный засоня проковылял до окна и захлопнул форточку. Дрова в печи давным-давно прогорели. Судя по тому, что уголья и зола не давали искр, когда их пошевелили кочергой, а стылый уличный холод, пролезший через форточку и дымовую трубу с открытым на всю катушку дымоходом, вольготно обосновался в доме, случилось это часа три назад. Вадим выбрал совком золу, накидал на колосники огрызков бересты с тонкими расколотыми полешками и чиркнул спичкой. Вскоре горячее пламя жадно чавкало, поедая свежую порцию дров и плотоядно поглядывая на ведро уголька. Холод недовольно сдавал захваченные позиции, оседа каплями слез на запотевших окнах.

– Надо переделать бак на печное отопление, – сказал Вадим сам себе, смотря на радиаторы.

Два года назад они с дедом установили в доме алюминиевые радиаторы и небольшой расширительный бачок, который смонтировали на кухне. Нагревалась вода парой электрических тэнов, врезанных в самодельный бак бойлера. Для того чтобы обеспечить нормальную циркуляцию, в трубу, идущую от бойлера, был врезан маленький циркулярный насос. Первый месяц деревенские Самоделкины нарадоваться не могли на сотворенное чудо инженерной мысли, но получив счет за электроэнергию – призадумались. В пересчете на рубли новодел за один месяц скушал две с половиной тысячи целковых. Удовольствие выходило не из дешевых.

– Поторопились мы, Вадимка, – помяв в руках бумажку от Энергосбыта, задумчиво сказал дед. – Хорошо-то оно хорошо, дык оно все равно что печь червонцами топить, а ведь еще морозов настоящих не было. Дорогое удовольствие-то выходит.

Покумекав, мастера приняли соломоново решение. В обиход была запущена следующая схема – тэны подключались к пускателю с цифровым таймером, который включал бойлер с часу ночи до шести утра. Не зря же в доме установлен двухтарифный счетчик, так пусть оправдывает себя. Днем топили печь. Вадим было заикнулся о способах обмануть злокозненный прибор учета, но дед так глянул на него, что махинатор проглотил и слюну, и заготовленную пылкую речь.

– Никогда Беловы не воровали! – рявкнул старик, как обрезал. На сих словах конфликт с нечистой совестью был исчерпан.

Пока дед с бабушкой были живы и получали, как говаривал дед, «стипендию на пенсионный постой», он не особо задумывался об экономии. Денег Беловым хватало. Со смертью стариков парень уже сам отвечал за холостяцкий бюджет и предпочитал экономить копейку, которая, как известно, бакшишем рубль огребает. Планы на университет никак не гармонировали с растратами на электроэнергию. С наступлением оттепелей электроотопление было выведено из работы. Тепловой режим в доме поддерживался исконным деревенским методом через дрова и уголь. Стоило хозяину заснуть в кресле и забыть о дровах, форточке и капризной весенней погоде, как та сама напомнила о себе двадцатиградусным морозцем и порывистым ветерком.

Поняв, что заснуть больше не получится, Вадим взялся за хозяйские хлопоты. Вечером заниматься ими было как-то недосуг. Голова была занята другими думами.

Запарив комбикорм и нарубив тыкву, он включил телевизор. Бумкающий на краю сознания «матюгальник» позволял несколько расслабиться и не чувствовать себя одиноким.

– Люк! – Вадим чуть не поперхнулся чаем. – Люк! Я твой отец! – вещал с голубого экрана мужик в черном плаще и маске.

Парень развернулся к телевизору.

– Брутальный мужик, реальный чувак, – буркнул он. – И чего на бедного наезжают? Мне бы еще фонарик, как у него. Таким было бы прикольно дрова колоть.

Вадим улыбнулся, представив себя за колкой поленьев лазерным мечом. Вечерние метания и страхи в свете нового дня показались несущественными. Стоило ли себя так накручивать, и из-за чего? До него жили с подобным даром, и он проживет. Сейчас новоприобретенная способность воспринималась по-иному. Он смотрел на экран и думал о том, что в жизни нет черного и белого. Цвета придумали люди, добро и зло так часто меняются местами, что порой сами не знают, кто из них кто. Еще бы, ведь историю пишет победитель... Добро, по жизни, всегда побеждает зло! Ставит его на колени и зверски забивает ногами.

Новая грань дара, как новое испытание на прочность и способность остаться человеком. Дар – это как припасенный пулемет в хозяйстве или бронепоезд на запасном пути. Кушать и денег не просит... Вадим допил чай, посмотрел на дно кружки, грустно улыбнулся и подумал о том, что не мешало бы плотно налечь на тренинг самоконтроля. Резюмируя недавние размышления, он пришел к выводу – тренировать следует обе стороны дара или даров, одностороннее развитие ни к чему хорошему не приведет и никогда не приводило. Контроль, контроль и еще раз контроль! Бронепоезд бронепоездом, но если у него сорвет тормоза? Значит, надо сделать так, чтобы их не сорвало, а поможет ему... Великая сила – интернет, сколько знаний скрывают твои бездонные виртуальные пространства, поделишься ли ты ими?

– Гугл в помощь, – сказал Вадим, ставя грязную посуду в раковину.

Преодолев стены курятников и прозрачные преграды оконных стекол, до молодого знахаря донесся крик петухов. Здравствуй, день грядущий.

До обеда небо хмурилось мутной дымкой и рванными облаками. Ветер стаскивал серых странниц в одну кучу, набивая себе перину. Как-то незаметно хмарь заполнила все уголки небосвода. От горизонта до горизонта теснились тяжелые, наполненные снегом подушки. Чуть

погоняв их, ветер плюхнулся на приготовленное ложе, выбив из перины белый пух. Белая стена снегопада накрыла Таежный и окружающие поселок сопки.

Вадим лениво помахивал лопатой, расчищая дорожки к бане и могилкам деда и бабушки. Снегопад не прекращался. За какой-то час снегу навалило по колено. Если не поработать сейчас, то к вечеру до бани и с бульдозером будет не пробиться. Хвостатый сторож, спущенный с цепи, гавкая на все подряд, словно молодой щенок, носился вокруг. Он то целиком зарывался в мягкие свежие сугробы, то хватал пастью белую снежную массу, облизываясь, будто это не снег, а кусок парного мяса, то прыгал на лопату, играючи кусая черенок. Хозяин четвероногого друга временами подначивал пса, вываливая на него с лопаты плотные комья снега. Хвостатый ненадолго отбегал в сторону, делая вид, что обиделся, но через пару мгновений лающий торнадо вновь нарезал круги вокруг парня. Пройдя дорожки по второму кругу, Вадим бросил бесполезное занятие. Снег, словно песок, гонимый пустынным суховеем, на глазах переметал расчищенную тропу.

Поселок словно вымер. Непроглядное снежное покрывало всех по домам разогнало, даже собаки предпочитали не высовываться из будок, чего уж говорить о людях. Неугомонные иркутяне и те не казали носу из отгроханной хоромины. Кроме Степана, но тот с некоторых пор обитался по другому адресу, охраняя покой невесты. На работу Загоруйко являлся во всем выстиранном и выглаженном, лоснясь от домашних разносолов и с мечтательной искрой в глазах. Все его разговоры вертелись вокруг Тонечки, а когда Антонина проговорила о своей несправности, радости будущего папаши не было границ. Жених и невеста в тот же вечер заявили к Вадиму с возом горячительного и приглашением на свадьбу. Коньяк, вино и конфеты тот принял, а от приглашения ненавязчиво отказался, мотивируя отказ взмахом руки и укачивающим перстом, ткнувшим в стайки и дом. Как и на кого хозяйство бросить? Ведь знаменательное событие Степан и Тоня решили перенести в Иркутск. Бригада обсуждала новость бурно. Фомин не стал кочевряжиться, объявив следующий день выходным. Бригадир в уме подсчитал количество водки, сделав для себя неутешительный логичный вывод – болеть народ будет сурово и работники из них в это время никакие. Но действительность оказалась не столь мрачна, как предрекали прогнозы многоопытного Геннадия Михайловича. Ребята праздновали весело, с песнями и шутками-прибаутками, Тоня, несомненно, была королевой вечера. Никто не напился, больше половины «снарядов» так и осталось нераспечатанными. Оставшуюся «беленькую» рачительный Фомин припрятал до лучших времен.

Вадим сидел дома и впервые за долгое время не знал, чем заняться. Телевизор смотреть не хотелось. С Интернетом был облом. Связь через «МегаФон»-модем присутствовала, но скорость была такая, что и Смерть повесится, пока дождется загрузки чего-либо. Книги все перечитаны на сто рядов; заниматься весь день аутотренингом? Увольте! Поэтому лай Снежка был встречен с некоторой радостью. Подкрадывающаяся хандра спряталась до следующего раза. Кто-то едет...

По дороге, натужно переваливаясь с боку на бок и через сугробы, загребая бампером снег, катило очередное внедорожное чудо японского автопрома. К бабке не ходи – водитель джипа правил своего «коня» к дому с известным адресом. Вадим вышел на порог. Внедорожник, нарезая колею, подкатил к его воротам. Машина была другая, нежели вчера, хоть и той же марки. Тонированные «лендкрузеры» отличались номерами. Пробившийся через снежные завалы джип был из родного региона. Зачастили гости, зачастили. И снежная буря им не помеха – видимо, серьезно припекло. За лобовым стеклом угадывались силуэты двоих, судя по контурам – женские, что подтвердилось через пяток секунд. Открыв водительскую дверь, на снег прыгнула стройная девушка в коротеньком пуховичке.

– Встречай гостей, Белов! – задорным голосом крикнула она.

– Валька? – Вадим узнал гостью. – Пчелка! Ты ли это?

– Гляди-ка, узнал! Я, Белый, я! Ты ротик-то закрой, челюсть – она не казенная; или решил за бульдозер поработать? Почистишь дорогу до моих предков?

– Пожужжи мне...

– Ну-ну, напугал ежа голым задом.

– Тебя, Пчелка, напугаешь. – Вадим открыл калитку и подошел к Валентине.

– Привет, Беленький! – Девушка, повиснув на его плечах, смачно чмокнула парня в губы. – Белый, тебя бриться не учили? Совсем одичал тут без присмотра. Чуть все лицо не ободрал мне своей щетиной.

Вадим улыбнулся. Больше двух лет прошло, а Валентина все такая же. Непоседливый, непосредственный, бесцеремонный и очаровательный вихрь на стройных ножках. За два года девушка еще больше похорошела и расцвела. Жизнь в городе пошла ей на пользу. Он сразу отметил профессиональный неброский макияж, призванный оттенять естественную красоту, а не заменять ее, и холеные ухоженные руки с аккуратными ноготками. Физическим трудом Валя себя явно не изнуряла.

– Привет, красавица! – Вадим, ничуть не стесняясь второй гостии, хлопнул Валу по круглой попке, затянутой джинсами.

– Подлизываешься? – В ответ девушка шутливо ударила его по рукам.

– Констатирую.

– Беленький, ты такой же неотесанный чурбан, каким был два года назад... и что я в тебе нашла? Нет чтобы завалить даму комплиментами, ты сразу руки распускаешь.

– Пчелка, мне просто интересно, каким медом тебя кормили в городе, что у тебя распухли самые привлекательные места; ты извини, не смог удержаться.

– И где тот скромный мальчик, которого я помню? Признавайся, куда ты дел Беленького, который постоянно был красненький?

– Пропил. Чем еще у нас можно заниматься? – Вадим пожал плечами.

– Белов, тебя не учили, что обманывать нехорошо? Мне тут синичка на хвосте принесла, что ты на досуге колдуном заделался.

– Ага, есть такое. На метле летаю. Младенцев в котлах варю; порча, сглазы, привороты – за полцены. Тебе, как VIP-клиенту, – бесплатно. Предки нашептали?

– Почему сразу «нашептали»? Маман каждый раз, как я домой звоню, про тебя новую байку рассказывает. Я девушка доверчивая, но даже я не знаю, чему можно верить, а чему нет.

– Не вытерпела и решила поинтересоваться у первоисточника?

– Типа того. Помощь твоя нужна. – Валентина моментально перешла на деловой тон.

– Помилуйте, хозяйка, чем деревенский холоп может помочь барыне из города? – продолжая дурачиться, ответил Вадим. Он давно оценил состояние ауры и цветовую палитру органов девушки, не найдя ничего болезненного, кроме пары мелочей.

– Если ты про джип, то он не мой.

– Как я понимаю, и помощь нужна не тебе. – Вадим сбросил маску недалекого крестьянина.

– Умница, возьми с полки пирожок.

– Пчелка, крылья поотрываю! Девушка, – парень повернулся к джипу, – Валентина случайно не ради вас распинаясь?

– Ради меня. Здравствуйте, меня зовут Ирина.

Пассажирка вышла из машины, оказавшись стройной женщиной с тонкой талией, высокой грудью и копной черных выющихся волос, обрамляющих миловидное аристократичное лицо, форма которого напоминала сердечко. Высокие скулы задавали тон, прямой носик и пухлые губки смягчали линию подбородка, но царствовали над всем зеленющие глазищи. Проснувшийся в парне знахарь возраст Ирины оценил в двадцать восемь – тридцать лет.

– Прошу в дом. Не будем говорить о делах на улице.

- Вы идите, – сказала Валя, – а я до своих прокачусь. Ирина Сергеевна, можно?
- Можно, – улыбнулась женщина, – я звякну, если что.

Женщина достала из салона объемистую спортивную сумку. Вадим, показав себя джентльменом, подхватил не такую уж тяжелую ношу.

- Прошу, – отворил он калитку. – Снежок, место! Проходите, он не укусит.
- Спасибо.

– Йес! Папаня обалдеет. Скажу, что джип мой. – Валентина забралась в машину. – Не скучай, Беленький!

- И тебе не чахнуть. Не застрянь, Шумахер.

– Не застряну! – Джип рванул с места, не замечая наметенных сугробов.

– Проходите. – Вадим взял гостью под локоток. – Не беспокойтесь, ничего с вашим джипом не случится.

- Я не беспокоюсь, – ответила Ирина, – меня удивляет другое.

– Что же, позвольте полюбопытствовать?

– Где Валя научилась ТАК водить машину? Не откроете секрета, а то она сама молчит, как партизан на допросе.

Вадим усмехнулся и почесал маковку, решая, говорить или нет. Потом подумал, что будет забавным ознакомить гостью с некоторыми моментами биографии своей боевой подруги.

- Вы, наверное, заметили, Ирина Сергеевна...

– Просто Ирина; когда вы величаете меня по отчеству, я чувствую себя старухой.

– Хорошо. – Вадим на всякий пожарный придержал рукой Снежка, ткнувшегося носом в бедро гостыи. – Пчелка... простите, Валя – натура увлекающаяся...

- Что-то есть такое.

– В десятом классе она проигралась в карты в пух и прах одному однокласснику. Играли на желание, а так как она сразу заявила, что никакого секса в картах не приемлет, то ей выставили условие – неприемлемое, как думали некоторые. Валентина должна была спереть у отца машину и проехать на ней вокруг Лысой сопки, а водить она, как вы понимаете, не умела. Дорога тоже не ахти, это еще ласково сказано.

- Жестokie у вашей молодежи шутки.

– Никто не ожидал от Пчелки геройских поступков, желание было из разряда невыполнимых, и все понимали это, однако Валька оказалась натурой не только увлекающейся, но и упертой. Она пошла к дядьке – брату отца. Выложила ему, как на духу, свое горе. Пошмыгала носом, похлопала ресницами и уломала родственничка устроить ей бесплатные курсы экстремального вождения. Две недели, втайне от жены и брата, тот учил племянницу водить машину на старом танковом полигоне. Обучение закончилось экзаменом – Пчелка угнала из гаража отцовский «уазик» и совершила, с точки зрения парней, невозможное. Если учесть, что она училась на «шишиге» и таком же «козлике», да на разбитой вусмерть трассе, то ее заезд вокруг сопки не представлял особых трудностей. Парни были посрамлены, Валька получила от отца горячих по мягкому месту, но с тех пор она отвозила и привозила батю с рыбалки. Туда, как вы понимаете, – чтобы узнать дорогу, обратно – потому что на рыбалку без водки не ездят. Как говорила сама Пчелка – это ее епитимья за то, что взяла без спросу отцовскую развалюху... Как я понимаю, всю дорогу рулила она? – Ирина кивнула. – Выходит, Пчелка отучилась на права, молодец. Как видите, никаких хитростей и загадок, просто после наших буераков и «козликов» любой сможет управлять заграничным «жеребцом».

– Весело тут у вас. Вы хорошо рассказываете, Вадим, я не ожидала от деревенского жителя... мм...

- Культуры речи?

– Да, словарный запас молодежи сейчас засорен словами-паразитами, мне буквально режут уши «типа» и «короче», вставляемые через слово. Выпускнице филологического факультета бывает несколько тяжело в современном мире.

– Великая вещь – воспитание! – Вадим поднял вверх указательный палец и заговорщицки подмигнул. – Его величие познаешь во всей полноте, когда оно подкрепляется дедовским ремнем и отлучением от сладкого. Старики у меня были из старой формации и прав ребенка не изучали, больше руководствуясь испытанными, домостроевскими методами. – Он демонстративно потер зад и соорудил страдальческую физиономию. Ирина звонко рассмеялась. – Что же мы стоим на пороге... Прошу. Гардеробная – слева. Предлагаю разогреться с дороги чайком со смородиновым и малиновым листом, потом перейдем к сути ваших проблем, – голосом профессора Преображенского добавил он, чем вызвал еще одну открытую улыбку.

А проблемы у Ирины были, настоящие и серьезные, в простонародье они назывались простым, коротким, но емким словом – рак. Болезнь выявили на ранней стадии, то есть она была вполне операбельна. Врачи советовали молодой женщине пройти курс химиотерапии. Одна из клиенток косметического салона госпожи Ланской, узнав от знакомых о горе хозяйки заведения, рекомендовала пару клиник в Израиле и Германии. В Герцилия Медикал Центр лечилась московская тетушка клиентки, а в Германии проходил курс реабилитационного лечения бизнес-партнер мужа. Оба отзывались о клиниках и лечении положительно. Если Ирина не хочет уезжать из России, то можно поискать хороших врачей и у нас.

Не то чтобы Ирина боялась границы – она боялась неизвестности и того, что дорогостоящее лечение окажется неэффективным. Ее успокаивали и говорили, что болезнь выявлена на ранней стадии, соответственно шансы на успех – самые что ни на есть реальные. Затягивать с решением не стоит, рак шуток и промедления не любит. Пока суд да дело, она продолжала работать, салоны красоты требовали постоянного догляда. Однажды она невольно подслушала разговор молодых сотрудниц одного из салонов, расположенных в центре города. В этом заведении у нее работали самые опытные девушки, обладавшие прекрасным вкусом и являвшиеся настоящими мастерицами своего дела. Ирина сама подбирала сотрудниц в ВИП-залы, подмечая перспективных девчат не только в своих заведениях, она ничуть не чуралась сманивать будущих работниц и работников у конкурентов. В зале было пустынно, накладки случаются у всех, выпало «окно» и у ее подчиненных. Девушки пили кофе, обсуждая вчерашние «Битвы экстрасенсов». Одна из них, слушая подруг, постоянно усмехалась, словно знала нечто такое, о чем не говорят и не показывают по телевизору. На вопрос товаров, почему она постоянно морщится, Валентина Пчелкина ответила в духе того, что есть у нее хорошо знакомый экстрасенс или колдун, тут уж кому как нравится, и он подобной фигней не занимается. Узнав, сколько деревенскому уникаму лет, девушки подняли Валентину на смех, в ответ та индифферентно пожала плечами, сказав, что ничего никому доказывать не собирается, а парень реально лечит людей. Одного товарища, к примеру, избавил от эпилепсии, попутно закодировав от пьянства и курения. Тут же всплыл сальный анекдот про кузнеца и его способ кодировки. Валя сдержанно посмеялась со всеми и отошла от подружек. Ирина неожиданно для себя заинтересовалась рассказом, после работы она пригласила Валентину к себе в кабинет и осторожно поинтересовалась у девушки, правду ли та говорила во время перерыва. Вызванная на откровенность сотрудница не стала отнекиваться от своих слов, повторно добавив, что не собирается никого ни в чем убеждать, а экстрасенса она знает, так как они одно время встречались. Валя не знает, каким любовником был Григорий Распутин, но все ее ухаеры в подметки не годятся Бельенкому... в смысле – Вадиму... в смысле... Слушая подчиненную, Ирина решила попробовать. Чем черт не шутит... А вдруг? Если разрекламированный девушкой колдун окажется шарлатаном или не сможет помочь, то всегда можно показаться западным специалистам. Время еще

есть. На поездку в Таежный она сама себе выделила три дня. Сказано – сделано, на следующий день, прихватив Валентину, она поехала в поселок колдуна.

Увидев молодого парня у ворот, она сначала пожалела о своем необдуманном решении, но, встретившись с ним взглядом, женщина уверовала в правдивость слов Валентины. Было во взгляде Вадима что-то такое, не поддающееся описанию. Потустороннее.

– Это оно? – после чаепития спросил он, указав на живот Ирины. – Красное пятно на матке заставило вас бросить бизнес и приехать ко мне?

Женщина вздрогнула всем телом. Для того чтобы окончательно увериться, ей хватило всего двух фраз, сказанных хозяином, с лица которого сползла юношеская маска, обнажив побитого жизнью мужчину со стальным стержнем внутри. Что-что, а такие тонкости Ирина улавливала четко. Ей всегда нравились сильные, волевые мужики.

– Да... – испугавшись, сдавленно пискнула она.

– Интересно... – Вадим вышел из-за стола, попросил ее встать, а сам опустился на колени, бесцеремонно задрал блузу и приложил горячую ладонь к плоскому женскому животику. – Интересно: словно чага на березе, только сидит внутри и пожирает здоровые участки. У вас рак?

– Д-да. – Язык отказывался повиноваться.

– Попробую вам помочь.

Странно, как всего три слова могут вселить надежду...

Вадим никогда не думал, что лечение будет настолько выматывать его и физически и психологически. Первый день он пытался подобрать ключик к опухоли, продолжавшей упорно игнорировать его усилия. Дело с мертвой точки сдвинулось на второй день, когда он догадался привлечь к решению задачи вторую сторону дара. На лечение уходило от силы два часа в день, потом он просто падал от усталости, настраиваться на чужую энергетику оказалось нелегким делом. Чтобы ненароком не убить Ирину, он действовал с максимальной осторожностью, умерщвляя клетки опухоли и отделяя их от здоровых зон. Дальше организм должен был сам вывести ненужный материал из себя. Долгая и нудная работа; вторая сторона дара оказалась хорошим орудием разрушения, строить с помощью которого было невероятно тяжело. Всего ему понадобилось пять дней.

Валентина ежедневно, по несколько раз, навещала «берлогу» младшего Белова и проводывала выздоравливающую хозяйку. На третий день Вадим проспал утреннюю дойку, так как Валя и ночью проведала его. Следующим вечером они легли пораньше, хотя уснули ближе к утру. Корову он подоил вовремя, но до обеда отказался воспринимать действительность. И откуда ночью силы брались? Ирина изредка хихикала, бросая веселые взгляды на квелоного «доктора» и довольную Валентину, напоминавшую кошку, съевшую кринку сметаны.

Вечером пятого дня он сообщил, что сделал все возможное. Смысла торчать женщинам в Таежном, как бы ему ни хотелось обратного, больше нет. Для подтверждения результатов необходимо обратиться в больницу и сдать полагающиеся анализы. Радости пациентки не было предела. Отъезд был намечен на полдень субботы.

Утром Вадим шлепнул Пчелку по аппетитной пятой точке, отправив ее в магазин за хлебом и печеньем. Недолго думая та прыгнула в джип и упорхнула.

– Наши люди в булочную на такси не ездят, – высказалась Ирина.

Заслышав через открытую форточку звуки автомобильного движка, Вадим вышел на порог встретить возвращающуюся из «шоп-тура» девушку, но вместо «крузак» Ирины к воротам подкатили два джипа с амурскими номерами. Захлопали дверцы, из первой машины вышли четверо парней с цепкими взглядами киллеров или профессиональных телохранителей, что иногда одно и то же. Любой, глядя на них, мог с полной уверенностью сказать, что остроглазая четверка принадлежит к серьезной организации, хотя и не относящейся к государствен-

ным структурам. Хлопнув водительской дверцей второй иномарки, на свет божий выбрался шрамоносец, которого Вадим отправил восвояси неделю назад...

– Принимай гостей, хозяин!

– От таких гостей мясо слезет с костей... – прошипел Вадим.

Востроглазая четверка лениво подперла задами джип, на котором прикатила в Таежный, всем своим видом показывая, что их здесь нет, а то, что отражается в глазном хрусталике смотрящего на них, это плод воспаленного воображения. Один из стриженных парней как бы невзначай распахнул полу дорогого пиджака из английского сукна, на мгновение мелькнули ремни плечевой кобуры, солнечный зайчик отразился от вороненого металла вложенного в нее пистолета. Вроде нечаянный жест, но Вадим умел понимать намеки. Только что его ненавязчиво предупредили, что упакованная компания не любит и не понимает шуток, а в чести у братушек серьезные разговоры. Белов перевел взгляд на довольно ухмыляющегося шрамоносца. Незванный гость из соседнего региона, ощущая за спиной поддержку хватких парней, мог позволить себе ухмылку:

– Хозяин, невежливо держать гостей на пороге!

– Невежливо приезжать без приглашения, – парировал Вадим.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – беспечно отмахнулся амурчанин. – Может, пригласишь? Разговор есть. Не для лишних ушей, лучше перетереть в доме.

Вадим скептически оглядел залетного гостя, хмыкнул и открыл калитку. Пока никаких претензий ему не предъявили, явных понтов никто не крутил... может, и обойдется, но лучше ухо держать остро.

– Проходи, коли так, – сказал он, придержав лающего Снежка за ошейник.

Еще один черный камушек на оценочные веса гостя. Собаки чувствуют людей. Когда к молодому знахарю приехала Ирина, пес лишь пару раз вяло махнул хвостом, обнюхал женщину, ткнулся носом в бедро и отошел. Через день хабаровчанка была признана хвостатым сторожем за свою, ей позволялось почесать его за ушами и погладить по голове. Сейчас же, не придержи его хозяин, кобель порвал бы чужака. Открывая дверь в сени, Вадим подумал, что сглупил: не стоило амурчанину, который так и не сделал ни одной попытки представиться, знать о госте. Оставалось надеяться, что Ирина поймет ситуацию правильно и отсидится в бывшей спальне стариков.

Слава богу, Ирина не первый год занималась бизнесом, научившись разбираться в тонких нюансах. Разглядев в окно незваных гостей и топающего по дорожке за Вадимом мужчину, она быстро собрала со стола в гостиной косметику, подхватила со спинки стула халат и скрылась в выделенных ей апартаментах, на намечающихся переговорах она явно была лишней.

Войдя в дом, гость потянул носом, уловив запах дорогих женских духов, скорее всего произведенных в стране, накрытой тенью Эйфелевой башни. Рейтинг хозяина в его глазах моментально вырос на пару пунктов. Подруга, пользующаяся продукцией французских парфюмеров, наверняка знает себе цену и отличается от деревенских доярок, как сто баксов от родного «деревянного тугрика». Да и колдун не производит впечатление аскета. Гость по себе помнил, как в восемнадцать лет он не мог спокойно пройти мимо ни одной юбки: гормоны бурлили так, что их излишки из ушей перли, а тут – колдун... Потерев шею в защитном жесте, амурчанин незаметно оскалится: парнишка любую пальцем поманит, придушит, такой уламывать не будет – шибанет по мозгам, и баба сама под него ляжет. Притягательный аромат духов говорил, что знахарь к тому же личность эстетствующая.

– Я вас слушаю. – Вадиму не нравилось выражение и тень порока, промелькнувшая на лице выходца из криминальных структур; он решил как можно быстрее закруглить разговор. – Что такого вы хотели мне предложить, о чем нельзя говорить на улице? Присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Это ты точно заметил, – сказал гость, отодвинув от стола стул с высокой спинкой и устраивая на нем зад; в его словах явственно сквозил второй смысл, папахивающий давнишними криминальными разборками. Поставив локти на стол и сцепив пальцы в замок, он пристально посмотрел на Вадима. Парень усилием воли абстрагировался от буравящего взгляда, как бы показывая собеседнику, что игра в гляделки – не самый лучший вариант беседы, да и бесполезно пытаться проткнуть хозяина взглядом, он сам может не хуже, если не лучше.

– Хорошо, малый, – сказал шрамоносец, которого покорило, что ему без слов указали на его место. – Серьезные люди хотели бы предложить тебе работу...

Речь шрамоносца сводилась к тому, что знахарю не стали предъявлять претензий за нападение на конкретного пацана, то бишь на него, так как серьезные люди, к вящей радости знахаря, оценили умения последнего и предлагают поднять с земли нехилое бабло. Вадиму предлагается высокооплачиваемая работа в солидной фирме, он будет числиться каким-нибудь аналитиком или «писарем», но заниматься ему придется по природному профилю. Фирма гарантирует благоустроенную жилплощадь в Благовещенске, железобетонную «крышу», рекламу, прикрытие от закона и других криминальных структур, если таковые проявят к юному уникаму интерес. Дабы не растрачивать талант попусту, лечить он будет только тех, на кого ему укажут пальцем. Конечно, не без благотворительных акций, тут никуда не деться, хороший пиар никому не помешает, тем паче – компании, обласканной властными структурами... Это были пирожки с повидлом, теперь будут с ливером и печенью. Серьезным людям импонируют его умения лекаря, но вторая сторона таланта понравилась больше. Работа по второму «профилю» будет оплачиваться по отдельной сетке... Думайте, молодой человек, ваше будущее зависит от того решения, которое вы примете сейчас. Неназываемые «благодетели» в лице шрамоносца были откровенны перед вами и выложили на стол все козыри. Лучше предложений просто не будет: те же люди приложат все усилия, чтобы талант молодого человека не достался конкурентам. Нет-нет, никто убивать его не будет, но ведь есть и другие способы добиться нужного результата, правда? На этих словах амурчанин улыбнулся. Его улыбка напоминала оскал большой белой акулы из кинофильма «Челюсти»: щелк! – и окровавленная жертва утянута на дно и растерзана морской хищницей. Перед вами, молодой человек, поставили колодец, из которого можно напиться, в него же можно плюнуть. Не ошибитесь.

Ничем не показав, что его как-то заинтересовали слова «вербовщика» (что того непередаваемо нервировало), Вадим, опершись лопатками на спинку стула, задумался. М-да, веселые и радужные перспективы... куда ни кинь – всюду клин. То-то гость так доволен собой... видимо, браток живет по принципу: сделал гадость – сердцу радость. Хороший принцип, жизнеутверждающий.

Судя по настрою гостя, отказ его очень обидит. Серьезные люди, делегировавшие его, не любят, когда им отказывают, но и соглашаться на «работу» нельзя. Принять предложение шрамоносца значило напялить на себя ярмо и ошейник. Пусть прутья клетки будут сделаны из золота, все равно это клетка, а ограничивать рамки своей свободы Вадим не горел желанием. Пусть он на всю жизнь пропишется в деревне, но гробить дар и душу по указке «крестных отцов» он не намерен. В то же время перед ним четко описали перспективы и прямо наметнули, что правоохранительные органы куплены с потрохами, дергаться не стоит, никто ему не поверит. Мало того – поверят как раз другим людям. С другой стороны, попади он в лапки официальных госструктур – вряд ли ему предложат занятие по другому «профилю». Все они одним миром мазаны.

Покумекав на разные лады, Белов-младший решил отказаться от заманчивого предложения, но сделать это в мягкой форме: так, чтобы у «вербовщика» осталась иллюзия в будущем получить согласие строптивного рекрута. Пока «серьезные люди» созреют до нового захода, успеет немало воды утечь, и любое их предложение потеряет актуальность.

– Предложение заманчивое, но пока вынужден отказаться от него. С моей стороны будет верхом неразумности дергаться куда-то, не закончив стадию ученичества, – резюмировал Вадим, дополнительно подпустив туману со знахарской учебой. Шрамоносец скривился. Пусть боссы поломают мозги над загадкой несуществующего наставника, для полноты картины стоит подкинуть тематику торга к полученным предложениям «работы»:

– Мы могли бы вернуться к обсуждению, когда я завершу обучение, но сразу оговорюсь: я не согласен с тем, что мне будут тыкать пальцем, кого я должен лечить. Дар невозможно загнать в жесткие рамки, так что это требование однозначно невыполнимо. По второму вопросу... по нему я буду говорить не с вами, а с тем, кто принимает решения.

– Ты, малой, хорошо подумал? Не спеши с ответом, – повторил присказку гость.

– Подумал я хорошо, – ответил Вадим, прислушиваясь к доносящемуся с улицы шуму.

– Руки убрал, быстро, кобель! – Не узнать звонкий голос Валентины было невозможно, как и веселый гогот четырех луженых глоток.

Что сказал девушке кто-то из стриженных затылков, как и отклик Пчелки, Вадим не слышал, но, видимо, бодигардам сильно не понравились слова стоязыкой и быстрой на ответ подруги знахаря, так как наступившую мимолетную тишину нарушил гневный выкрик:

– Ты че сказала, сучка? Лярва ох...

Бросив на гостя злой взгляд, Вадим выскочил из-за стола и рванул на улицу. Забытый хозяином амурчанин вышел следом. Острая на язык и не признающая в родном поселке авторитетов Пчелка, по незнанию, а не по женской глупости могла наворотить делов, что, похоже, и произошло.

Один из пришлых «кабанов», схватив громадной лапищей девушку за подбородок, прижал ее к джипу. Валя попробовала пнуть ухаля между ног, но тот подставил бедро, и удар прошел впустую. Перепуганная девушка судорожно засучила ногами, она совершенно не ожидала, что в родном поселке, в котором ее знает распоследняя блохастая псина, с ней может произойти нечто подобное, и словесная перепалка, начавшаяся с болючего щипка за попку, закончится таким образом.

– Руки убрал! – прорычал Вадим, выбежав за ворота. Никому не позволено причинять боль его близким. От одного взгляда на перепуганную до смерти Пчелку он почувствовал, как в груди поднимается темная волна.

– Че?

«Кабан», держащий Валю, словно в замедленном кино, повернул голову и уставился на Вадима налитыми кровью глазами. В следующее мгновение парень выпустил рвущуюся из него тьму. Бодигард отпустил девушку, захрипел, выпучил глаза и рухнул на грязный снег, его товарищи, не будь дураками, потянулись за оружием. Зря они обозначили свои намерения... Стороннему наблюдателю могло показаться, что три далеко не мелких мужика одновременно получили мощные удары под дых: их лица изобразили крайнюю степень удивления, губы сложились в буквы «О», из глаз покатались слезы.

– Белый, сзади! – крикнула Валя.

Занятый четверкой, Вадим совершенно забыл об оставленном за спиной шрамоносце, за что тут же поплатился. Отреагировав на крик, он успел повернуться лицом к новому источнику опасности, чтобы нарваться на прямой удар в челюсть. Из глаз знахаря выстрелили снопы искр, только что птички вокруг головы не зачирикали. Второй удар выбил почву из-под ног и отправил его в нокаут. Видя, как уделывают его люди, гость из Благовещенска не остался в стороне.

Упав в грязь, Вадим некоторое время пребывал в прострации. Когда в голове немного прояснилось, а в глазах перестали летать мириады мушек, перед его лицом нарисовался ботинок с рифленой подошвой. Руки выстрелили вперед, перехватив ногу пинающего почти у самого носа. Крутнуть ступню не получилось, от сильного удара по почкам Вадим выпустил ногу шрамоносца, к которому на помощь подоспел очухавшийся «кабан», гонимый жадой

мщения за то унижение и животный страх, которые он испытал несколько мгновений назад. Второй удар ноги пришелся в живот. Бандиты что-то кричали ему, но он их не слышал, гулкий шум в ушах надежно блокировал внешние звуки. Белов, закрывая внутренние органы от повреждения, сложился в позу эмбриона, в его голове крутились различные проклятия на головы бодигардов и безымянного шрамоносца, но после трех следующих пинков ударов больше не последовало. Парень не видел, как через соседский забор посыпались иркутяне с ломиками и дрынами наперевес, в первых рядах подоспевшей подмоги бежал Степан Загоруйко. Бригадир атакующих держался немного позади, прижимая к плечу приклад триста восьмой «Сайги», а из ворот дома напротив вышла тетка Лариса с мужниной двустволкой в руках. Залетные ухари моментально попрыгали по машинам. Взревев двигателями, внедорожники сорвались с места и быстро скрылись за поворотом.

Подбежав к Вадиму, иркутяне подхватили его на руки и занесли в дом, где командование взяла на себя Ирина. Белова быстро раздели и, не слушая возражений, мокрыми полотенцами оттерли от грязи. К наливающимся синякам приложили пакетики со льдом, который наковыряли в ручье.

– Беленький, ты как? – склонилась над ним Валентина.

– Жить буду, но недолго, – отшутился Вадим, сглатывая солоную кровь из прикушенной правой щеки и прокушенного языка и чувствуя, как наливается бланш под левым глазом.

– Я так понимаю, что предложения работодателя о высокой зарплате аннулированы, – глядя правым глазом на Ирину, слышавшую весь разговор, сказал он.

– Возможно, – дипломатично ответила женщина. – Я не поняла: что произошло на улице?

– Ребятам не понравилось жужжание Пчелки, я за нее заступился доступными мне методами, но не учел того, что нельзя оставлять врага за спиной.

– Да, Вадим Михайлович, умеете вы находить приключения на задницу и другие части тела, причем на ровном месте, – скрипнув ножками стула по полу, сказал бригадир иркутян Фомин, заняв место, на котором недавно восседал незванный гость из Амурской области. Услышав тираду Фомина, Валя густо покраснела, ведь это из-за нее Беленькому досталось на орехи.

– Не я такой, жизнь такая.

– Жизнь... – проворчал Фомин. – Как бы они ни вернулись закончить базар за жизнь. Худо тебе будет.

– Ничего, – отмахнулся Вадим, – отобьемся с божьей помощью. Бог не выдаст, свинья не съест. В следующий раз умнее буду. И, да: спасибо, выручили!

– Спасибо скажи тетке Ларисе, вот бой-баба, с ружьем на улицу выскочила...

– Скажу.

– Спасибо на хлеб не намажешь; что делать будешь, если они вернуться? – задал живо-трепещущий вопрос Фомин.

– Не если, а когда, – внес ясность Вадим.

– Когда? – В глазах Вали мелькнул испуг, она до сих пор то и дело принималась трястись мелкой дрожью, переживая прошедшие события.

– Думаю, скоро. Базар у нас будет серьезный, но на моих условиях.

– С чего ты так решил? – задала за всех вопрос Ирина.

– Не знаю чем, не знаю как, но я шарахнул по уродам проклятием, чтобы у них сфинктеры не держали. От всей души приложил, – слабо улыбнувшись, сообщил Вадим.

– Сурово! – тоже с улыбкой сказал Фомин. – Да, Вадим Михайлович, страшно быть твоим врагом. Вечером лег спать нормальным, а утром проснулся со вторым же... инструментом на лбу. Но знаешь, этих мужиков не жалко, они свое честно заработали. Мне кажется, что они вряд ли найдут бабку, которая освободила бы их от твоего подарочка, так что покупай освежитель воздуха и жди гостей.

Иланта. Великий Лес

Элиэль, дочь бывшего владыки Ратэля

Элиэль активировала сторожевую паутинку, осмотрелась вокруг, отмечая каждый валун, куст и широкий лист лопуха, задержала взгляд на колдующем у костерка Ируэле, шагнула в заросли широколистного трубника и скинула с себя мужского покроя одежду.

– Брр, – зябко поежилась молодая эльфийка, сунув ножку в заводь.

Да, горные речки южных пределов Великого Леса – это вам не горячие источники родного Медового урочища, в которых можно было нежиться часами, наслаждаясь массажем головы. Сильные пальцы Тивизель одинаково хорошо разминали мышцы плеч и нежно касались затылка, легкими касаниями пробегались от висков до основания шеи. От умелых рук служанки все тело покрывалось мурашками наслаждения, а не бледно-синими пупырышками, которые порождались ледяным дыханием прозрачной воды, стекающей с отрогов Северных Скалистых гор.

Элиэль вздохнула, зачерпнула из холщового мешочка добрую порцию мыльного порошка и решительно вошла в обжигающе-холодную воду. Окунувшись с головой, она быстро намылилась. Пальцы девушки на мгновение остановились на голове: мимолетный миг грусти и сожаления об оставшихся в прошлом прическах и длинных, до попы, шелковистых волосах – и руки остервенело взлохматили коротко стриженную шевелюру. Прочь сожаления, прочь... Потерять волосы не так страшно, как потерять голову. Придет время, и она отрастит косу. Только когда оно придет?..

От прозвучавшего громкого щелчка Элиэль дернулась и вторично нырнула с головой, в следующий миг гибкая девичья фигура, взметнув фонтан брызг, была на песчаном пятачке, в руках у девушки поблескивали благородной сталью узкие ножи. Любой видящий маг смог бы разглядеть несколько боевых плетений, готовых сорваться в атаку. Даже купаясь, эльфийка не снимала с голеней специальных перевязей, в которых скрывалась пара узких ножей, любовно отточенных до бритвенной остроты, и несколько защитных амулетов. В любом состоянии девушка держала наготове три-четыре плетения, для активации которых достаточно было вставить ключевую руну. Парадокс: эльфийка не стеснялась обнажаться, но без оружия чувствовала себя бесстыдно голой. Годы вынужденных скитаний, последовавшие за смертью отца, научили ее одному немаловажному правилу – всегда быть во всеоружии. За два года Элиэль научилась убивать и отучилась краснеть и закрывать руками свои прелести. Ируэль накрепко вбил в ее прекрасную головку инстинкты воина, который первым делом хватается за клинок и активирует магический щит, а не стыдливо прячет груди. Наставник, ставший для девушки настоящим отцом, говорил, что врага иногда полезно ошеломить аппетитными полушариями с острыми бугорками сосков, после чего можно смело выкалывать похотливые зенки, ведь мужчины, будь они орками, людьми или эльфами, чаще всего не ожидают никаких действий от женщины, застигнутой неглиже. Таким образом преимущество оказывается не у сильного мужика, а, казалось бы, слабой дамы. Главное – правильно им распорядиться и первой ткнуть ножом или заклинанием.

– Спокойно, Эль, – невозмутимо сказал Ируэль, флегматично рассматривая разбросанные по поляне дымящиеся ветки.

– Что произошло?

Резкое движение ножкой – и подброшенная перевязь с узким клинком влетает в руку девушки. Движения настолько быстрые, что неподготовленный человек вряд ли разглядел бы момент, когда из руки, завладевшей облегченным мечом, исчез нож.

– Земляной орех, Тарг его задери...

– Понятно, – ухмыльнулась эльфийка.

Наставник умудрился развести костер над земляным орехом, скрытым тонким слоем почвы. Был бы тот зрелым, ничего бы не произошло. Сердцевина спелого ореха, спрятанная под толстой скорлупой, напоминает сливочное масло, от жара зрелый плод просто трескается; а вот зеленый, заполненный сладковатым, приятным на вкус молочком, превращается в маленький котел, закрытый плотной крышкой. Иногда котел дает трещину и лопается, иногда взрывается. В этот раз произошло второе.

– Ты или домывайся, или облачайся. Или ждешь, когда комары ягодицы облюбуют? – язвительно сказал Ируэль.

На высказывание наставника девушка презрительно фыркнула, пара мгновений – и только колышущиеся толстые листья трубника напоминали о том, что кроме хмурого эльфа на поляне был еще кто-то.

Ируэль тщательно просканировал грунт под ногами, проверяя его на сокрытые сюрпризы; не хотелось бы вторично выглядеть растяпой, то-то Эль посмеется! Мол, сколько выговаривал, а сам хуже первогодка, топающего в лесу, как стадо барлов во время гона. Надо же так по-детски лопухнуться... Эльф недовольно качнул головой, потер уродливые шрамы на левой половине лица и, призвав заклинанием раскиданные по поляне головешки, устроил новое кострище меж выступающих корней старого дуба, который занимал ближний к реке край поляны. На месте бывшего кострища уже всюду пробивалась молодая зеленая травка, свежее пятно которой ярко выделялось на фоне чуть подвядшей летней зелени. Пройдет несколько часов, магия развеется, и ни один следопыт не сможет отличить молодую былинку от старой. От места, где когда-то полыхал костерок, не останется и следа.

Пока Элиэль мылась, Ируэль освежевал подстреленного ученицей час назад жирного зайца, натер тушку смесью специй, чуть подсоллил и насадил на толстый прут. Через минуту у костра в землю были вбиты две рогулины, и ужин занял положенное ему место над раскаленными углями. Вскоре над поляной поплыл вышибающий слюнки аромат зайчатины. Казалось, что эльф целиком и полностью погрузился в приготовление пищи, подкидывает в костер ветки, выгребая из него палкой горячие угли и подкладывая их под пекущееся мясо, но открывшаяся постороннему взгляду картина не соответствовала бы истине. Кашевар внимательно следил и за охранной паутиной, и за юной эльфийкой, которая после купания простирнула одежду, переоделась в сухой запасной комплект и теперь, устанавливая сторожевые маячки и настраивая для незваных гостей, буде такие, нехорошие ловушки, ходила широкими кругами вокруг лагеря.

– Какой аромат! – раздалось в какой-то момент за спиной, и острый кинжал кольнул эльфа между лопаток. – Умираю с голоду.

Ируэлю стоило больших усилий сохранить маску невозмутимости. Оставив вместо себя фантома и незаметно накрывшись пологам, воспитанница застала его врасплох. Что ж, ему стоит похвалить их обоих: Элиэль оказалась прекрасной ученицей, а он – отличным наставником. Девушка с блеском усваивала преподаваемую науку; если так пойдет и дальше, то скоро ему нечего будет передавать воспитаннице. Дальнейшими наставниками девушки станут опытные и набитые от собственных ошибок шишки.

– Очень хорошо, поздравляю!

– Спасибо, наставник, – улыбнулась Элиэль, радостная оттого, что ей наконец-то удалось перехитрить учителя.

– В следующий раз добавь в мыльный порошок больше толченого корня белолита – тебе надо лучше скрадывать запах. У меня не волчий нос, но запах фиалок я почувствовал за три метра, – выкрутился Ируэль, плеснув добрую ложку дегтя в бочку меда.

Улыбка сошла с лица эльфийки, как сходит прошлогодний снег на горных склонах. Жестоко? Да, но только так можно заставить ученицу держать себя в постоянном тонусе и непрерывно совершенствоваться.

– Наставник, я когда-нибудь смогу вас превзойти?

– Сможешь, – улыбнулся Ируэль, – первый шаг ты сделала. Должен сказать – очень хороший шаг. Действуй в том же духе, и ты превзойдешь меня, – добавил он, памятуя о том, что ученик (в его случае – ученица) должен видеть планку, которую желает достичь. Нельзя, чтобы он разуверился в собственных силах. В наставничестве для достижения результата похвальба и порицание должны уравнивать друг друга.

– Садись кушать, – сказал эльф, ткнув острой палочкой в пропеченный бок зайца.

– Божественно! – обгрызая с задней лапы румяную корочку, Элиэль довольно щурился глазами. – Почему у меня не получается так вкусно?

– Благодарствую. Что я могу сказать... приготовление пищи – это тот секрет, который нельзя передать; либо ты умеешь готовить, либо нет. Этому нет рационального объяснения. Тут нужна душа.

– И заяц.

– И заяц; да только зайчик, приготовленный без души, по вкусу будет не слаще конского яблока. Любое дело спорится, если к нему с душой подойти. Доедай и ложись спать, нам надо выйти до восхода.

– Почему они его убили? Наставник, почему?

Ируэль, откинув плащ, приподнялся на локте и посмотрел на дочь владыки Ратэля. Бывшего владыки... Небольшие язычки пламени, мелькавшие между расклиненными бревнышками, давали немного света, но их было достаточно, чтобы разглядеть кроваво-красные отблески в глазах Элиэль и лихорадочный румянец на ее щеках. Сколько раз она задавала ему этот вопрос? Сто? Двести? Ируэль перевернулся на спину, направив взор в звездное небо, которое иногда перечеркивали красные искры, отрывающиеся от танцующих язычков пламени.

– Страх и власть. Их гнал страх потерять власть. Они не так испугались драконов, как боялись потерять власть. Твоего отца назначили виновным во всех поражениях, к тому же он неосторожно показал, что у него достаточно сил и влияния, чтобы избавиться от опеки Совета владык – вот этого ему не могли простить. Стая мелких шакалов может растерзать пещерного волка. Владыки набросились на Ратэля, как бешеная стая, им нужна была голова на кол, чтобы показать ее драконам. Лианам-убийцам без разницы, кого душишь...

– Но почему, он ведь мог...

– Мог, но тогда бы на поверхность выплыли бумаги хельратов, которые перехватил владыка Гитаэль. Не знаю, почему, но «измененные», которые координировали разведку в Тантре, предали твоего отца. Бойня на школьном полигоне и компрометирующие бумаги – это звенья одной цепи.

– Они все равно выплыли, и мы два года бегаем от ищеек владык.

– Выплыли, но мы получили фору и успели покинуть Лес. Отец спасал тебя.

– Если бы он не связался с этими тварями, то не пришлось бы никого спасать и, глядишь, сам бы жив остался!

– Если бы он не связался с хельратами, то у него бы не родилась неблагодарная дочь, которая корчит из себя обиженного ребенка! Не смей твякать на память предков!

– Как? – Элиэль вскочила со скатки. Прозвучавшее в ее голосе удивление можно было резать ножом. – Почему мне раньше об этом не говорили?

– Твой отец и мать очень хотели детей... – глухо, под нос, произнес Ируэль, поняв, что в запале проболтался и одновременно ощущая острое чувство вины и странного облегчения. Несколько десятилетий хранить в себе тайну оказалось очень тяжело. Эльф незаметно пожал плечами: может, он не сдержался оттого, что давно хотел раскрыть секрет, а тут такой случай и возможность?

– При чем здесь хельраты?

– Слуги Смерти продали твоему отцу снадобья из крови и плоти дракона. Мириэль полгода пила настойки, только тогда она смогла понести...

– Близнецы всемогущие... – пораженно выдохнула эльфийка. – Я... я... у меня...

– Да, в твоих венах есть частица драконьей крови. Ты пахнешь цветами... фиалками... Ни люди, ни эльфы не пахнут цветами. Теперь ты знаешь, откуда произрастают корни ненависти некоторых владык.

– Я – дракон?

– Нет, конечно. Мы проверяли. Ты – эльф, чистокровный эльф, но с некоторыми специфическими изменениями. К примеру, магически и физически ты сильнее обычных эльфов.

– Почему ты раньше ничего мне не говорил? – Похоже, что сегодняшней ночью это был самый популярный вопрос.

– Подумай и скажи: что-нибудь изменилось бы?

– Пожалуй, нет, – после недолгого раздумья ответила Элиэль.

– Ты сама ответила на свой вопрос. А теперь не соблаговолишь ли принять горизонтальное положение и не стоять надо мной мрачной тенью? Не забывай: нам завтра... точнее – уже сегодня, рано вставать. Спи!

Элиэль плюхнулась на скатку и завернулась в плащ.

– Какие у вас, наставник, планы на завтра?

– Близнецы всемогущие! – взмолился Ируэль. – Пойдем в ближайшую деревню с портальной площадкой.

– Зачем?

– Спрячемся в Ортене.

– В Ортене?

– В Ортене! СПИ УЖЕ! Не трясись.

– Вам легко говорить, наставник... вы не успели наследить в Ортене.

– С чего ты взяла? Наследить я успел. Да только за четыреста лет Хель прибрала в свои чертоги тех, кто мог бы меня узнать. Тебе тоже не стоит понапрасну беспокоиться.

– Вы думаете? – В голосе Элиэль язвительность перемешалась с ядом. – Я достаточно потопталась по великосветским салонам и успела посетить множество званных приемов. Не думаю, что ортенская аристократия страдает плохой памятью на лица. Спрятаться за иллюзией не получится, гильдейские маги сразу зададутся ненужными вопросами.

Ируэль, слушая воспитанницу, согласно кивал головой, вставляя «агакающие» междометия, на последних словах он создал две ростовые иллюзии и развернул к ним эльфийку:

– Найди десять отличий.

Элиэль уже хотела сказать наставнику пару «ласковых» слов, но они застряли у нее в горле. Напротив нее стояли две призрачные девушки. И обе были ею, с той лишь разницей, что иллюзорных красавиц разделяла пропасть в два года. Призраки отличались как небо и земля. Если левую девушку можно было сравнить с прекрасной ланью, то к правой больше подходил эпитет настороженной хищницы. Глядя на первое изображение, создавалось впечатление тепличного цветка и неземной хрупкости. Изнеженного создания, привыкшего к поклонению и мягкой перине дворцовых апартаментов. Второй призрак был наемницей, сроднившейся с физическими нагрузками. Меч и кинжал в руках эльфийки, облаченной в кожаный костюм и нательную рубаху мужского покроя, смотрелись совершенно естественно. Короткая стрижка, мозоли на руках, за спиной – плащ, которым воительница привыкла укрываться, лежа на земле. Изменились черты лица: милый взгляду овал сменился заострившимся подбородком. Если левая иллюзия взидала на мир широко открытыми глазами, то правая глядела на эльфов прищуриваясь, оценивая степень грозящей ей опасности. Лань и пантера. Нет, девушки не были похожи. Обе принадлежали к расе эльфов. Были высоки и прекрасны, насколько могут быть прекрасны эльфийские женщины, но на этом сходство заканчивалось.

– Прошу прощения, Учитель. Вы, как всегда, правы. Вряд ли в Ортене кто-либо знаком с беглой наемницей из Светлого Леса.

– Я уверен: аристократы и те, кто имел честь быть представленным эльфийской принцессе, по-прежнему пребывают в плену стереотипов и даже представить себе не могут, что изнеженная красавица уступила место лесной волчице, но! – Ируэль поднял вверх указательный палец. – Нам ни в коем случае нельзя расслабляться и терять бдительность.

Шагая по лесной тропе к большому торговому поселку на границе Великого Леса и Тоира, эльфы еще долго обсуждали легенду, уточняли различные мелочи и согласовывали нюансы. Общий план был хорош, но Тарг прячется в мелочах. На душе спокойней, когда ты догадываешься, где расположены острые углы, и можешь их обойти.

Когда солнечный диск начал восхождение на вершины вздымающихся на востоке гор, Ируэль знаком приказал воспитаннице остановиться и протянул ей длинный белый шнур.

– Почти пришли, – сказал эльф. – Наложь на меч узел мира и скрой ножи. Нам не нужны неприятности.

Элиэль молча оплела шнуром оголовье клинка и завязала узел, который не давал извлечь меч из ножен. Через несколько минут ходьбы до путников донесся переливчатый звук рожка пастуха, собиравшего скотину на пастбище. Тропа еще три раза вильнула и ковровой дорожкой застелилась по межам с рожью и пшеницей, упираясь в крепкий тын пограничного селения, за которым вырастали островерхие крыши домов и поблескивали порталные стелы.

– О чем задумалась? – неожиданно спросил Ируэль.

– Да думаю, много ли с нас маги сдерут за портал до Ортена.

– Сколько-то заплатить придется, но не больше денег.

– Собирайся! – Наставник, забыв о манерах, ввалился в комнату Элиэль.

Девушка как раз перебирала обновленный гардероб. За сутки пребывания во втором по значению городе королевства Тантра она успела прошвырнуться на торг и пробежаться по лавкам и оружейным рядам, прибарахлившись несколькими рубашками, парой мягких сапог и двумя десятками швырковых ножей, крепившихся на специальной перевязи, которая вешалась на грудь. Надежды увидеть и приобрести миуровские ганнеры не оправдались. В открытой продаже изделий хвостатых мастеров не наблюдалось. Вполне возможно, что оружие можно было купить за большие деньги на черном рынке. Большие деньги могут многое, они открывают ворота осажденных городов, но выходов на подпольных торговцев эльфы не имели...

Собираться? Можно и собраться. Элиэль давно не задавала глупых вопросов: если наставник сказал собираться – значит, так надо. Как всегда, позже он объяснит причины спешки, а пока лучше молчать в тряпочку и не препираться. Сказано – сделано. Побросав тряпки в походную суму и подхватив меч, она вышла в коридор, в конце которого ее ждал воспитатель. Кинув корчмарю монету номиналом в десять серебряных звондов, Ируэль попросил придержать их номера до утра. Всяко бывает. Вдруг найм не сложится – не хотелось бы терять номера в таком приятном заведении. Хозяин заверил, что постояльцы могут не беспокоиться, и пожелал им удачи.

Элиэль молча шагала за наставником. Улицы Подола были запружены людьми, возвращающимися домой с мануфактур. Звонкими стайками носились дети. Степенно прогуливались, ожидая мужей, мамы с младенцами на руках. И никому не было дела до двух эльфов, целеустремленно идущих по собственным нуждам. Девушка еще вчера отметила, что в городе полно эльфов, орков и полукровок и никого это не удивляет. Представители разных рас мирно уживаются друг с другом и сквозь пальцы смотрят на смешанные браки. Горожане доброжелательно отнеслись к пришельцам с Нелиты и серым оркам, которые плечом к плечу с королевскими воинами, стражей и ополченцами стояли на стенах города, обороняя его от орды «зеленых» и армии Светлого Леса.

– Не отставай, – бросил Ируэль через плечо.

Девушка прибавила шаг:

– Наставник, куда мы идем?

– Уже пришли.

Эльфийка остановилась чуть позади старшего товарища, подозрительно осматривая вывеску волонтерской конторы.

– Вы уверены, что мы правильно пришли?

– Более чем! – ответил Ируэль, отворяя тяжелую дубовую дверь заведения. – Мой источник сообщил, что агенты тайной канцелярии набирают магов для работы в другом мире. Годичный контракт, полный пансион и сохранение инкогнито. Год в другом мире – то, что нам нужно, а если за это еще и заплатят...

Иланта. Южные Скалистые горы – Земля. Россия Элиэль

Элиэль устало опустилась на кровать, приятно пахнувшую свежими простынями. Сил совершенно не осталось. Мутным взглядом оглядев комнату, эльфийка остановила взор на фене, который остался лежать на столе. Девушка коснулась пальцами влажных после душа волос.

«Высушу утром», – подумала она и подрубленным деревом рухнула на подушку. Уснула она быстрее, чем щека коснулась прохладной ткани наволочки.

Три месяца прошло с того памятного дня, как два беглеца переступили порог волонтерской конторы в Ортене. Надежда наставника, что им повезет и они сойдут со следа ищеек владык Светлого Леса, оправдалась на все сто процентов, и даже сверх того.

Ни наставник, ни она не предполагали, на что согласились, подписывая контракты наемников, стандартные по виду и по содержанию.

Смутное беспокойство в правильности выбранного пути Элиэль ощутила, когда им предложили пройти в соседнее помещение для собеседования с агентом тайной канцелярии. В отличие от воспитанницы, Ируэль ожидал подобного оборота дел и ничуть не беспокоился. Легенда и прикрытия у них надежные... Работа в другом мире – это не простой контракт на сопровождение купеческого каравана и не исполнение обязанностей телохранителя какого-нибудь высородного дворянина или чинуши. Здесь другая кухня и каша намного перченей. Но и он не был готов к тому, что в конце короткого коридора окажется не дверь, а серебристое марево портала. Стараясь не подавать виду, он шагнул за аморфную пленку.

Как? Ируэль не замечал никаких направляющих для создания и поддержания перехода. Поверхностное сканирование не выявило ни замаскированных стел, ни силовой арки. Магов за тонкими стенами тоже не наблюдалось. За счет чего поддерживался переход? Эльф успел обернуться к Элиэль, жестом показав, чтобы девушка готовилась к серьезному разговору. Он слишком долго работал с владыкой и понимал, что просто так тантрийцы кому ни попадя секреты безрамочных порталов открывать не будут. Стало быть, на той стороне их ждет не простое собеседование. Совсем не простое... Как минимум с эльфов потребуют непреложной клятвы на крови и гарантий лояльности короне Тантры или чего другого, но с теми же результатами. В любом случае секрет портала умрет вместе с ними.

Тут как повезет. Тайна может сберегаться несколько веков и тихо почить в кровати умершего от старости хранителя, а может отправиться в чертоги Хель, вырванная из тела вместе с душой от какого-нибудь особо пакостного боевого проклятия. Тут в памяти эльфов обжигающими воспоминаниями всплыли строчки контракта, напечатанные мелким шрифтом под основным текстом. В мелкобуквенной приписке оговаривались особые условия. Ируэль корил себя. Зря он не акцентировал на них внимание. Старый дурак! Видимо, жизнь мало была его по хребтине. «Наниматель имеет право требовать и принимать любые меры для сохранения конфиденциальности...» Ируэль несколько не сомневался, что в свете открывшихся обстоятельств меры могут носить летальный характер. Стоило ли бегать от Хель по лесам и степям, чтобы очутиться в ее объятиях, переступив порог волонтерской конторы?

По ту сторону новоиспеченных наемников встретил усиленный тремя боевыми магами наряд стражи. Эльфов обыскали, отобрали все, что хоть мало-мальски могло послужить для умерщвления двуногих разумных, и препроводили в комнату без окон. Ируэль подумал: не сгруппировали ли тантрийцы? Он бы приказал развести заключенных по разным камерам, но люди этого не сделали. С другой стороны, тантрийцам бояться нечего. Запертые эльфы и не думали дергаться и возмущаться – мощные магические плетения, наложенные на стены их сумрачной

тюрьмы, отбивали всякое желание возмущаться и магичить. Тарг его знает, что может послужить активирующим импульсом для боевых сюрпризов.

Через пять минут напряженного ожидания в комнату вошли два человека. Ируэль в глубине души грустно усмехнулся. С первого взгляда он опознал в вошедших дознавателей тайной канцелярии. Эльф поймал встревоженный взгляд воспитанницы и чуть пожал плечами. Пантомима не укрылась от внимания дознавателей, похожих, как близнецы-братья. Оба высокие, поджарые и опасные, как горные коты. У обоих скуластые обветренные лица и короткие ежики стриженных светлых волос. Казалось, что цепкие взгляды агентов тайной канцелярии буравчиками вгрызаются в самую душу.

Элиэль прочитала молчаливое послание наставника. Ни один мускул не дрогнул на ее красивом лице, но внутри все выморозилось стужей высокогорных перевалов. Наставник сообщил, что за них взялись монстры куда как страшнее сулов. Первой же фразой правый от них дознаватель подтвердил опасения наставника:

– Меня зовут агент Кимт, моего напарника – агент Прог. Чтобы избежать в будущем неприятностей, я советую назвать ваши настоящие имена и происхождение. Если выяснится, что ваши имена, указанные в контрактах, ненастоящие, то... – Дознаватель не договорил, предоставляя эльфам возможность додумать конец фразы самим, а тут уж у кого как фантазия развита. Картина после слова «то» рисовалась невеселая. Никто не сможет тебя накрутить так, как ты сам себя накрутишь...

Ни Элиэль, ни Ируэль не знали, что прячется за словом «агент» и что оно означает, уловив только его общий смысл. Может, какое звание или ранг, занимаемый в тайной службе? Люди всегда были хитры на выдумки. Хотя звучание короткого, рубленого слова отдавало некоторой толикой чужеродности, словно оно пришло со стороны. Было заметно, что дознаватели пробуют и обкатывают его на языке, будто маленькие дети, в ярмарочный день обсасывающие леденцы на палочке.

После окончания войны и последовавшего за этим вынужденного бегства из Светлого Леса Ируэль несколько утратил возможности следить за изменениями в людских королевствах. Арии и пришедшие с драконами беженцы с Нелиты кардинально перемешали политическую кухню Алатара. За короткое время образовалось несколько мощных полюсов силы. Политические группировки оспаривали пальму первенства, но и они не играли первую скрипку на континенте. Над всеми противоборствующими лагерями простиралась арбитражная надстройка драконов. Крылатая императрица официально не вмешивалась в дела двуногих существ. На деле же ни одно телодвижение правителей не обходилось без пристального внимания драконов. У бывшего советника в руках осталось несколько ниточек, ведущих к законспирированной агентурной сети, созданной еще владыкой Ратэлем и затем основательно, но не до конца прореженной тайной канцелярией Тантры. За два года Ируэль ни разу не вышел на прямую связь с нужными фигурами. Бывший советник предпочитал стороннее наблюдение и косвенные контакты через подставных лиц. Благодаря агентурным данным он и воспитанница были в курсе основных событий. У эльфа было четыреста лет, дабы отточить аналитические способности, и еще два года на «рисование портретов» главных политических игроков. Кто-то, не представлявший всей картины, мог бы подумать, что в стане драконов всем руководит и командует императрица. Это было не совсем так. Опытные пройдохи носом чувствовали наличие у драконов еще одного игрока. Незвестный искусно прятался в державной тени и ни разу не выступил против всесильной императрицы. Хотя подвизавшимся на поприще политических игр хватало намеков на то, что Ягирра периодически оглядывается на Великую Мать миур и на древнего лесного эльфа, который держал в кулаке все поселения Великого и Первого Лесов. По некоторым косвенным признакам можно было сказать, что эти игроки не подчиняются королевской драконице, но предпочитают действовать в русле ее политики. Никто не мог понять причин, откуда берутся корни независимой политики пришлых эльфов, людей и кошколюдок.

Ируэль и не пытался искать их. Ему, как и многим другим, совершенно не хватало информации. Однако даже тех крох, которые порой перепали эльфу, было достаточно для соответствующих выводов, что у миур и эльфов есть высокий покровитель в окружении императрицы.

Агент Кимт несколько секунд полюбозавался на невозмутимые лица длинноухих наемников и кивнул напарнику; тот занял место за письменным столом, выложив на него пару крупных кристаллов.

– Не возражаете, – глумливо поинтересовался Кимт, устанавливая на столе небольшую стойку и вкладывая в держатель один из кристаллов, – если наша беседа будет вестись под протокол? Нет? Приступим.

Агент, с ноткой превосходства, улыбнулся одними уголками губ, между дознавателями и эльфами возник магический экран. Береженого Нель бережет...

Вопросы посыпались градом. Кимт кивал, получив ответ, уточнял, снова кивал, повторял вопрос, но уже по-другому... Было видно, что технология опроса давно отработана до мелочей, а вопросы подобраны опытными магами. Про себя Ируэль отметил, что раньше тайная канцелярия не отличалась подобной дотошностью. Серьезные изменения, меньше чем за три года тантрийские рыцари тайных дел далеко шагнули в части профессионализма. Это было страшно. Лес проигрывал гонку по части тайных дел.

– Что ж, вы были предельно откровенны, – через час мучений услышали эльфы, – вы нам подходите по всем параметрам... просто удивительно. В завершение опроса, уточню в последний раз – вы назвали настоящие имена? Предупреждаю: обучение языкам и письменности чужого мира будут проводить маги-менталисты. Как вы понимаете, без глубокого зондажа и малого слияния разумов в этом случае не обойтись...

Элиэль напряглась, Ируэль побледнел. Дознаватель ударил ниже пояса. За себя эльф не беспокоился, но Элиэль была не так сильна в постановке ментальных щитов... правильное сказать – совсем не сведуща. Тщательно разработанная легенда рассыпалась подобно песчаному домику.

– Вижу, вам есть что сказать, – магический экран засверкал ярче. Кимт перестал улыбаться. – Я вас слушаю.

– Что... вы... хотите... услышать? – разделяя каждое слово, спросил Ируэль.

– Неужели, СОВЕТНИК, вам нечего сказать? – выложил на стол козыри агент Кимт. – Предлагаю играть в открытую.

Элиэль почувствовала, как горло перекрыл тугой комок ужаса, поднявшийся из глубин естества. Так просто... агент Кимт не собирался ходить вокруг да около, а рубил клинком по живому. Создавалось ощущение, что спецслужбы Тантры только и делали, что ждали визита бывшего советника одного из самых одиозных владык Светлого Леса и дочь бывшего повелителя. Девушка второй раз в жизни увидела падение маски бесстрастности с лица наставника. Первый раз это произошло, когда они узнали о предательстве «измененных» и аресте отца прямо на Совете владык.

– Как? – выдавил из себя ошеломленный эльф. Несколько секунд он о чем-то лихорадочно размышлял: – Понимаю... И давно Дихт работает на тайную канцелярию?

– Не стоило вам лично встречаться с приказчиком.

– Как долго? – повторил вопрос эльф убитым голосом.

– Он с самого начала был нашим человеком и работал на корону.

– Даже так... Я аплодирую прозорливости герцога Рума, Дранг досыта кормил Лес дезинформацией.

– Советник Ируэль, вам не кажется, что вы несколько уклонились от темы?

Эльф ухмыльнулся и глянул на замершую в ступоре воспитанницу. Сейчас Элиэль больше всего напоминала напуганную пичугу, которую застал в дупле древесный кот. Тайная канцелярия переиграла его по всем статьям. В отличие от ищеек Леса, преследовавших

бывшего советника и дочь владыки с помощью артефактов, настроенных на кровь девчонки, «мальчики» Дранга, как истинные рыбаки, раскинули сети, насторожили удочки с донками и терпеливо ждали поклевки. Следует признать, что удача была на их стороне. Первая же осторожная поклевка принесла им редкую и очень дорогую рыбку. Кто же знал, что идея записаться в наемники, казавшаяся такой привлекательной, станет прямым путем в ловушку. Нет никакого сомнения, что наследнице владыки Ратэля отныне уготована роль разменной монеты.

– Что с нами будет?

– Ничего.

– Ничего? Не смешите меня...

– Ничего, – повторил агент Кимт, – вы же подписали контракт, согласно которому отправитесь в другой мир. Никто его не аннулирует, просто в договор будут внесены некоторые дополнительные параграфы и условия. – Тантриец состроил виноватое выражение лица и снисходительно улыбнулся. – Нам очень нужны ТАМ глаза и уши, неподконтрольные драконам, понимаете? Я опять предельно откровенен перед вами...

Эльф согласно кивнул в ответ на тираду. Это ему знакомо. Игры внутри игр. Драконы успели многим наступить на ноги, засунув свой нос куда не следует, затронув интересы серьезных фигур, отодвинув тех на вторые роли. Кому понравится, что его задвигают за ширму? Следовало ожидать появления тайной оппозиции, которая запустит щупальца во все структуры. Агенты тайной канцелярии умело сеяли семена, как они думали, в подготовленную почву. Ненависть к драконам эльфы Светлого Леса впитывают с молоком матери. Ируэль решил не разочаровывать вербовщиков. Пусть считают, что нашли их болевую точку. Зачем людям знать, что ни он, ни воспитанница не испытывают к крылатым ровным счетом ничего. Они давно избавились от чувства ненависти и нелюбви в отношении драконов. За что ненавидеть того, кто не дал к этому ни одного повода? Древняя вражда? Глупо, тем более рождение одной особы вплотную связано с крылатыми тварями. Тайная канцелярия в курсе того, что подручные Ратэля заказывали у хельратов определенные снадобья, но для каких целей, они не знают и не узнают никогда. Если и мстить, то совершенно другим разумным. У обоих имелся кровавый счет к нескольким соплеменникам. Жизнь в изгнании многому научила эльфов, яркими примерами доказав, что отдельным людям и оркам можно показать спину и быть твердо уверенным в том, что в нее не вонзят кинжал и не дадут это сделать другим.

Между тем агент Кимт, устав разглядывать задумавшегося советника, добавил как само собой разумеющееся:

– В другой мир отправятся агенты тайной канцелярии.

– Вы хотите заменить нас своими людьми? – спросила Элиэль, играя недалекую особу и сделав вид, что не выдержала морального давления словесной баталии. Ируэль грозно шикнул на девушку, он-то давно просчитал варианты окончания разговора и был недоволен недогадливостью девушки. Кимт и Прог синхронно повернули головы вправо, оперев взоры в эльфийку.

– Что вы, – разговорчивый резидент картинно взмахнул руками, – и в мыслях не было! Я предлагаю вам пополнить стройные ряды тайной канцелярии. С вашими данными и способностями вам открыты все дороги. Глядишь, к следующей встрече я окажусь вашим подчиненным.

– Как я понимаю, выбора у нас нет? – спросила девушка.

– Вы правильно понимаете.

– Вы потребуете магических обетов?

– Полноте, – ответил Кимт, – нам будет достаточно устной клятвы советника Ируэля. В силу некоторых обстоятельств нам невыгодно связывать вас магическими обетами, ограничимся стандартным контрактом...

С высоты прошедшего времени Элиэль знала, почему дознаватели не стали настаивать на магических ритуалах. Свежеиспеченные агенты отправлялись в мир без магии, где закрепленные клятвы без подпитки маной быстро рассыплются и потеряют силу, а найти способ нада-

вить... ни к чему лишние хлопоты. Элиэль, глядя на учителя, энергично кивала, в глубине души повторяя про себя, что тантрийцы не на тех напали: не стоило давать наставнику свободы маневра. Зря они дали рыбке слабинку – один сильный рывок, и леска будет порвана.

Через пару часов с формальностями было покончено. Эльфы получили подробный инструктаж, и их направили во внутренний дворик волонтерской конторы, в котором возле невысоких порталных стел прохлаждалось еще полтора десятка соблазнившихся работой в другом мире. Тихо переговариваясь между собой, наемники рисовали радужные замки, не представляя, что их ожидает три месяца ада на Земле.

Вскоре возле стел нарисовались маги, обслуживающие портал, и наймитов переправили в учебный лагерь. С высоты транспортной площадки, расположенной на плоском скальном уступе, Элиэль во все глаза рассматривала небольшой городок, раскинувшийся в живописной долине, окруженной острыми снежными шапками гор. Город не был похож ни на одно виденное ранее поселение Алатара. Дома в несколько этажей, крыши которых крыты широкими белесыми волнообразными листами. Ровные, залитые чем-то темно-серым дороги, вдоль которых высятся столбы с выступающими в сторону бобышками непонятного назначения. По дорогам движутся чудные колесные экипажи. От городка веяло чужеродностью и солнцем другого мира.

– Грамотно придумали, – высказался Ируэль, остановившись позади воспитанницы.

– Что вы имеете в виду, наставник?

– Из нас будут делать чужаков, – эльф кивнул на город, – ты же не думала, что мы отправимся ТУДА без соответствующей подготовки? Не заметила никаких странностей? – тут же спросил Ируэль.

– Одну, – ответила девушка.

Наставник поощрительно улыбнулся, подбадривая ее, и чуть склонил голову к правому плечу, ожидая результатов наблюдения:

– Какую?

– Портальная площадка. Почему ее вынесли за границу поселения? Логичней было разместить ее в городе.

– И все?

– Пока все, спустимся в город – может, замечу что-нибудь еще.

– Обрати внимание на пилоны поглотителей на окраинах поселения.

– Какие поглотители? – удивилась Элиэль.

– Обыкновенные. Смотри. – Ируэль ткнул пальцем в сторону решетчатых конструкций, прячущихся между деревьями. – Какой вывод можно сделать?

– Какой? – оторопела она.

– Подумай!

Элиэль несколько секунд глядела на пригожий городок иного мира и решетчатые конструкции поглотителей на его окраинах, которые выглядели инородным включением на фоне картины чужой жизни. Смутная догадка забрезжила в ее мозгу, вскоре она оформилась в четкую версию:

– Город накрыт куполом, поглотители откачивают ману. Наставник...

– Да. Скорее всего, в том мире нет магии. Ты это хотела сказать?

– Да. Но, наставник, ведь мы – не люди. Не думаю, что долго протяну без магической подпитки...

– Сейчас речь не о том. Вернись к разговору с Кимтом, он упоминал о драконах. Подозреваю, что объект находится в их ведении, либо они его курируют. Если в контрактах нет ограничений найма эльфов, значит, этот вопрос ими как-то решен.

В тот день больше ничего существенного не произошло. Наемников расселили в гостиницах, объяснив, для чего нужны штуки из белого камня и как ими пользоваться. Конечно, чужой

уклад, но для чего городить седалищные конструкции? Сливные дыры и проще и удобнее. С душевыми комнатами было понятнее, хотя и в них нашлись заморочки. Бытовые вопросы отняли время до самого вечера. Зато на следующий день началась учеба. Наемников погрузили в длинный экипаж, напоминающий дилижанс-переросток со множеством мягких сидений, и вывезли в небольшой поселок за границами учебного центра. В поселке наемники попали в руки магов-разумников, в задачу которых входило обучение языку. Иномиряне называли его русским. На изучение языка ушла седмица, или неделя, если выразаться земным понятием. Дополнительно к русскому им дали знания английского; как объясняла инструктор Наталья – английский считается в их мире языком международного общения. Изучение языка отнимало не более двух часов в день, остальное время магов учили разработанной драконами методике определения магических способностей. Мир Земли лишен магии. Меж тем главной задачей магов-наемников являлся поиск одаренных людей. Ради этого драконы пошли на раскрытие некоторых своих секретов. За три месяца ученики должны были научиться читать ауры, энергетические и пси-поля в условиях, когда отсутствует мана, а самое главное – отличать магов от обычных людей. Занятия проходили в городе, в условиях, максимально приближенных к земным. Время до обеда было также посвящено специальным тренингам по экономному, точнее – минимальному использованию маны из внутренних хранилищ. Для поддержания баланса и для предотвращения энергетического голода каждому выдавался браслет, инкрустированный россыпью драгоценных камней. На черном рынке такое украшение стоило не меньше пятидесяти тысяч звондов. За меньшие деньги миуровские аккумуляторы маны никто не продавал. Браслет-то выдали, но пользоваться им крайне не рекомендовали.

После обеда шли занятия с инструкторами, прибывшими с Земли. Литература, этикет, правила дорожного движения. Посещение ресторана и фастфуда: прорва ложек и вилок в первом заведении и отсутствие таковых во втором. Предупредительные официанты и что-то напоминающее половое из придорожной харчевни на тракте из Ортена в Киону. Телевидение и кинематограф, телефоны и банковские карточки, банкоматы и терминалы оплаты. Тысячи нюансов! Музыка, обычаи, краткое описание основных народов планеты, моделирование ситуаций. Умение обороняться. Быт, гигиена, одежда... О-о-о! Женская одежда – это отдельная песня. В общих чертах женская мода землян была срамной и... привлекательной. Особенно Элиэль понравилось нижнее белье. Такого богатства выбора моделей и фасонов она не видела ни на одном рынке и подозревала, что многие купцы разорятся, стоит землянам открыть свои лавки в городах и весях Алатара. Ей все было в диковинку. Мир Земли оказался намного сложнее, чем ей казалось вначале. Его люди буквально жили в потоке информации. Инструкторы ради интереса смоделировали земные условия и заставили всех пройти через них. К вечеру абсолютно у всех наемников раскалывались головы. В мире Земли не встречалось эльфов, зато человеческих рас было три, не говоря уже про смесков различных мастей. Магию заменяла технология. Приземистые колесные экипажи, называемые машинами или автомобилями, самолеты, электричество и многое другое. На изучение всего богатства достижений технологической цивилизации отводилось три месяца по времени Иланты, зато на Земле пролетело чуть больше тридцати суток.

Элиэль чувствовала себя задавленной потоком информации. Через неделю им запретили разговаривать на языках Иланты. В обиходе оставался русский. За каждое произнесенное на родном языке слово нарушители получали довольно неприятный электрический разряд с закрепленного на запястье правой руки браслета. Метод кнута и пряника быстро заставил следить за речью. Наиболее успевающие в учебе получили кучу послаблений и возможность отовариться в магазинах с земными товарами. Как пояснили инструкторы, часть из того, что не может быть взята с собой в их мир, будет дожидаться хозяев в специальных ячейках длительного хранения.

Долго ли, коротко ли – пролетели и отведенные на учебу дни. Чтобы не смущать неокрепшие умы землян, всех длинноухих наемников на четыре дня вывезли в Первый Лес, где им пришлось познакомиться с дугариями и обзавестись присущими людям ушными раковинами вместо острых листовидных ушек. После завершения контракта форму внешних органов слуха обещали вернуть обратно.

– ОГО!

– Фьюить!

– Крошка, посмотри на меня!

Не обращая внимания на восторженные возгласы, Элиэль поднималась по пандусу.

– Да-а, мужики, это же оружие массового поражения! Такая деваха без единого выстрела может захватить всю нашу базу. Я уже готов сдаться.

– Ага... пасть прикрой, Михалыч. Тоха, прибай товарищу пуговичку на затылке. Губу пристегнешь...

С трудом сохраняя невозмутимое выражение лица, эльфийка с грацией истинной королевы проплыла мимо техников, обслуживающих портал. Другой мир, но мужчины везде одинаковы, будь то Иланта или Земля.

Элиэль долго выбирала, что надеть на себя в знаменательный день отправки в другой мир. Как сказала инструктор Наталья предыдущим вечером – карантин закончен. Наемники достаточно хорошо перенесли комплекс иммуномодулирующих прививок. Сказывается, мол, не загрязненная экология, здоровый образ жизни, яички из-под курочки и молочко из-под коровки, а не сухоразведенная бурда в «тетрапаке». На последней фразе землянки Элиэль тогда индифферентно пожала плечами – лично ей понравилось молоко в коробках, вкусно и удобно. Никаких осложнений не обнаружено, стало быть, смысла держать нанятых магов в изоляторе больше нет. На Земле их ждет большой фронт работ. Раньше начнут – раньше закончат. Завтра будет осуществлена переброска, и бывшим слушателям предлагается собрать манатки. Личные вещи, которые разрешается взять с собой, полагается упаковать в сумки, остальное – передать в камеры хранения.

Элиэль поступила, как советовали земляне, ограничившись несколькими сменами нижнего белья и брючными костюмами, брать с собой весь гардероб не имело никакого смысла. Насколько она поняла, им выдадут местные деньги, так называемые подъемные и командировочные, которых должно с лихвой хватить на поход по магазинам. Поэтому девушка остановила выбор на брючном костюме и белоснежной классической блузе. После освежающего утреннего душа на лице был наведен неброский макияж, оттеняющий ее природную красоту. Высокая стройная шея подчеркивалась шейным платком, на ногах красовались закрытые туфли на невысоком каблучке, в тон к кремовому костюму. Тонкую границу миров пересекла фотомоделка, словно сошедшая с обложки одного из многочисленных земных журналов о моде. У эльфийки даже создалось превратное впечатление о земных женщинах. Ей начало казаться, что они помешаны на тряпках и диетах. Зачем, скажите, тратить драгоценную бумагу на рекламу всякой всячины, которая в жизни ни разу не пригодится? К чему забивать ее описаниями косметики, или, простите Близнецы, товаром, о котором и с подругами стыдно говорить... Срамота! Придется привыкать; как им правильно сказали – не стоит лезть со своим уставом в чужой монастырь. Она и не лезла, а постаралась как можно плотнее слиться с новыми реалиями, и похоже, что это ей в достаточной степени удалось. Неудивительно, что мужчины по другую сторону барьера изобразили из себя вставших в стойку охотничьих собак, завидевших вожака дичи.

– Проходим, не задерживаемся! – Эльфийка скользнула взглядом по подтянутым фигурам бойцов на посту контроля. Похоже, этим коротко стриженным парням с каменными лицами сногсшибательный шарм дочери мэллорновых куш был равносителен гороху, бьющему

об стену. Проведя вдоль ее тела непонятными палками – не то приборами, не то оружием, о которых забыли поведать инструкторы, и не обнаружив запрещенного к проносу, brave постовые моментально потеряли к ней всякий интерес. Даже обидно...

– Проходите по коридору, вас встретят, – буркнул старший поста, поворачиваясь к Иру-элю. И все, никаких таможенных хлопот и мыта.

Элиэль вошла в указанную постовым дверь, оказавшись в длинном коридоре со стеклянными стенами и потолком, за которыми открывался великолепный вид на теряющиеся в выси своды пещеры и громаду комплекса, освещаемую сотнями прожекторов. Где-то за куполами крайних зданий стены пещеры освещались периодическими яркими вспышками, какие бывают во время грозы. «Сварка», – вспомнила эльфийка термин, обозначающий процесс, при котором работники-земляне прикрепляли друг к другу металлические изделия.

Вскоре под сводами обзорной галереи дробился не только перестук каблучков красавицы-эльфийки. Все прибывшие, проходя мимо поста контроля, взяли за правило остановиться и поглазеть на жизнь подземного мира. Насмотревшись на красоты научного комплекса и благоговейно обсуждая мастерство умельцев-землян, соорудивших настоящий подземный город без помощи магии, адепты этого искусства направляли стопы в сторону широкой двери в конце галереи. Все они прошли курсы обучения, видели многочисленные документальные фильмы о жизни и достижениях землян, но это было одно – аморфное знание. Действительность оказалась много ярче самых смелых ожиданий, многие задались вопросом: зачем хозяевам магии? Действительно, зачем? Аборигены великолепно справляются без магии, подземный город потрясал: куда там гномам! Может, миуры могут соревноваться с людьми, но кошкo-люди не любят незваных гостей, так что сравнивать магам было не с чем.

Потом был сбор в конференц-зале, знакомство магов с местными патронами и кураторами и разъяснение задач, стоящих перед наемниками, хоть те и были в курсе предстоящей работы. Куратор подземного города, представившийся генерал-лейтенантом Саниным, оставил о себе неоднозначные впечатления. Элиэль, ориентируясь на наставника, сама для себя решила, что ей не хотелось бы стать врагом этого человека. Был в статном, сидящем генерале видимый невооруженным глазом стальной стержень, негибкая воля, а в глазах читался мощный ум. Зная местные порядки, можно было сказать, что куратор не просто так занимает свое кресло, совсем не просто так. В руках этого человека сконцентрированы все связи с другими мирами. Подобное многого стоит, а в политическом аспекте значит еще больше. На бурчание какого-то несдержанного молодого мага, только-только закончившего Ортенскую школу магии и подавшегося в наемники, прошептавшего, что им сто раз промыли мозги на Иланте по предстоящим обязанностям, Санин вернул русскую поговорку про повторение – мать учения. Он напомнил гостям из магического мира о стоящей перед ними задаче по поиску одаренных людей. Для чего прибывшие будут разделены на три десятка поисковых групп, к которым прикомандировываются оперативники, технические специалисты и бойцы из подразделений силовой поддержки, на плечи которых ложатся основные хлопоты по взаимодействию с местными и региональными властями и органами правопорядка. Полномочия командирам групп присваиваются самые широкие, вплоть до прямого выхода на руководителей ФСБ и даже премьер-министра. Но конечное действие равносильно «последнему доводу королей» и разрешено в самых крайних случаях. На время пребывания гостей на планете Земля и, в частности, – в России все они считаются сотрудниками государственной спецслужбы, коротко называемой ФСБ. Новоиспеченным сотрудникам выдадут удостоверения и присвоят звания старших лейтенантов. Гордитесь! Каждой сформированной группе отводится свой кусочек страны, который они должны перешерстить от копыт до загривка, найти всех блох и расчесать колтуны. В первую очередь проверке подлежат те, кто стараниями аналитиков и сотрудников госбезопасности попал в списки так называемых экстрасенсов, после чего начинается свободный поиск. Во втором пункте приоритетными направлениями считаются заведения с большим скоплением

людей, как-то: школы, конторы и офисы предприятий, высшие учебные заведения и места массового досуга, типа клубов или кинотеатров. Всем все понятно? Если так, то есть просьба не злоупотреблять клубами и развлекательными заведениями. Вопросы? Нет вопросов? Замечательно! Если вопросы все же возникнут, обращайтесь к командирам ваших оперативных групп. Три дня вам, господа старшие лейтенанты, на знакомство с закрепленным фронтом работ, сослуживцами, притирку к коллегам и временное обустройство. Выезд в Н-ск запланирован на завтра. Деньги, кредитные карты, паспорта и удостоверения получите утром. Сегодня у нас вторник, следовательно, не позднее субботы группы должны отбыть по месту несения службы.

Притирка к коллегам и знакомство с командиром группы не заняли у эльфов много времени. Главной в команде оказалась невысокая стройная девушка. Сначала Элиэль не восприняла ее всерьез, но, обратив внимание на то, с каким почтением к Марии Петровне Сергеевой относятся оперативники и бойцы силовой поддержки, решила не торопиться с выводами. И правильно сделала. Майор Сергеева оказалась личностью чрезвычайно эрудированной, умеющей принимать нестандартные решения, к тому же она была прекрасно подготовлена физически, что ценилось эльфами не меньше, чем ум. Посмотрев на тренировку кареглазой шатенки и учебный бой майора с силовиками, Ируэль с воспитанницей решили не попадать под горячую руку командирши. Неизвестно, может ли она пользоваться луком и кинжалом, но руками и ногами работает так, что любо-дорого смотреть. Здоровенные парни отлетали от нее, словно полешки от широкого колуна. Раньше эльф к забаве человеческих мужиков помахать кулаками относился скептически, с известной толикой пренебрежения. Земные реалии заставили его изменить свое мнение. Бой без оружия, оказывается, может быть настоящим искусством, а голая человеческая рука иногда бывает опаснее клинка бритвенной остроты. У людей, которые воюют тысячи лет подряд, есть чему поучиться.

Притирочные дни пролетели быстрее стрелы со свистулькой. Для группы Сергеевой командование определило ответственный участок где-то на востоке страны. Элиэль, к своему стыду, не помнила, где это. Так получилось, что она пропустила в учебном центре пару лекций по географии, а потом ликвидировать отставание было уже поздно. На устроенном лектором зачете ей попались вопросы про Сибирь, озеро Байкал и страны Центральной Европы.

– Куда нас? – спросила она наставника.

Ируэль велел воспитаннице следовать за собой. Через пару минут они оказались в классе, где одна из стен была украшена большой картой.

– Сюда. – Палец эльфа ткнул в точку, расположенную в пяти тысячах километров от Н-ска. – Не конкретно сюда, но где-то рядом, тут двести лиг по тайге никого не удивляет.

– Большая страна, – сказала эльфийка, медленно перемещаясь по карте от тихоокеанского побережья к Уральским горам.

– В три раза побольше Пата. Почти как весь северный Алатар.

– Сколько же они воевали, чтобы захватить эти земли?

– Ты будешь удивлена, они не сражались за эти земли.

– Как?

– Вот так, миром взяли.

Миром?.. Верилось с трудом. Миром можно взять, если за спиной крепкая армия. У русов, скорее всего, за спиной были вооруженные полчища. Тяжело избавляться от вбитых в подкорку стереотипов.

– Наставник, а нас на восток порталом отправят?

– Нет, самолетом. Чем ты слушала? Завтра с Н-ска военным бортом вылетаем в Москву. – Девушка улыбнулась – Ируэль, как заправский военный, с легкостью воспринял местный сленг и перешел в общении на него. – Майор обещала экскурсию по столице.

Глядя в иллюминатор, Элиэль, кажется, поняла, почему их отправили на задание воздушным транспортом. Для того чтобы гости оценили размеры государства и прониклись масштабами. Кажется, хозяева своего добились. Слова о десяти миллионах жителей столицы потрясали. На весь Светлый Лес и половины такой цифры не наберется. А когда самолет взлетел и начал набирать высоту, эльфийка долго смотрела на огни вечерней Москвы, убегающие за горизонт. Мириады светлых точек теснились внизу, образуя очертания домов и светящихся рек и ручьев, где вместо быстрых струй двигались потоки автомашин. Десять миллионов: не город, а громадный муравейник, к тому же не самый крупный на планете. Ужас!

Опустив спинку кресла, она задремала.

– Эля!

– Что? – Элиэль моментально встрепенулась.

Привычка. За два года, проведенных в бегах, она научилась засыпать в самых неожиданных местах и просыпаться при первом постороннем шуме, выделяющемся из общего контекста, или от звука собственного имени.

– Подлетаем.

– Уже?

– Уже, Эля. Ты как суслик продрыхла всю дорогу. Мы решили тебя не будить, – отозвалась с заднего ряда Сергеева.

– Спасибо, – ответила эльфийка, прильнув носом к иллюминатору и морщась от солнечных зайчиков на поверхности протекающей внизу реки.

Под салоном неприятно заскрежетало: казалось, дернулся весь самолет.

– Что случилось? – Настороженная эльфийка осмотрелась вокруг. Пассажиры вели себя абсолютно спокойно. Значит, треск и легкий толчок – это обычное дело.

– Шасси выпустили, – пояснила Сергеева.

Через пару минут лайнер резво катился по взлетно-посадочной полосе аэродрома.

– Дамы и господа, мы приземлились в аэропорту города Хабаровск, температура за бортом – двадцать пять градусов, солнечно. Капитан корабля и экипаж прощаются с вами...

Россия. Благовещенск, коттеджный поселок, с. Владимировка Элиэль

Время летело быстрее пули. Элиэль уже и не представляла себе другой жизни. Ей казалось, будто она с рождения мотается по городам и поселкам чужого мира, как-то неуловимо ставшего почти родным. За два месяца оперативно-поисковая группа майора Сергеевой занесла в актив пятьдесят девять будущих студизусов Ортенской школы. По крайней мере, эльфийка и ее наставник на все сто процентов были уверены, что проверенные ими люди имеют все шансы стать сильными магами. Из почти шести десятков людей одиннадцать были настоящими бриллиантами чистой воды. Наставник готов был биться об заклад, утверждая, что она футбольная команда при достаточной шлифовке мастерства даст сто очков вперед большинству гильдейских магистров. К тому же поисковики работали с кандидатами, возрастной диапазон которых очерчивался рамками от четырнадцати до сорока пяти лет. Сначала Элиэль не понимала, почему их наниматели ограничили поиск способных людей именно таким возрастным диапазоном, пока Сергеева не объяснила это факторами обучаемости, адаптивности к различным условиям и гибкости мышления. Силовик Юра, прошедший несколько местных локальных войн, пробурчал что-то о детстве в попе у тех, кто подпирает нижнюю границу, и эволюционирующем старческом маразме у перешагнувших верхний предел. Старую собаку трудно обучить новым фокусам, но... всегда бывают исключения. Их команду тоже не миновала чаша сия. Двенадцатилетние близнецы Аксеновы из Бикина выпадали из любых рамок, обещая в будущем стать сильнейшими магическими боевиками. Дети владели всеми стихиями и на интуитивном уровне, в скудном магическом фоне Земли, пользовались своим даром. С пяти лет они, с подачи отца, овладевали даром пирокинеза и телекинеза. Собственно говоря, неугомонный папаша уникамов тренировал талантливых отпрысков, пользуясь наугугленными в интернете различными методиками. Когда эльфы ознакомились с представленными распечатками, они задумались: кое-что могло рассмешить магов со стажем, но многое можно брать на вооружение и в магических школах. Земляне просто не понимают, какую кладовую знаний они создали с помощью своих умных машин и вычислительных центров. Среди вороха шелухи зачастую находятся такие зерна...

После того как эльфы давали положительное заключение по тому или иному кандидату в маги, за дело бралась Мария Сергеева. Элиэль было не интересно, о чем говорила майор с адептами, но все беседы заканчивались подписанием каких-то бумаг. Как подозревала Элиэль, люди ставили подписи в контрактах наемников. После чего они навсегда исчезали из привычной среды, перекочевывая в сборный пункт в Хабаровске, а оттуда порталом перебрасывались в Н-ск и далее, пройдя соответствующий инструктаж и накачку, отправлялись в Ортен.

Земляне чего-то ожидали. Наниматели не говорили, за каким чертом организован поиск одаренных соплеменников. Информацию пришлось добывать старым испытанным методом. Подслушав несколько раз разговоры майора и силовиков, проболтавших о двух годах в запасе, она пришла к выводам – либо на Земле появится магия, либо земляне нападут на магический мир, либо тот нападет на них. Иного смысла таскаться по городам и весям в поисках будущих боевых магов она не видела. К тем же выводам в конечном итоге пришел и наставник. Земляне готовились к войне. С кем? Вопрос. Не надо быть семи пядей во лбу, дабы смекнуть о засекреченности подготовки, скрываемой как от собственного населения, так и от иностранных спецслужб. Хотя майор пару раз намекала о неких шагах, предпринимаемых правительством по налаживанию контактов с властями иноземных государств. Для этого есть другие люди, и не с ее свиным рылом лезть в калашный ряд большой политики. Помойка там еще та,

своих затаптывают быстрее, чем чужих. На последнем высказывании Элиэль переглянулась с Ируэлем. Наставник многозначительно хмыкнул. Кому, как не ему, знать, насколько правдиво утверждение командира – за столько-то веков кипения в вонючем котле интриг...

Сегодня, по наводке коллег из УФСБ по Амурской области, они выкатились проверить один адресок и дочь некоего господина Серебрякова. Судя по справке, представленной в управлении, данный респектабельный господин некогда зарабатывал деньги на ниве криминалитета. Нынче он позиционирует себя законопослушным бизнесменом, меценатом, депутатом местного парламента, но связей с теневым миром не утерять и терять не собирается. Тяжело честным бизнесом зарабатывать по триста процентов прибыли...

Касаемо молодой особы – младшей дочери господина Серебрякова от второго брака. Согласно упорно циркулирующим слухам в богемной среде Благовещенска, частично распространяемым папашей, и оперативной информации от агентов в окружении бизнесмена, – Арина Серебрякова обладала даром экстрасенса. Девушка может лечить наложением рук, подчиняет взглядом людей. Ее гадания на картах Таро всегда сбываются. И прочая и прочая... В общем, папа умело создает любимой дочурке таинственный ореол и держит с ее помощью подчиненных в ежовых рукавицах. Ведь по просьбе родителя дивчина может и порчу наслать, и удачу отвернуть. Вроде двадцать первый век, но... кто ее знает? Может, она и впрямь ведьма? Лучше не испытывать на собственной шкуре. Береженого, как известно, Бог бережет. Тем паче все ярые недоброжелатели Серебрякова нехорошо кончали. Тут невольно о мистике задумался.

– Подъезжаем. Нехилый домик. Чтоб я так жил, – сказал Юра, разглядывая трехэтажную хоромину за высоким кованым забором. – Васек, ты уверен, что нам сюда? – обратился он к водителю.

– Уверен, – ответил тот, аккуратно объезжая рытвину посреди дороги. Василия придали группе в Хабаровске. Кроме дополнительной силовой поддержки он крутил баранку. Казалось, что невысокий рыжеватый мужчина, с тысячей веснушек на лице, знает в крае и за его пределами каждую проселочную дорогу и все лесные тропы, по которым может проехать автомобиль. Как пошутил коллега Василия из управления в Хабаровске, тот без напряжения обставит любого навигатора и засунет любой навороченный джи-пи-эс в одно темное местечко, где никогда не светило солнце. – Мать их ити, павлинов в курятники набрать – бабло есть, а на щебенку – в ямы подсыпать – копеек не хватает!

Элиэль опустила стекло, рассматривая конечную точку маршрута. Да, ребята правы, трехэтажный дом из красного кирпича с красивой облицовкой фасада под камень пригоже и гармонично смотрелся на фоне аккуратно подстриженных газонов с цветами посередине, двух маленьких прудиков с водопадами и желтых мостовых с голубыми елочками по бокам. Дом и двор составили бы честь многим виллам в Лайлате. У хозяина поместья есть вкус.

Джипы группы подрулили к воротам и остановились. Из небольшого сторожевого домика показался высоченный плечистый парень; как шутил Василий – дядя, достань воробушка. Он, коротко переговорив с выпрыгнувшим из машины Юрием и проверив у последнего удостоверение, сказал несколько фраз в рацию. Из сторожки вышел еще один охранник, рангом повыше первого, и снова проверил удостоверение у Юрия, а также у присоединившейся к нему Марии. Взгляд второго был взглядом старого цепного пса, предпочитающего не брехать попусту, а сразу хватать нарушителя за глотку или филейную часть. Неприятный и опасный тип. Заглянув в машины и, видимо, получив добро от хозяина, он дал команду на открытие ворот.

В кои-то веки охрана не приветствовала Элиэль привычным присвистом и восторженными возгласами. Подобная реакция на себя любимую давно перестала быть для нее чем-то особенным. Порой ей хотелось взять в руки острый нож и до крови поиграть с особо ретивыми самцами, не понимающими толстых намеков от Василия и Юрия, попеременно исполнявших роли кавалеров обольстительной блондинки. Парни доходчиво объясняли, что девушка

«занята», и не стоит на чужой вершок разевать роток. Иногда эльфийку до зубовного скрежета раздражали похотливые огни в глазах некоторых мужчин, бывших абсолютными нулями по шкале эльфов, но представлявших заезжую красавицу во всех развратных позах, что большими буквами читалось на их лицах. Особенно этим грешили смуглые, черноволосые, как говорил Василий – «носороги». Они точно намеков не понимали... В памяти эльфийки отложились эпизоды скоротечной драки возле ресторана «Боинг» в Комсомольске. После недели изматывающих поездок по поселкам и деревням, расположенным окрест Города юности и вдоль ветки железной дороги в сторону поселка Джамку, Сергеева предложила посидеть в каком-нибудь из городских заведений культмассового общепита. Ребятам и девочкам не помешает немного развеяться. Местные сотрудники посоветовали несколько заведений, в том числе и «Боинг». Оперативная группа расположилась в зале с караоке. На последнем настояла Элиэль. Не то чтобы настояла – предложила. Девушке неожиданно для себя самой понравилось петь незнакомые песни с текстами на экране. Когда инструкторы в учебном лагере знакомили наемников с бытом и нравами Земли, она и подумать не могла, что ее что-нибудь привлечет. Однако караоке стало одной из нескрываемых страстей. Голос у эльфийки был чистый и глубокий, прибавьте сюда идеальный слух – и получите результат. Чему-чему, а пению и музицированию в Лесу начинают учить чуть ли не с младенчества. Петь девушка любила. Пусть каждую песню она исполняла несколько иначе, чем ее привыкли слышать русские коллеги, но это лишь только придавало звучанию особенный, неповторимый колорит. Поэтому к желанию прекрасной половины человечества сильный пол отнесся с пониманием и со всем почтением. Ребята и сами были не прочь послушать сладкоголосую исполнительницу. Вечер протекал в веселой, домашней обстановке, пока в зал не ввалилась развязная компания чернявых, горбоносых молодых людей, бывших хорошо навеселе. От наблюдательной эльфийки не ускользнул тот факт, как моментально напряглись внешне невозмутимые бойцы силовой поддержки. А бывший до этого мечтательным, взгляд Сергеевой стал колючим. Чернявые посетители ресторана, до этого проводившие время в главном зале, громко переговаривались на гортанном наречии, сорили деньгами. Заметив белокурую исполнительницу, нарушители спокойствия тут же сделали охотничью стойку. В ход пошли пошлые намеки и непристойные предложения. Василий и Юрий попытались тактично уговорить вошедших в раж посетителей. Те же, бросая злобные взгляды на заступников чувственной блондинки, через слово повторяя «пилять», «слишь, да» и обещая «пираблемы», вымелись из зала. Далеко компания весельчаков уходить не собиралась, ожидая обидчиков на улице, где, используя численное преимущество, попыталась наехать на слишком много возмнивших о себе. Сергеева, кивнув парням, набрала на мобильнике какой-то номер. Получив от командира карт-бланш, силовики в минуту уложили горевесельчаков мордами на асфальт. Двоим, схватившимся за ножи, демонстративно сломали руки. Еще одному, выхватившему из-за пояса травматик, выбили рукоятью его же пистолета передние зубы, чувствительно добавив по печени и почкам. Несостоявшийся стрелок выплюнул осколки зубов и, тонко подвывая, свалился на брусчатку. Приехавший наряд полиции, глянув на корочки экзекуторов, проглотил языки. Чернявые, поняв, что наехали не на тех и что по понятиям с ними никто говорить не будет, а грядет разбор по самому жесткому варианту, мигом притихли и перестали сыпать угрозами. Кто-то из полицейских успел шепнуть горбоносому заводителе, что тот имел неосторожность обидеть спецгруппу ФСБ из Москвы. А у тех такая крыша – не приведи господь... Горбоносых распахали по машинам, пообещав Сергеевой устроить задержанным «забег» на все пятнадцать суток, в противном случае майор гарантировала стражам порядка неприятности из разряда «мама не горюй».

Глядя на церберов у ворот, Элиэль вспомнила канувший в Лету эпизод. Охрана поместья, вопреки ожиданиям, отнеслась к ней внешне равнодушно, ничем не показав, что их как-то задела красота девушки. Парни в пиджаках и белых рубашках, воротнички которых прижи-

мались к бычьим шеям тугими узлами галстуков, скользнули по гостям взглядами сторожевых псов, вышколенных суровым кинологом, и молча пропуская гостей, разошлись в стороны.

Хозяин коттеджа – среднего роста, плотный, седовласый, но моложаво выглядящий мужчина, ожидал незваных посетителей в гостиной, выдержанной в светлых пастельных тонах. Серебряков вальяжно расположился в кожаном кресле напротив широкой плазменной панели.

– Располагайтесь, господа, – указав жестом на диванчик и два свободных кресла, сказал хозяин. – Чем могу служить?

– Здравствуйте, Георгий Константинович! – ответила Сергеева, после чего представилась и представила остальных.

– Хм, – хмыкнул Серебряков, – занятно. Мария Петровна, не просветите, чем моя скромная персона привлекла внимание столь серьезной организации?

– Георгий Константинович, если начистоту, то ваша персона, пока вы не зарываетесь, нашу, как вы выразились, организацию не интересует.

– Даже так... – Хозяин сцепил пальцы рук в замок.

– Мы бы хотели, если вы не возражаете, встретиться с вашей дочерью.

– С Ариной? – мигом догадался Серебряков.

– Вы удивительно проницательны, – улыбнулась Сергеева.

– Что ж, разговор становится еще интересней. А если я буду возражать?

– Ради бога, – ответила Мария, – мы не настаиваем и покинем ваш гостеприимный дом. Но... – Улыбка майора перетекла в оскал голодной белой акулы, почуявшей кровь. Серебряков напрягся всем телом, словно олень, почувствовавший взгляд голодного хищника. – Пострадает ваша репутация. Вы ведь понимаете, невнимание моей организации может смениться на пристальный интерес к отдельным не совсем законным финансовым операциям вашей фирмы и некоторым способам ведения бизнеса. Не думаю, что вас привлекает игра в прятки в местах не столь отдаленных. Вы ведь понимаете, что упрятать можно любого. Никакая репутация не устоит против пары папок нехороших бумаг, приправленных пикантными подробностями и острым соусом. Но мы люди цивилизованные, зачем нам заморочки? Не находите, что без них будет лучше?

Элиэль осознавала грубость намеков командира, отработывавшей определенный сценарий беседы с оппонентом. Сергеева не собиралась играть в дипломата и фамильярничать с хозяином дома. Майор подробно изучила досье на «предпринимателя» и прекрасно знала, что тот собой представляет и какая начинка скрывается под внешним лоском. Видимо, в досье было уделено достаточно места для подробного психологического портрета «бизнесмена», вариантов давления на него и способов ведения переговоров. Люди, подобные Серебрякову, понимают только язык силы, и как бы они ни старались скрывать внутреннюю волчью суть за внешним лоском, главным законом для них оставался закон стаи. Майор предпочла сразу расставить точки над «и», показав, что клыки у нее больше, чем у хозяина поместья. И стая, пославшая клыкастую загонщицу, порвет любого, вставшего на ее пути. Хозяин поместья глупцом не был и недаром долгое время успешно лавировал среди «санитаров леса» Приамурья. Стреляный волк нутром чувствовал, когда накидываться, а когда стоит отступить перед более сильным и опытным соперником.

Серебряков несколько секунд боролся взглядом с бесцеремонной и напористой гостьей, после чего, признавая поражение, не выдержал и отвел взор в сторону. Женщина в кресле напротив была из второй когорты и принадлежала не к волчьей стае, а, по всей видимости, к львиному прайду – безжалостная охотница, не привыкшая упускать добычу из цепких когтей. Битому жизнью и конкурентами мужику совсем не хотелось оказаться в лапах зверушек из госбезопасности. Уж больно нехорошо на здоровье отзываются игры этих созданий.

– Паша, пригласи Арину. – Полуобернувшись к одному из охранников, приказал Серебряков.

– Не надо никого приглашать, – по деревянной ажурной резной лестнице со второго этажа спустилась виновница переполоха. – Здравствуйте!

Девушка с интересом разглядывала гостей. Впрочем, интерес был обоюдным. С первого взгляда эльфийке стало понятно, что слухи, распускаемые отцом Арины, далеко не безосновательны. Хрупкая кареглазая брюнетка, ростом чуть ниже метра семидесяти, к своим семнадцати годам обладала не только привлекательной фигурой и симпатичной мордашкой. В приложении к этим несомненным достоинствам девушка была умна и образованна – папа не жалел денег на репетиторов для родной кровинушки. В довершение ко всему в девице ощущался потенциал. До близнецов Аксеновых она недотягивала, но была на полголовы выше основной массы. Из Арины мог получиться грозный маг-боевик.

– Эля? – спросила Сергеева, ожидая заключения компетентного сотрудника.

Элиэль кивнула, подтверждая положительный «диагноз».

– Поздравляю. – Майор натянуто улыбнулась. – Георгий Константинович, уж не знаю, что вам досталось: то ли кот в мешке, то ли выпал счастливый, я не побоюсь этого слова – выигранный лотерейный билет. Вы разрешите поговорить с Ариной наедине?

– Нет, только в моем присутствии.

– Хорошо, – уступила на этот раз Сергеева, стрельнув взглядом в сторону охранников. Дважды повторять не пришлось: когда требовалось, Серебряков понимал намеки с полуслова. Один повелительный барский жест, и молчаливые парни закрыли дверь с другой стороны. – Арина, присядь, пожалуйста. Юра!

– Уже, – ответил Юрий, постучав ладошкой по небольшому пластиковому кейсу, стенки которого скрывали хитрый прибор, заставлявшийглохнуть звукозаписывающую аппаратуру. Своеобразная, порой необходимая, гарантия конфиденциальности.

– Георгий Константинович, Арина, позвольте предупредить вас об опрометчивости разглашения информации, обладателями которой вы станете. – Отец и дочь синхронно, совсем не картинно, поежились под пронизывающими взглядами сотрудников госбезопасности, вещавшими, что игры закончились, пришло время волчьих ягодок...

Через полчаса, покидая ошеломленных хозяев, Элиэль была остановлена наставником.

– Приглядиись, – сказал Ируэль, указав на двух парней у ворот, – ты ничего не замечаешь? Внимательно смотри.

– Странно, – ответила девушка, последовав совету старшего товарища. – Я бы сказала... – Элиэль зачерпнула маны из витого браслета-артефакта на левой руке и перешла на магическое зрение, – этих людей кто-то сначала проклинал от души, а потом, не заботясь о сохранности аур, снял заклятие. Грубая работа – не похоже, чтобы их проклинала девчонка.

– Ты права. Не похоже. Остаточный след слишком явный и до сих пор не развеялся. В этом-то мире! Понимаешь, о чем я? Возвращаемся!

В три шага догнав Сергееву, Ируэль дотронулся до ее локтя. Обратив на себя внимание, он коротко рассказал о наблюдениях и озвучил выводы. Майор согласилась с эльфами, что имеет смысл задать хозяину несколько дополнительных вопросов. Кивнув иномирным экспертам, чтобы те следовали за ней, Сергеева вернулась в дом.

Серебряковы не успели покинуть гостиную и были удивлены скорому возвращению неприятных визитеров, хоть и вернулись те в усеченном составе. Видимо, охрана прохлопала ушами и не доложила. Помимо отца и дочери, там же обнаружился еще один субъект, в котором любой наблюдатель мог заметить общие с хозяином дома черты. Молодой сродственник бизнесмена обладал спортивной фигурой с достаточным количеством мускулов на широкой кости и саженом плечевом поясе, общее впечатление несколько портил уродливый шрам на правой щеке парня. Но эльфов след былых баталий совсем не интересовал, обоих «экспертов» приковал к себе рубец от проклятия на ауре мужчины.

– Георгий Константинович, извиняюсь за вторжение, можно задать вам пару вопросов? – с места в карьер начала Сергеева.

– Можно, – ухмыльнулся Серебряков, – как будто вас остановит мое несогласие. Кстати, разрешите представить – Вадим Сергеевич Серебряков, мой племянник. Ему удалиться?

– Нет, – ответила за командира Элиэль, – Вадим Сергеевич нам как раз и нужен. – Эльфийка отпустила дар на волю, заставив глаза светиться призрачным светом.

– Ведьма! – одновременно шепнули мужчины.

Арина загадочно улыбнулась, она уже предвкушала обучение в магической школе другого мира и мнила себя опытным магом. Амбициозная девушка, без комплексов.

– Да ну? И зачем я вам понадобился? – нарочито бравируя и пожирая эльфийку взглядом, спросил племянник. Непонятно было, чего в том взгляде было больше: настороженности, похоти-вожделения или страха.

– Проясните, пожалуйста, некоторые моменты. – Элиэль отгородилась от людей невидимой стеной отчуждения, ведьмины огни в глазах загорелись ярче. – Где и когда вы успели заработать проклятие, след которого читается в вашей ауре? Советую быть откровенным. Не хотелось бы насильно приглашать вас в управление и накачивать наркотиками, чтобы добраться до правды. Кто? Где? Когда? – сорвавшись на змеиное шипение, припугнула она, пользуясь способом Сергеевой. Эльфийка не забыла похотливого взгляда. За отсутствием ножа можно резать словом: еще неизвестно, что больнее. Кто сказал, что если сработало один раз, то не сработает во второй? Сработало, не могло не сработать.

– В Таежном, – вместо племянника ответил старший Серебряков.

– Продолжайте.

Потусторонняя лампочка, подсвечивающая глаза эльфийки, потухла, но легче от этого не стало – вместо света теперь была пустота, бездна, затягивающая в себя. Глядеть в бездну было еще страшнее.

Серебряков-старший судорожно сглотнул, втянул в себя воздух, его самообладание дало ощутимую трещину. Противиться белокурой бестии с ангельским личиком и повадками демона из самых глубин ада не было никаких сил и возможности. Проведя пересохшим языком по губам, он начал рассказ.

Различной мистической хренью он начал интересоваться несколько лет назад. На него, нежданно-негаданно, навалились сильные головные боли. Возрастное, наверное, магнитные бури и смена погоды. Все потуги врачей избавить денежного клиента от мучений ни к чему не приводили. Разочаровавшись в медицине, Серебряков обратился к народным средствам. Захватив с собой дочь, он поехал в Екатеринославку к бабке-ведунье. Замшелой бабуле потребовалось три дня, чтобы избавить клиента от стальных шаров, бьющих по костям черепа изнутри. За успешное лечение бригада, нанятая благодарным клиентом, поправила знахарке дом. Выпроваживая пациента, бабка в стиле гоголевского мельника прошамкала: зачем ему, болезному, ведьма, если у него своя за спиной подрастает... Что-то щелкнуло в голове расчетливого бизнесмена. Счетная машинка и персональный компьютер за лобной костью выдали несколько вариантов привлечения дополнительных инвестиций в бизнес. Неплохо смотрелась возможность поддержать и повысить репутацию. До конца каникул Арина осталась у бабки, которая ухватила за возможность поддержать материальное благополучие внуков, проживающих в Благовещенске. Осенью бабулю уговорили перебраться в город, где та продолжала обучать девочку и лечила клиентов, которых к ней приводили по рекомендации Георгия Константиновича. Родная кровинушка тоже радовала успехами, врачую ссадины и порезы наложением рук и снимая боли наговорами. Жаль, обучение не продлилось долго. В декабре знахарка попросила отвезти ее в деревню, да так и осталась там. Два метра сырой земли надежно отделили почившую старушку от мира живых.

Бабка усопла, но Серебряков прочно ухватился за мысль поставить на поток услуги экстрасенсов. Мало ему было других дел. Купила баба поросю... но навязчивая идея уже была вброшена в массы. При умелом подходе и правильной обработке этой «целины», которой в Приамурье никто серьезно не занимался, можно было стричь солидные купоны. Оставалось найти и поставить на службу настоящих экстрасенсов, а не брехунов в десятом поколении. К огорчению бизнесмена, первые не желали отыскиваться, а последние на хрен не были нужны. Те, кто попадал в поле зрения агентов дельца, не выдерживали возрастного ценза. Проще было сразу земснарядом набрать песка в русле Амура, чем везти за тридевять земель рассыпающегося от старости дедка или бабулю. Молодые кандидаты непостижимым образом избегали внимания людей Серебрякова. Он уже совсем было опустил руки, но тут до ушей воротилы дошел рассказ одного бригадира грузчиков, что у них в поселке живет знахарка или знахарь. Бригадира же никто ни разу не видел со стаканом в руке. На все вопросы тот отвечал, что от водки его закодировал колдун. Он же излечил его от эпилепсии. На момент, когда слух дошел до ушей хозяина, залетный бригадир успел провороваться, или его удачно подставили. В любом случае парнишка не стал дожидаться гнева с небес и удачно сделал ноги. На всякий пожарный случай слух решено было проверить. С ближайшей оказией в Таежный отправился Вадим. С двоюродным братом напросилась Арина, к которой отец прикрепил персональную телохранительницу, она же тренер по фитнесу.

Колдун в Таежном был. Ершистый парень, восемнадцати лет от роду. Но сильный, падла... На последней фразе Арина бросила на отца странный взгляд и тут же отвернулась в сторону. Интересные пироги. Девочка равнодушна к коллеге по ремеслу? Визит к таежинскому знахарю окончился пшиком. Если не считать того, что племянника чуть не отправили на тот свет. По итогам неоднозначной поездки решено было собрать о парне информацию и окучить тему. Серебряков-старший хмыкнул. Второй выезд в Таежный не принес ничего хорошего. Клиент отказался от казалось бы беспроектного предложения. Между знахарем и людьми несостоявшегося нанимателя возник конфликт. Пришлось им в спешке уехать из поселка. За три сотни километров до Благовещенска горе-дипломаты почувствовали неладное. А так как «неладное» застигло одновременно всех четверых, то версия о простом совпадении отпадала сама собой. Колдун знатно покуражился, «наградив» обидчиков на дорожку. Не просите рассказывать, какого рода была «награда». Проклятие знахаря пожирало обидчиков изнутри. Через пару недель пышущие здоровьем и габаритами качки превратились в воплощение мечты бледных как моль фотомоделей, страдающих анорексией. Требовалось срочно спасать положение, ибо медицина полностью расписалась в своем бессилии. Все знакомые бабки удрученно качали головами и разводили руками, бормоча, что им не под силу снять наложенную порчу. Любимый племянник и брат таял прямо на глазах.

В Таежный отправилась третья экспедиция. На этот раз посольство возглавлял САМ... Знахарь простил дистрофиков и снял проклятие, взяв со всех клятву, что они забудут к нему дорогу. Иначе... Высокий гость предпочел согласиться со всеми условиями колдуна и не доводить угрозы парня до воплощения. Можно было, конечно, нанять киллера. Но не вариант, совсем не вариант... Рассказчик посмотрел на эльфийку, налил себе минералки и добавил, что у тетки его племянника точно такие же глаза – бездна, только еще глубже... Дернул их нечистый сунуться в логово смертельно опасной твари. Приехавшие за помилованием все время пребывания в забытом богом поселке ощущали призрачное давление на шеях. Аборигены, мм, местные жители оказались солидарны с земляком. Стволы карабинов и двустволок в форточках и заборных щелях не внушают оптимизма. В обратный путь отправилось на машину меньше. Серебряков приказал оставить один джип с пакетом документов на технику у ворот дома мальчишки. Вместе с джипом он навсегда оставил мысль рубить бабки на экстрасенсах, будь они прокляты.

– Адрес! – Сергеева достала из бокового кармана сумочки коммуникатор. – Дорогу вы забыли, но имя и адрес, надеюсь, помните?

– Пишите. Да, Вадим, принеси из моего кабинета... ты знаешь, какую папку.

– Как легко дышится! – Элиэль открыла окно и втянула воздух полной грудью. – Здесь все словно пропитано магией!

Маленькая кавалькада из двух внедорожников въехала на центральную улицу Таежного. Разбрызгивая грязь (недавний дождь оставил после себя громадные лужи, настоящие мини-озера, в которых плескались утки и гуси), машины свернули в боковой переулок.

– Может, ты и права, – промолвил Ируэль, разглядывая что-то впереди через лобовое стекло.

Элиэль совершенно не разобрала бормотания наставника, ее внимание привлекла крона высокого дерева над крышами крайних домов:

– Мэллорн! Близнецы всемогущие, мэллорн!

– Не может быть, – прошептал Ируэль, – не может быть...

Машины проехали мимо двухэтажной хоромины из оцилиндрованного бревна, отгородившейся от мира сплошным двухметровым забором, и остановились подле свежеекрашенных ворот предпоследнего дома, взиравшего на улицу чистыми окнами, обрамленными затейливыми резными наличниками. Вторая деревянная вязь вдоль крыши огибала отлив, по двум бревнам замысловатыми волнами взбиралась к резному коньку в виде головы лошади. Видно, что деревянные узоры украсили дом недавно, так как срезы дерева не успели потемнеть на солнце. Конек украшал новую кровлю из металлочерепицы. Из-за забора выглядывали крыши дворовых построек и стаяк. Подсыхающие коровьи лепешки и продавленные, залитые водой следы копыт свидетельствовали о том, что хозяин держит скотину. Элиэль чуть ли не по пояс высунулась из окна. Медовый запах затопил всю округу, пчелиный гул, казалось, перекрывает шум автомобильных двигателей. Удивительно: деревенское подворье буквально излучало жизненную энергию. Не только мэллорн дарил ее – дом и постройки жили и дышали вместе с хозяевами, имели свою душу. Скрипнув колесами по мелкой гальке, рассыпанной перед воротами, кортеж проехал тень ближайшей рябины и остановился. Звучно захлопали дверцы. Эльфийка первой покинула прохладный салон, окунувшись в облепляющую дневную духоту, и застыла, прикипев взглядом к кудрявой кроне древа жизни, нависавшей над соседними зданиями.

– Здравствуйте!

Через отворившуюся калитку навстречу гостям вышла высокая женщина с приятным округлым лицом, которое украшали васильковые глаза и добрая улыбка. Естественным жестом она вытерла мокрые, натруженные руки о застиранный передник, надетый поверх простенького, но элегантного цветастого платья.

– Вы, наверное, к Вадиму? – обратилась она к Сергеевой, безошибочно вычислив в прибывшей делегации главное действующее лицо.

– Мам! – В проеме калитки показалась плутоватая физиономия мальчика одиннадцати – двенадцати лет. – Можно на рыбалку?

– Я тебе что сказала? – Женщина гневно свела брови к переносице и обернулась к сыну, хотя Элиэль видела, что эта суровость – напускная.

– Ну, мам!

– Не мамкай, быстро в дом!

Пшеничноволосый, вихрасто-веснушчатый рыбак мальком порскнул обратно, но далеко уходить не собирался. За калиткой послышались приглушенное сопение и возня. Через несколько секунд в проем было выпихнуто еще одно действующее лицо, оказавшееся девочкой, к тому же сестрой-близнецом шепутного огольца. От брата девочку отличали широко откры-

тые, а не хитро прищуренные глаза, цвет которых мог соперничать с синью васильков, и тугая коса вместо вихрастого чуба.

– Ну, Витька, козел, я тебе... – Дальше она пробурчала что-то неразборчивое.

– Вика! – Девочка потупилась и одернула сарафан. – Иди домой.

Разобравшись с детьми, женщина повернулась к Сергеевой и без перехода сказала:

– Вадима Михайловича нет.

Не одна Элиэль отметила уважительное именование молодого человека по отчеству, члены группы тоже не пропустили мимо ушей этот немаловажный нюанс. Парень пользовался в поселке неподдельным уважением.

– Ого! Смотри! Не любят тут чужаков, – обратился Юрий к Василию, указав взглядом на дом через дорогу, где в светлом квадрате окна, периодически скрываясь за колыхающимися тюлевыми занавесками, выделялся женский силуэт, в руках которого явно была не швабра...

– Извините, э-э-э... – замялась Сергеева.

– Наталья, – пришла ей на помощь женщина.

– Наталья, а как бы нам его найти?

– В Хабаровске ищите.

– В Хабаровске?

– Ага! Он на врача учиться поехал! – высунулся в проем рыбак, который игнорировал наказ матери, оставшись дежурить у калитки.

– Понятно. Скажите, а Вадим Михайлович случайно не оставил номера своего телефона?

– Нет. – Судя по тону и скорости ответа, Наталья врала. В глазах женщины можно было прочесть, что номер мобильного хозяина дома она не скажет даже под пыткой, как и то, каким образом она поселилась у знахаря.

– Извините, Наталья, вы не разрешите посмотреть на дерево? – обратилась Элиэль. Объяснять, о каком растении идет речь, не имело смысла. Гостю мог заинтересовать только зеленокудрый великан, окруженный мириадами пчел.

– Хорошо. Вика, проводи. – Наталья как-то странно ухмыльнулась.

Элиэль кивнула наставнику, и эльфы пошли за девочкой, которая изо всех сил старалась выглядеть взрослой и самостоятельной. Правда, быстрые заинтересованные взгляды на «настоящую модель», от вида которой даже ее малолетний братец начал пускать слюнки, и малиновый румянец, полыхающий на щеках, сводили на нет попытки выглядеть соответствующе выбранному образу.

– Дальше я не пойду.

– Почему? – удивился Ируэль. Может, девочка испугалась пчел, сновавших между деревом и двумя десятками ульев, установленных за ручьем? Вика, копируя мать, загадочно улыбнулась, указала гостям на дорожку из белого мелкого гравия, огибавшую красивую беседку восточного стиля, и отошла к грядке с поспевающей клубникой.

Эльфы обогнули беседку, от которой веяло спокойствием и духом созерцания, приостановились у ручья, звонкие струи которого омывали толстые серебристые корневища мэллорна. Элиэль, волнуясь, непроизвольно взяла наставника за руку. Близость родственной души дарила спокойствие, так необходимое сейчас девушке, окунувшейся в потоки маны, стекающей с ветвей древа. Оба путешественника, словно губки, жадно впитывали в себя живительную энергию, впервые за несколько месяцев не завися от драконьих браслетов и артефактов-накопителей.

Белая дорожка оканчивалась у невысокой кованой оградки с двумя маленькими надгробиями, между которыми были установлены столик и лавочка.

– Прах предков! – хрипло сказал наставник. – Пойдем!

Но дойти до надгробий им было не суждено. За пять метров до захоронения воздух сделался вязким, за четыре превратился в кисель, за три – в стену, оттолкнувшую эльфов к начальному рубежу. Листья мэллорна, несмотря на полное отсутствие ветра, угрожающе заше-

лестели, словно предупреждали о нежелательности нарушения незримых границ. Место упокоения предков хозяина осталось недостижимым. Эльфы вынужденно отошли на пару метров назад.

– Ну как, получилось? – нарисовался за спиной вихрастый брат девочки. – Вадим предупреждал, чтобы никто не совался к могилам.

– Мальчик, тебя же Витей зовут? – спросил Ируэль.

– Меня не зовут, я сам прихожу, – огрызнулся постреленок, запихивая за щеку сочное красно-белое ягодное сердечко.

– Вика, извини, можно тебя спросить? – подключилась к наставнику Элиэль, выбрав себе другую цель. Девочка кивнула. – Вика, скажи, пожалуйста, а давно здесь растет это дерево?

– Я точно не знаю, мы с города переехали с месяц назад, но деда говорил, что медовое дерево выросло в прошлом году. Это его улы. Дядя Вадим тоже отдал деду своих пчел за половину меда. Дед уже качал один раз. – Вместе с зерном истины хозяйская дочка выдала гору ненужной информации.

– Сразу такое большое выросло? – уточнил Ируэль.

– Не-а, – включился в разговор Витек.

– Нет?

– Ага.

– Что-то я запуталась. Если в прошлом году оно было маленькое, то как оно могло в этом стать большим?

Мальчик пожал плечами:

– Дед говорил, что за два дня вымахало, а почему, я не знаю. Это к деду.

– А как с ним поговорить? – спросила эльфийка, поняв, что большего с мальчишки не выдоить. Слишком уж ненадежный источник информации.

– Как с пасеки приедет.

– А когда он приедет?

– Не знаю, у бабули спросите.

Нечего сказать, информативно и содержательно. Эльфы переглянулись между собой. С подобным им сталкиваться не приходилось, если не считать драконов, которые посадили мэллорновые леса, но знахарь-то не дракон! Все свидетельские показания и собранные материалы однозначно утверждают, что он – человек! Выходит, что не совсем. Даже эльфам не под силу вырастить могучего лесного великана из ростка священного древа за два дня – и это в мире, где есть магия, а не в скудной «пустыне» без маны. Могильные надгробия между корнями только добавляли вопросов. Люди не хоронят своих усопших в собственных огородах, тем паче под мэллорнами. Для захоронений у них организованы общественные кладбища. Тем более они не кремируют мертвецов таким экзотическим для России способом. Ясно одно, что дело тут нечисто. Срочно требовалось искать так не вовремя исчезнувшего знахаря. Или вовремя. Для кого как. Тут как посмотреть.

– Игорь, Эля, по машинам! – донесся до «экскурсантов» приказ командира.

Эльфы поблагодарили детей и заспешили к железным коням. Элиэль почему-то запомнился небольшой острый сук, выпиравший из необхватного ствола мэллорна на высоте примерно полутора метров от земли. Слишком уж был замечен диссонанс между серебристой корой и грязно-бурым сучком, словно его специально вымазали в крови...

– Меня не волнует как, мне важен результат. Возьмите под наблюдение все медицинские учебные учреждения. Да!.. Под личный контроль! Второе – вы должны проследить за телефонными переговорами всех сотовых операторов Таежного. Особое внимание уделите номерам, зарегистрированным на фамилии Пчелинцев, Бондарь, Чеканова, Белов. Да... немедленно... мне лично... А мне начхать, высылайте нарочными голубями! Что вам еще непонятно?.. Дей-

стуйте! Идиот! – Сергеева с силой захлопнула «раскладушку» мобильного и ударила Василия по плечу: – Поехали!

– Куда?

– Вася, не тупи. В Хабаровск!

Россия. Хабаровск

Вадим

Над головой раздался приятный звон колокольчика. Доводчик мягко подтянул тяжелую дверь, преграждая полуденной духоте путь в кондиционированное пространство элитного салона красоты.

– Здравствуйте! – Навстречу Вадиму из-за стойки, напоминавшей ресепшн престижной гостиницы, поднялась холеная рафинированная красавица с модной прической и маникюром.

– Здравствуйте, – ответил Вадим, оглядываясь вокруг и устало опираясь на трость.

«Лендкрузер», доставшийся ему от «благодарных пациентов», он оставил на платной стоянке, решив не рисковать здоровьем и джипом. Вадим сначала хотел отдать ненужную машину кому-нибудь из соседей или иркутянам. К сожалению, знакомые дружно отказались от дорогого подарка. Нет, его не грызла совесть за то, как он неожиданно-негаданно стал счастливым автовладельцем. Парню было стыдно признаться в том, что он испытывает иррациональный страх перед четырехколесным другом. Выучился на права он, как и многие одноклассники, в одиннадцатом классе, получив заветные корочки вместе с аттестатом об окончании среднего образования. После злосчастной аварии, чуть не отправившей его на тот свет, парень с недоверием относился ко всем современным средствам передвижения.

Наличие личного автомобиля априори заставило хозяина задушить ростки страха перед железным конем, но не имея достаточного опыта вождения, он опасался попасть в аварию. Город – это вам не автотрасса. Стоит только хлопнуть ушами, как тебя уже «поцеловали», или ты выступаешь в роли героя-любовника. Доказывай потом, что тебя совсем не интересует бампер блондинки... точнее – ее джипа, подаренного спонсором или богатым родителем. Да мало ли что может приключиться на дороге?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.